

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

41 2022
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (436) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Изамбáрд Кíнгдом Брюнэль* (1806–1859), гениальный британский инженер, вместе с небольшой группой талантливых коллег способствовавший тому бурному экономическому и социальному рывку Великобритании, который впоследствии назвали промышленной революцией.

Он родился в 1806 году в семье известного инженера французского происхождения Марка Брюнеля. Изамбард получил блестящее техническое образование и с юных лет, как только ему исполнилось 16, стал работать в фирме отца. Опыт и знания оказались востребованы: в 20 лет Брюнелю доверили руководить сложнейшим проектом — строительством эпического тоннеля под Темзой. Задача оказалась настолько нестандартной, что потребовалось 16 лет на завершение этого строительства!

Затем Брюнель взялся за новое масштабное начинание — сооружение железной дороги между Лондоном и Бристолем. В то время это был поистине грандиозный замысел, и британский парламент, рассмотрев план Брюнеля, дал добро. Дорога, получившая название Great Western Railway, была запущена в 1843 году, соединив лондонский вокзал Paddington с бристольским Temple Meads.

Но у амбициозного инженера возник вопрос: зачем же заканчивать удачный транспортный проект в Бристоле? Почему бы не наладить морское сообщение между Бристолем и Нью-Йорком? Брюнель спроектировал и построил корабль The Great Western — первый пароход, способный переплыть через Атлантику без захода в порт для дозаправки.

Не останавливаясь на достигнутом, талантливый инженер создал еще один корабль, The Great Britain. Оснащённый принципиально новой системой винтов, пароход стал самым крупным и быстроходным судном того времени.

Затем последовал триумф кораблестроения — огромный пароход The Great Eastern, спроектированный Брюнелем для экспедиций в Индию и Австралию. Он обладал такими размерами, что в него помещался годовой экспорт товаров из этих стран! Только через 50 лет был построен более мощный корабль.

Кроме того, за свою жизнь он построил:

- 25 железных дорог в Англии, Ирландии, Италии, Индии.
- 8 пирсов и сухих доков,
- 5 висячих мостов.

Брюнель был одним из создателей стандарта проектирования железных дорог с минимальными уклонами и наибольшими радиусами кривых, что требовало многочисленных искусственных сооружений (насыпей, виадуков, мостов и туннелей), которые сам же и проектировал, считая, что удорожание в строительстве компенсируется более низкими издержками в эксплуатации. Он был сторонником широкой колеи — 7

футов и 1/4 дюйма (2140 мм). Брюнелевская колея, в отличие от степенсоновской — 4 фута 8,5 дюйма (1435 мм), — не прижилась.

При постройке Хрустального дворца он помогал и советом, и делом; по его указаниям предприниматель Пакстон сделал некоторые поправки в первоначальном плане.

В 1854 году, во время Крымской войны, Брюнелю была поручена постройка военного госпиталя в Ренкиое (Эренкое) у Дарданелл; для постоянного снабжения его свежей водой он устроил водопровод, провёл рельсовый путь для перевозки больных от места их высадки. Тогда же предлагал построить канонерскую лодку для высадки боевых машин для атаки крепости Кронштадт, но этот проект (прообраз танков-амфибий) не был реализован.

Последним, самым знаменитым его делом была постройка колоссального цельнометаллического парохода «Левиафан», переименованного позже в Great Eastern, проект которого он создал в 1852 году и окончил после многолетней работы, преодолевая денежные затруднения и всякого рода материальные и физические препятствия. Сильное напряжение во время исполнения его любимого проекта подорвало его силы; он уже давно все свои важные работы выполнял, будучи уже больным. Во время приготовлений к пробному плаванию Great Eastern Брюнеля постиг апоплексический удар (по другой версии, инфаркт), от которого он умер в Вестминстере 15 сентября 1859 года.

Хотя минуло больше века со времени, когда творил гениальный инженер, его изобретения до сих пор служат людям: скоростные поезда мчатся по железной дороге между Лондоном и Бристолем, в ущелье над рекой Эйвон перекинут красивейший Клифтонский подвесной мост, а отреставрированный корабль The Great Britain поражает туристов, приезжающих в Бристоль.

В 2006 году Королевский монетный двор Великобритании выпустил две биметаллические памятные монеты достоинством в два фунта каждая в честь 200-летия со дня рождения Брюнеля. На обратной стороне монет отчеканен портрет Брюнеля на фоне двух его наиболее значимых достижений. На одной из монет изображен мост Royal Albert Bridge, на второй — крыша станции Паддингтон.

Известный английский певец Стинг включил в свой альбом 2013 года балладу Ballad of the Great Eastern в стиле старинной народной песни, повествующую о строительстве знаменитого парохода-гиганта, в финале которой утверждается, что Брюнель продал душу дьяволу.

Именем Брюнеля назван технический университет в Лондоне.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Овчинникова М. С., Торосян Р. А.

Порядок защиты органами прокуратуры прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации 159

Огарёва М. Ю.

Особенности правонарушений, за которые предусмотрено административное приостановление деятельности 161

Олейник С. С.

Актуальные проблемы оптимизации трёхуровневой системы федеральных органов исполнительной власти в соответствии с реализуемыми ими функциями в свете конституционной реформы 2020 года 162

Оруджлу Р. А.

Международные судебные разбирательства и международная эколого-правовая ответственность: последние изменения и перспективы 164

Петров А. В.

Участие сотрудников Федеральной противопожарной службы в рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах 170

Плотников О. А.

Правовое регулирование цифровых активов: сравнительный анализ 172

Пономарев Д. Е., Соловьева О. А.

Местное самоуправление как основа конституционного строя Российской Федерации 175

Пономарев Д. Е., Соловьева О. А.

Организационные основы местного самоуправления 179

Родионова А. О.

Участие представителей работников в разработке и принятии локальных нормативно-правовых актов 181

Румянцев М. С.

К вопросу о понятии принципа добросовестности в гражданском праве 183

Саидзода А. И.

Понятие и соотношение терроризма и террористического акта: исторический аспект 186

Сальникова А. В.

Понятие юридически значимого поведения и его виды 188

Санжаровский П. Д.

К вопросу о степени общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации ... 189

Семисчастнов Е. А.

Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения: актуальные вопросы теории 191

Суренкова А. В.

Социальное обслуживание пожилых граждан: современные практики 193

Сурова Т. П.

Защита прав собственников помещений при проведении переустройства и (или) перепланировки 195

Сылко В. Е.

Классификация преступлений в уголовном праве 198

Терентьев Д. А.

Применение условно-досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания судами Удмуртской Республики 200

Глостанов А. К.

Особенности квалификации преступлений,
предусмотренных статьей 291 УК РФ
(посредничества во взяточничестве) 205

Фимин В. А.

Незаконный оборот наркотических средств,
психотропных веществ или их аналогов
(статья 228 УК РФ): проблемы квалификации
и правоприменения 207

Цыба Р. В.

Процессуальный статус прокурора
в производстве по делам об административных
правонарушениях 209

Чепиков В. А.

Проблемы ответственности сторон по договору
энергоснабжения 211

Шибанова С. А.

Проблемы применения примирительных
процедур в гражданском процессе 213

Янченкова К. А.

Проблемы квалификации неоказания помощи
больному 215

МЕДИЦИНА

Кубеко А. В., Давыдова Л. А.

Клиническая анатомия фибеллы 219

ФАРМАЦИЯ
И ФАРМАКОЛОГИЯ**Абдуллабеков Р. Н.**

Особенности лицензирования фармацевтической
деятельности в России 222

ВЕТЕРИНАРИЯ

Черкасов Д. П.

Оценка противоопухолевого действия
нанокомпозитных препаратов селена и серебра
на тубуло-папиллярную карциному молочной
железы 224

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Солодилова Е. С., Ларкин М. Л.

Средства физической культуры в регулировании
работоспособности 227

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Рябчиков С. В.

Древнегреческий бог Гермес и адыгейский нарт
Уазырмес: об одном культурном
заимствовании 230

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Рузметова Ю. Ш., Джуманиязова С. Р.

К вопросу о неологизации в русском языке 235

Стеценко О. А.

Философия и поэтика любви в стихотворении
М. Ю. Лермонтова «Расстались мы; но твой
портрет...» 236

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ
O'ZBEKISTON**Ақманова Ш. А.**

Библионимларнинг трансонимизацион
функцияси 239

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Порядок защиты органами прокуратуры прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации

Овчинникова Маргарита Сергеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Торосян Рима Андраниковна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Здоровье граждан — основа национального богатства страны. На современном этапе обеспечение реализации права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, есть одно из самых приоритетных направлений государственной политики в Российской Федерации. Особое место в обеспечении защиты прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь занимают органы прокуратуры Российской Федерации. Прокуратура является едва ли не единственным государственным органом, осуществляющим бесплатную правовую помощь населению. При этом устранение нарушений закона и восстановление нарушенных прав средствами прокурорского реагирования осуществляется весьма эффективно и в короткое время.

Ключевые слова: прокуратура, здоровье граждан, охрана здоровья, медицинская помощь, правовое государство.

Безусловно, актуальность проблем в сфере здравоохранения требует пристального внимания работников органов прокуратуры. Так, типичными нарушениями законодательства о правах граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, выявляемыми прокурорами в ходе надзорных мероприятий, являются несвоевременность передачи поставленного медицинского оборудования в оперативное управление медицинских учреждений, ненадлежащее укомплектование автомобилей скорой помощи и фельдшерско-акушерских пунктов медицинской техникой и необходимыми медико-санитарными материалами.

Имеют место быть факты незаконного оказания медицинской помощи гражданам нашей страны на платной основе, в то время как лечение заболеваний, входящих в территориальную и федеральную программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи, должно осуществляться бесплатно. Не исключены различные нарушения закона при предоставлении пациентам платных медицинских услуг.

Так, вопиющие данные выявила надзорная работа по направлению проверки обеспечения льготников бесплатными лекарственными препаратами — нарушения порядка, объемов или сроков предоставления лекарств были зафиксированы в 42 субъектах РФ (особенно большое количество выявленных нарушений зафиксировано в Томской и Кировской областях, более 2 тыс. фактов в течении прошедшего года, и только благодаря своевре-

менным мерам прокурорского реагирования пациенты обеспечивались необходимыми лекарственными препаратами) [2; с. 94].

Зачастую прокуроры в ходе проведения проверок выявляют незаконные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления, регламентирующие правоотношения в анализируемой сфере.

Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2021 году прокурорами выявлено 80316 нарушений законодательства о здравоохранении (АППГ — 86016), в целях устранения которых, опротестовано 660 правовых акта (АППГ — 675); в суд направлено 13097 исков (заявлений) (АППГ — 15092); внесено 15230 представлений об устранении нарушений действующего законодательства (АППГ — 14915), по результатам рассмотрения которых, к дисциплинарной ответственности привлечено 17924 должностных лица (АППГ — 22422); по постановлениям прокуроров к административной ответственности привлечено 4648 лиц (АППГ — 5135); в порядке ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ в органы предварительного расследования направлено 231 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (АППГ — 205), по результатам рассмотрения которых, возбуждено 199 уголовных дел (АППГ — 158); 1104 лица предостережено о недопустимости нарушений закона (АППГ — 1588) [3].

Выявляемые сотрудниками органов прокуратуры нарушения исполнения законодательства о правах граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, как правило, позволяют сделать вывод о недостаточно эффективной работе со стороны контролирующих органов, которые в ненадлежащей мере выполняют возложенные на них контрольно-надзорные полномочия, при привлечении виновных лиц к предусмотренной законом ответственности зачастую допускают нарушения.

Также стоит напомнить, что в 2020 году весь мир столкнулся с новой угрозой, которая затронула все сферы жизни общества: политику, экономику, социальную и духовно-культурную. В качестве первостепенных задач прокуратуры в указанной сфере выделяют: обеспечение права каждого на качественную медицинскую помощь посредством использования всего комплекса мер, которыми наделен прокурор, с целью реализации законных прав в сфере здравоохранения; упреждающий характер прокурорского надзора в этой сфере общественных отношений; комплексная работа по противодействию правонарушениям в данной сфере; надзор за органами государственной власти и местного самоуправления, которые наделены полномочиями в области здравоохранения.

По поручениям Генеральной прокуратуры РФ органами прокуратуры был проведен ряд проверок в связи с массовым заболеванием новой коронавирусной инфекцией воспитанников учреждений для детей. В частности, для реализации вышеизложенной задачи было проведено более 32,8 тысяч проверок, которыми охвачены учреждения здравоохранения, социального обслуживания, хозяйствующие субъекты, осуществляющие оказание услуг населению, органы государственной власти и местного самоуправления [1].

Под контролем органов прокуратуры находилось лекарственное обеспечение и оснащение необходимым оборудованием учреждений здравоохранения.

При осуществлении прокурорских проверок выявлялись многочисленные нарушения законодательства, например: доступность медицинской помощи, право на бесперебойное лекарственное обеспечение, непринятие органами власти и местного самоуправления мер, способ-

ствующих повышенной готовности учреждений здравоохранения в период пандемии.

Охват прокурорской деятельности в обозначенной сфере оценить можно, лишь прибегнув к статистическим данным, размещаемым в обязательном порядке в соответствующих разделах официальных сайтов прокуратур субъектов Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Например, прокуратурой Нижегородской области в сфере здравоохранения за 2021 год было выявлено 1807 нарушений законов. Всего принесено 66 протестов в соответствующие органы власти и медицинские учреждения, подан 161 иск в суды общей юрисдикции и арбитражные суды на общую сумму в 68000 рублей, внесено 451 представление. По представлению прокуроров к дисциплинарной ответственности привлечено 758 лиц, к административной ответственности привлечено 72 лица, переданы материалы для возбуждения уголовного преследования в отношении 2 лиц, возбуждено уголовное дело в отношении 1 лица. Предостережено 10 лиц о недопустимости нарушений законодательства в сфере здравоохранения [4].

Подводя итог проведенному исследованию, можно сказать, что соблюдение прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь обладает значением общегосударственного характера. Несмотря на происходящие в последнее время реформы в системе здравоохранения, и на то, что органы прокуратуры проводят значительную работу в сфере обеспечения прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, говорить о полном искоренении нарушений не представляется возможным. Рассмотренная деятельность требует дальнейшего совершенствования и повышения ее эффективности. Органам прокуратуры, при осуществлении своей деятельности, необходимо не только выносить акты прокурорского реагирования, но и обеспечивать действительное устранение причин и условий таких нарушений. Считаем, что ввиду наличия у прокуратуры знаний о том, как работают на практике законы, гарантирующие те или иные права граждан в сфере здравоохранения, и предоставленных им полномочий, они обладают возможностью по содействию государству в решении имеющихся проблем.

Литература:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]: о принимаемых органами прокуратуры мерах по защите прав граждан и законных интересов бизнеса в условиях распространения коронавирусной инфекции. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1864960/> (дата обращения: 11.05.2022).
2. Какителашвили, М. М. Получение подарков в сфере оказания медицинских и образовательных услуг: чаевые или взятка? // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 7. с. 94.
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации/Состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2020 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2021 год URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1809484/> (Дата обращения 11.05.2022).
4. Результаты работы за 2021 год // Официальный сайт прокуратуры Нижегородской области. URL: http://proc-nn.ru/ru/547/2017/rezultaty_raboty_2017_g/ (дата обращения: 11.05.2022).
5. <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-v-sfere-zdravoohraneniya/viewer>

Особенности правонарушений, за которые предусмотрено административное приостановление деятельности

Огарёва Маргарита Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Беляева Ая Абильманатовна, кандидат юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Согласно п. 1. ст. 2.1. КоАП административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность [1].

В своей работе Д. Н. Бахрах подробно рассматривает систему административных наказаний, а также выделяет 6 признаков административных правонарушений:

- 1) общественная вредность;
- 2) административная противоправность;
- 3) это деяние, совершенное физическим или юридическим лицом;
- 4) это деяние, т. е. сознательное, волевое действие или бездействие человека;
- 5) наказуемость;
- 6) виновность, т. е. это деяние сознательное, волевое, совершено умышленно или неосторожно [2].

Административное приостановление деятельности стало применяться в качестве наказания только с 2005 года, устанавливается на срок до 90 суток и применяется только в судебном порядке. До этого данная мера являлась бесспорной и действовала до полного устранения нарушений.

Специфика административное приостановления деятельности заключается в том, что применяется только в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В КоАП говорится о том, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Статья КоАП 3.12. дает исчерпывающее определение рассматриваемого административного наказания, а именно административного приостановления деятельности, которое заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

Признаки административных правонарушений, за которое применяется административное приостановление деятельности, присущие конкретным правонарушениям, которые, по сути, вытекают из содержания самой нормы.

Административное приостановление деятельности применяется только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП, в случаях совершения наиболее опасных административных правонарушений, за которые не может быть применено более мягкое наказание, например административный штраф, и влекущих:

- 1) угрозу жизни или здоровью людей;
- 2) возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами;
- 3) наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы;
- 4) причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды.

Законодатель определил, что административное правонарушение деятельности в качестве наказания также применяется при совершении административного правонарушения в области:

- 1) оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- 2) противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма;
- 3) установленных федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности;
- 4) правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах);
- 5) порядка управления, общественного порядка и общественной безопасности;
- 6) градостроительной деятельности;
- 7) транспортной безопасности [3].

Таким образом административное приостановление деятельности применяется судом чаще всего не в качестве наказания, а скорее всего в качестве пресечения или предупреждения правонарушения, с помощью прекращения деятельности. Сложность процедуры применения данной меры, а также контроля за исполнением наказания зачастую толкает суд назначать более привычную меру административного наказания — административный штраф.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, в редакции от 09.03.2016. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст. 1; 2016. — № 11. — Ст. 1493
2. Административное приостановление деятельности — административное наказание?. — Текст: электронный // Мудрый юрист: [сайт]. — URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36954-administrativnoe-priostanovlenie-deyatelnosti-administrativnoe-nakazanie> (дата обращения: 30.04.2022).
3. Бахрах, Д.Н. Вопросы системы административных наказаний // Вестник Уральского ин-та экономики, управления и права. 2009. № 6. с. 8.

Актуальные проблемы оптимизации трёхуровневой системы федеральных органов исполнительной власти в соответствии с реализуемыми ими функциями в свете конституционной реформы 2020 года

Олейник Софья Станиславовна, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с деятельностью федеральных органов исполнительной власти в свете конституционной реформы 2020 года.

Ключевые слова: исполнительная власть, государственная услуга, контрольно-надзорная функция.

Трёхуровневая система федеральных органов исполнительной власти была создана еще в 2004 году. Президентом был принят Указ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [2]. Согласно данному указу в государстве в качестве исполнительных органов власти должны осуществлять деятельность три вида органов: федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства. Каждый из вышеперечисленных органов должен выполнять особые — возложенные исключительно на них и не дублирующие друг друга функции, а именно: правоустанавливающие, правоприменительные (контрольно-надзорные), функции по оказанию государственных услуг и управления государственным имуществом [3, с. 48].

Оптимизация деятельности данных органов проводится практически ежегодно, принимаются соответствующие нормативные акты, которые направлены на совершенствование их деятельности, устранения пробелов при реализации соответствующих функций. Проводится корректировка в полномочиях, функциях, кадровом составе. Но все же до сих пор остается ряд проблем, требующих соответствующего законодательного урегулирования и это связано, в первую очередь, с тем, что государственная политика в рассматриваемой сфере не имеет системного и последовательного характера.

И несмотря на то, что в 2020 году была проведена конституционная реформа, можно выделить определенные проблемы, существующие на сегодняшний день.

Так, первой и одной из самых основных проблем является смешение функций министерств, служб и агентств,

которые по факту создавались для обеспечения различного спектра правовых вопросов. То есть возникла существенная сложность в практическом разграничении функций контроля (надзора), правотворчества, оказания государственных услуг и управления госимуществом между министерствами, службами и агентствами [4].

Данная проблема возникла из-за неоднозначности в понятийном аппарате и трактовке конкретных направлений деятельности, которые выполняют те или иные федеральные органы исполнительной власти. К примеру, к контрольно-надзорной функции относится выдача лицензий. Лицензионная деятельность осуществляется с целью контроля видов деятельности в опасных сферах — соблюдаются ли там установленные законодателем требования или нет. В случае если лицензия выдается как документ, то данный процесс рассматривается как государственная услуга. Тем самым, одно и то же явление можно рассматривать с точки зрения разного функционала органов исполнительной власти.

Также еще одну неоднозначность в практическом плане представляет деятельность в сфере принятия нормотворческих актов. Данная деятельность относится к функциям, выполняемым министерствами. Принятие нормотворческого акта многоступенчатый процесс и на определенном этапе, а именно на этапе обнародования документа, это фактически считается оказанием государственной услуги. Однако, обратившись к действующему законодательству о государственных услугах, можно сделать вывод, что чуть ли не каждый орган исполнительной власти должен оказывать государственные услуги [1].

В итоге законодатель вводит в заблуждение и не дает точно понять, где границы между государственной услугой и нормотворческой деятельностью или контрольно-надзорной.

На сегодняшний момент мы сталкиваемся с ситуацией, что в указе Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» функционал разведен, но, открывая положения о любом конкретном органе исполнительной власти, наблюдаем в перечне и контрольно-надзорную деятельность, и управление имуществом, и принятие нормативно-правовых актов. Тем самым, получается, что основным критерий разделения по функционалу относительно устройства органов исполнительной власти, который сегодня легально выделен в указах Президента РФ, фактически нерабочий.

Ещё одной проблемой является то, что помимо федеральных органов исполнительной власти, которые законодатель закрепил как основные органы в сфере выполнения исполнительно-распорядительных полномочий также их функции частично выполняют иные юридические лица, за которыми закреплен властный функционал. Например, Фонд обязательного медицинского страхования, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования — это учреждения, по законодательству имеющие право принимать нормативно-правовые акты, обязательные для граждан, привлекать к ответственности, осуществлять контрольно-надзорную функцию.

То есть данные юридические лица можно спутать с федеральными органами исполнительной власти. Такая проблематика возникла из-за ряда причин:

Во-первых, наше государство достаточно молодое и еще не выработало до конца четкие правовые границы в рассматриваемой сфере, но стремится к этому.

Во-вторых, собственно по вине государства. Как один из способов сэкономить государственный бюджет. Так как в органе исполнительной власти государственные служащие получают надбавки и дополнительные социальные гарантии в отличие от работников, осуществляющих деятельность в юридическом лице по трудовому законодательству. Это конечно негативная тенденция и никак не показывает государство с лучшей стороны, так регулярно появляются новые юридические лица, госкомпании и госкорпорации, которым государство предоставляет очень большой объем активов, а проконтролировать их работу фактически невозможно. Руководство таких компаний назначается лично президентом страны, в чем находит проявление тенденция к авторитаризму.

Литература:

1. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 N 210-ФЗ [Электронный ресурс]/Опубликовано на официальном сайте Консультант Плюс — URL: <http://www.consultant.ru>
2. Указ Президента РФ от 09.03.2004 N 314 (ред. от 20.11.2020) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [Электронный ресурс]/Опубликовано на официальном сайте Консультант Плюс — URL: <http://www.consultant.ru>

В-третьих, такая проблема могла возникнуть из-за того, что в нашем государстве происходит постоянная смена государственных структур, меняются наименования, но не меняется их функциональное назначение, какие-то органы упраздняются, какие-то преобразуются, происходит дублирование органов. Из-за этого возникают противоречия в юридическом оформлении. В качестве примера можно привести наличие такого института, как трудовая инспекция, призванная контролировать соблюдение рабочего законодательства. Однако в структуре органов исполнительной власти такого органа нет и не было. С целью ликвидировать данное несоответствие было издано постановление правительства, в котором было прописано, что оказывается, трудовая инспекция — это территориальный орган федеральной службы по труду и занятости.

В-четвертых, это проблема подзаконного нормотворчества. По указу Президента РФ от 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» только министерства могут по принимать нормативно-правовые акты, а службы и агентства — только индивидуальные, в форме приказов. Однако вскоре были внесены изменения, и они были связаны с тем, что службы и агентства тоже могут осуществлять подзаконное регулирование. Это было сделано в связи с тем, что до 2004 г. было принято очень много федеральных законов, в которых содержались следующие фразы: «уполномоченный орган разработает или уполномоченный орган примет соответствующие нормативно-правовые акты». В ходе реформы оказалось, что компетентными органами зачастую явились как раз эти службы и агентства. То есть необходимо было либо изменять все законы, изданные до 2004 г. либо внести изменения в указ Президента РФ. Конечно было решено внести изменения в Указ.

В итоге можно сделать вывод, что существующая на сегодняшний день трёхуровневая система федеральных органов исполнительной власти нуждается в правовой регламентации. Проблемы, связанные с дублированием полномочий, смешением функций министерств, служб и агентств, выполнением возложенных на них полномочий иными юридическими лицами негативно влияет на всю систему органов исполнительной власти и приводит к значительным проблемам в практическом плане. В связи с чем оптимизация деятельности рассматриваемых органов достаточно важна в нынешних реалиях.

3. Бабелюк, Е. Г. 2007. Проблемы разграничения деятельности по оказанию государственных услуг и контрольно-надзорной деятельности государства. — Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник статей (под общ. ред. Е. В. Гриценко, Н. А. Шевелевой). М.: Волтерс Клувер. с. 47-54.
4. Климашевская, О. В. Проблемы действующей системы и структуры федеральных органов исполнительной власти // Власть. 2022. № 1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-deystvuyushey-sistemy-i-strukturny-federalnyh-organov-ispolnitelnoy-vlasti> (дата обращения: 12.10.2022).

Международные судебные разбирательства и международная эколого-правовая ответственность: последние изменения и перспективы

Оруджлу Рустам Афган оглу, студент магистратуры

Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (г. Баку, Азербайджан)

Ответственность за международно-противоправные действия, такие как нарушение договора или нарушение норм обычного права, относительно хорошо развиты в общем международном праве в рамках концепции ответственности государств, хотя и не в кодифицированной, а в договорной форме и с присутствием неопределенности в некоторой степени. В целом под ответственностью государства понимается ответственность государства за нарушение международного права, основанное на международно-противоправном деянии, которое может быть отнесено к государству. Такое международно-противоправное деяние может возникнуть в результате нарушения международно-правового обязательства (первичного закона), установленного договорным правом (например, двусторонними или многосторонними природоохранными соглашениями) или обычной нормой международного права (например, запрет на причинение вреда окружающей среде). Последствиями международной ответственности за противоправное деяние являются обязательство правонарушителя прекратить это деяние, предложить гарантии неповторения и произвести полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием, включая возмещение ущерба окружающей среде. С другой стороны, правила ответственности за вред окружающей среде, причиненный в результате законной деятельности, не так хорошо установлены и остаются единичными и исключительными. В целом субъекты международного права проявляют мало интереса к созданию общих рамок ответственности за экологический ущерб, и лишь очень немногие международные экологические режимы налагают на субъектов международного права ответственность и систему компенсации. Некоторые международные природоохранные договоры, касающиеся конкретных проблем, налагают гражданскую ответственность на частных субъектов, но не устанавливают схему компенсации для государств. Эти правила ответственности не используются для предотвращения загрязнения или ущерба, а служат «вспомогательным средством» для обеспечения доступа к компенсации в случае причинения ущерба, несмотря на выполнение договорных норм, направленных на предотвращение ущерба. Такое повреждение может произойти случайно или неслучайно. В более поздних случаях компенсация может быть присуждена в тех случаях, когда государство не проявило должной осторожности, чтобы не вызвать неблагоприятных экологических последствий для других районов за пределами национальной юрисдикции или не допустить, чтобы другие лица на его территории вызывали такие последствия. Этот стандарт отражен в доктрине «должной осмотрительности», которая была определена как требующая того, что можно разумно ожидать от ответственного правительства в нормальных условиях в аналогичной ситуации; применяя свои лучшие практически осуществимые и доступные средства. Должная осмотрительность относится не только к незаконным бездействиям государства, но и преимущественно к обязательству проявлять надлежащую осторожность путем надлежащего управления и контроля, например, путем принятия необходимого законодательства, эффективного правоприменения для предотвращения или прекращения незаконной деятельности. В данной статье рассматриваются последние изменения и перспективы в международных судебных разбирательствах о применении международной эколого-правовой ответственности.

Ключевые слова: *ущерб окружающей среде, международное прецедентное право, механизмы периодического мониторинга, международные суды.*

Чем рискует государство, когда нарушение его международных обязательств приводит к нанесению ущерба окружающей среде?

Ответ на этот простой вопрос раскрывает сущность международной эколого-правовой ответствен-

ности и разъясняет особенности его применения. Обще-признанным является мнение о том, что международное экологическое право не располагает наилучшими инструментами реагирования на возможные нарушения государствами созданных им обязательств. На самом деле

его средства реагирования менее изощрены и эффективны, чем те, которые предусмотрены внутренними правовыми актами или даже законодательством Европейского Союза. Кроме того, классические инструменты оказываются особенно неадекватными в области охраны окружающей среды.

Например, это относится к возможности — обычно допускаемой в многосторонних договорах — для одного государства реагировать на нарушение договорного обязательства через другое государство, приостанавливая, в свою очередь, полностью или частично применение договора (Статья 60 Венской конвенции о праве международных договоров, Вена, 23 мая 1969 года, вступила в силу 27 января 1980 года). Такой тип реакции вряд ли возможен для природоохранных договоров. Исключение из общего правила, касающееся гуманитарных договоров и изложенное в пункте 5 статьи 60 Венской конвенции 1969 года, должно применяться к природоохранным конвенциям. В более общем плане угроза контрмер может быть эффективной, если государства действительно имеют взаимную заинтересованность в соблюдении договора. Но если обязательства, которые содержит последнее, не являются взаимными и основаны на общих и высших интересах, общем благе, когда договаривающиеся государства не имеют никаких собственных интересов; у них просто есть общий интерес, а именно достижение тех высоких целей, которые являются смыслом существования конвенции. Следовательно, государство, совершившее нарушение, будет гораздо меньше бояться каких-либо контрмер. Если он действительно нарушает договор, то это потому, что он получит более высокую выгоду, чем при его соблюдении, по крайней мере, в краткосрочной перспективе [1, с. 664].

Кроме того, практика уже давно носит спорадический характер в отношении возможности привлечения государства к ответственности за нарушение международного обязательства по охране окружающей среды и передачи потенциального спора в суд. Государства неохотно используют такие механизмы в области охраны окружающей среды, считая их «слишком тяжелыми, часто непредсказуемыми и политически вредными». Такое отношение основано на различных причинах. Они касаются, в частности, часто расплывчатого содержания обязательств в этой области, специфики экологического ущерба и того факта, что игнорирование таких обязательств чаще вызвано трудностями или даже невозможностью соблюдения по техническим или финансовым причинам, а не каким-либо недобрым намерением соответствующего государства. Что касается общих интересов, преследуемых всеми договаривающимися сторонами, то на самом деле более логично предоставить «несостоятельному» государству возможность выполнять свои обязательства с помощью технических или финансовых средств помощи, чем брать на себя его ответственность. В этом контексте международная эколого-правовая ответственность, в общем, скорее «обходится»: вверх по течению, путем разработки механизмов предотвращения, технической

и финансовой помощи, намереваясь избежать обращения к классическим процедурам, и вниз по течению, путем предоставления помощи вместо санкций.

Нарушая свои международные обязательства, государство рискует понести за это ответственность. Они должны реагировать на жалобы субъекта, которому причинили ущерб, нарушая права последнего. Как заявила Постоянная палата Международного правосудия в 1928 году, принципом международного права и даже общей концепцией права является то, что любое нарушение обязательства влечет за собой обязательство по возмещению ущерба (Постоянная палата Международного правосудия — решение от 13 сентября 1928 — Дело о фабрике в Хожуве). Это обязательство даже очень обширное; Международный суд Организации Объединенных Наций вновь подтвердил это широкое толкование в 1997 году по делу Габчиково-Надьямарош о плотине на реке Дунай [4].

В течение долгого времени на ответственность государства лишь изредка ссылались в судах в области охраны окружающей среды, и механизмы мирного урегулирования споров также использовались не так часто. Однако международные отношения в последние годы способствовали возникновению двойного явления: развитию судебных разбирательств, с одной стороны, и адаптации «классической» ответственности, что само по себе открывает новые возможности, с другой стороны.

Международное прецедентное право долгое время оставалось довольно скудным в области охраны окружающей среды. Дело о морских котиках Берингова моря, Дело о плавильном заводе в Трейле или, в качестве другого примера, дело об озере Лану заложили основы международного экологического права, особенно в отношении трансграничных загрязнений и общих природных ресурсов. Однако некоторые возможности были упущены. В делах о ядерных испытаниях и в деле, касающемся некоторых фосфатных земель в Науру Международный суд не рассматривал дело по существу. Просьбы о вынесении консультативных заключений относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения поднимали важные вопросы международной эколого-правовой ответственности, но Суд не считал последнее непосредственно относящимся к делу.

Напротив, конец XX века ознаменовались важным развитием судебных процессов. В деле 1997 года о плотине на реке Дунай впервые окружающая среда сыграла центральную роль в споре, переданном в Международный суд. Несмотря на то, что это решение в значительной степени подтверждает «минималистскую» тенденцию Суда в этой области, оно дало его судьям повод заявить о некоторых основополагающих принципах международного экологического права, особенно о принципе предотвращения ущерба окружающей среде других государств, принципе сотрудничества, а также о необходимости эволюционной интерпретации общепринятых правил. Окружающая среда сыграла ту же центральную роль в деле целлюлозных заводов на реке Уругвай (Аргентина против

Уругвая), по которому Суд вынес свое решение 20 апреля 2010 года. Дела, связанные с определенной деятельностью, осуществляемой Никарагуа в Пограничной зоне (Коста-Рика против Никарагуа), и Строительством дороги в Коста-Рике вдоль реки Сан-Хуан (Никарагуа против Коста-Рики), также имели серьезное экологическое изменение. Дело о китобойном промысле в Антарктике (Австралия против Японии) также было интересным, хотя и в меньшей степени. Значительная часть прецедентного права Международного трибунала по морскому праву касается вопросов, связанных с защитой морской среды и морских ресурсов. Осуществляя не судебную, а консультативную компетенцию, Трибунал вынес чрезвычайно содержательное и важное заключение о международной защите морской среды. Кроме того, различные случаи привели к принятию межгосударственных произвольных решений в области охраны окружающей среды и применения международной эколого-правовой ответственности.

Это количественное развитие прецедентного права происходит главным образом из уплотнения основных обязательств государств в области охраны окружающей среды. Международный Суд также заинтересовал государства, создав Специальную Палату, отвечающую за экологические вопросы, принимая во внимание изменения в области экологического права и охраны окружающей среды, которые произошли за последние несколько лет, и считая, что он должен быть готов в максимально возможной степени рассматривать любые экологическое дело, подпадающее под его юрисдикцию. Опасаясь увеличения числа специализированных судов, особенно после прецедента создания Международного трибунала по морскому праву, Международный суд направил государствам решительный сигнал. Со своей стороны, Международный трибунал по морскому праву также учредила Специальную палату — Палату по урегулированию споров, связанных с морской средой. Со своей стороны, Постоянная палата Третейского суда издала в 2001 году свой Факультативный Регламент Арбитражного разбирательства споров, касающихся природных ресурсов и окружающей среды, открывающий интересные возможности [3, с. 180].

Наряду со всем этим надо отметить, что два неразрывных элемента составляют причину действия ответственности государства: объективный элемент, материализованный в результате нарушения международной нормы (противоправное деяние), и субъективный элемент, состоящий из связи, которая связывает это противоправное деяние с его государством-автором (причинно-следственная связь). Таким образом, объективный элемент состоит в нарушении международной нормы. Однако в определенных случаях государства могут нести ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом; это явление обычно называют ответственностью без вины, поскольку такие режимы риска или объективной ответственности хорошо известны во внутреннем праве, но международная сфера

остается практически незатронутой ими. Работы Комиссии международного права не были окончательными по этому вопросу. В международном обычном праве нет принципа такой объективной ответственности государства, в том числе за ущерб окружающей среде. Существует только одна Конвенция, которая предусматривает такой режим объективной международной ответственности, а именно Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами — Принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1971 года. Чтобы обеспечить более эффективное возмещение ущерба окружающей среде, около пятнадцати международных конвенций разработали режимы объективной ответственности, но путем перекладывания ответственности на операторов (менеджеров и владельцев), тем самым переходя от публичного к частному международному праву. Таким образом, несколько конвенций направлены на разработку систем «объективной» ответственности, облегчающих урегулирование потенциальных споры и «распределение» ответственности. Для этого они предусматривают создание компенсационных фондов, позволяющих возмещать ущерб в случае банкротства или, когда ущерб превышает определенную сумму денег. Они также определяют компетентную юрисдикцию или обеспечивают исполнение судебных решений. Однако такое перераспределение ответственности было осуществлено не во всех областях; речь идет только об определенных видах деятельности, таких как перевозка опасных грузов, особенно углеводородов, ядерная энергия или генетически модифицированные организмы. Государства неохотны к обобщению таких принципов, о чем свидетельствует отсутствие ратификации амбициозной Луганской конвенция о гражданской ответственности за ущерб, причиненный в результате деятельности, опасной для окружающей среды, принятая Советом Европы, или медлительность работ Европейского Комиссии относительно разработки директив по этому вопросу.

Эти изменения, которые на первый взгляд могут показаться разочаровывающими, однако, частично компенсируются замечательным развитием основных обязательств государств, связанных как с увеличением числа и повышением точности конвенционных обязательств, так и с укреплением основы, основанной на обычных нормах. Это относится к обязательству проявлять должную осмотрительность в области охраны окружающей среды: каждое государство должно проявлять должную осмотрительность, чтобы в максимально возможной степени гарантировать, что опасная деятельность, осуществляемая на их территории или в пределах их юрисдикции, не приведет к пагубным последствиям. Это обязательство чрезвычайно велико. Руководствуясь в этом вопросе прецедентным правом Международного суда, Палата по спорам о морском дне Международного трибунал по морскому праву недавно уточнила сферу своей деятельности. Это обязательство «средств», а не результатов:

обязательство использовать адекватные средства, чтобы приложить все возможные усилия, сделать все возможное, чтобы добиться этого результат. Оценка ответственного поведения основана на определении стандарта профилактики, и очевидно то, что она является случайной и субъективной [5].

Произошли также изменения, которые облегчили вменение экологического ущерба государствам. Таким образом, когда традиционно требовалось иметь предсказуемый, трансграничный и «серьезный» ущерб, эти три условия были явно смягчены.

В течение этих последних лет были также даны разъяснения по осуществлению ответственности государства. Традиционно международное право не допускает, по крайней мере в принципе, «объективных» действий. Наличие реального и фактического спора является условием для судебной функции и судебного разбирательства. И все же международные суды используют узкое определение термина «спор», ограничивая таким образом границы судебного разбирательства и сферу своего действия. Для международных судов спор — это разногласие по вопросу права или факта, противоречие, конфликт правовых взглядов или интересов между двумя лицами. С помощью этих требований международные суды устраняют «виртуальные» или «абстрактные» споры. По общему мнению, существует спор в юридическом смысле этого термина, когда у государства есть требование, которое юридически противоречит требованию другого государства. Таким образом, проблема заключается не только в противоположных правовых взглядах. Должна быть претензия, которую одно государство направляет другому государству, которое отказывается ее удовлетворить. В том же смысле должно быть доказано, что претензия одной стороны положительно отвергается другой.

Следует также добавить, что призыву к ответственности государства также способствуют определенные изменения или даже нововведения. В случае с Ираком Совет Безопасности разработал в соответствии с главой VII Устава оригинальный и сложный механизм, позволяющий выплачивать военные репарации, — Компенсационную комиссию Организации Объединенных Наций для Ирака. Это вспомогательный орган Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, который рассматривает ответственность Ирака за военный ущерб, причиненный вторжением в Кувейт 02 августа 1990 года, и его последствия. Эффективность этого механизма — оригинального как по своему составу, процедуре, так и по материальной компетентности — делает его интересной моделью для будущего рассмотрения экологических претензий: хотя обязательства, которые привели к его созданию, уникальны, он открывает новую область, и, в частности, будущая практика должна черпать вдохновение в инновационной последующей программе по изучению экологических условий. Следует также учесть, что международные суды — не единственные, кто контролирует соблюдение международных обязательств. Национальные суды также

могут наказывать за их нарушение, как это делает Европейский Суд, который обладает чрезвычайно широкой юрисдикцией в этом отношении. Реализация смешанных соглашений, заключенных как Союзом, так и его государствами — членами, также поднимает интересные вопросы о совместной ответственности [2, с. 311-312].

Также следует особо подчеркнуть тот факт, что в области охраны окружающей среды были разработаны многочисленные механизмы периодического мониторинга, позволяющие оценивать действия сторон, зная, что оценка может быть общей и не фокусироваться на поведении одной идентифицированной стороны или, наоборот, фокусироваться именно на индивидуальном поведении с целью выявления и исправления случая несоблюдения. Такие процедуры также позволяют оценить эффективность согласованных норм, что может привести к их уточнению или адаптации. Поступая таким образом, они способствуют коллективному процессу изучения таких правил (обучение на практике). Повышение прозрачности также позволяет укреплять доверие и ограничивать вольное поведение. Эти так называемые процедуры «несоблюдения» также организуют реакцию на нарушения. Цель состоит в том, чтобы как можно раньше выявить трудности, с которыми сталкиваются государства, и решать их с помощью поэтапных и адаптированных средств, постепенно начиная от мер поддержки и заканчивая наказанием, не исключая стимулов.

Первая процедура «несоблюдения» была разработана в 1992 году в соответствии с Монреальским протоколом 1987 года по веществам, разрушающим озоновый слой. Это творение стало результатом исторической эволюции. Первые международные конвенции по охране окружающей среды не предусматривали каких-либо внутренних и специальных методов мониторинга, а также не институционализировали сотрудничество между договаривающимися сторонами, что является неременным условием такого контроля. Более того, эти конвенции были не очень эффективными. С середины 70-х годов сотрудничество было институционализировано, и были опробованы различные методы контроля, вдохновленные некоторыми элементами из области прав человека или разоружения. Наиболее часто используемым методом является система отчетности. Не лишенный интересов, он, однако, не является частью более сильных методов мониторинга, существующих в международном праве. Кроме того, он страдает от многочисленных ограничений. Начиная с 90-х годов XX века, в соответствии с различными конвенциями, механизмы были систематизированы и усилены благодаря разработке амбициозных так называемых процедур «несоблюдения».

Эти процедуры были формализованы, как правило, посредством одной или нескольких резолюций пленарного органа соответствующей конвенции — обычно Конференции Сторон. Создается комитет по соблюдению, состав, мандат, процесс принятия решений и отношения с другими органами которого устанавливаются

в решении (решениях). Помимо этой формализации, эти процедуры отличаются от других методов или процедур внедрения, которые использовались в области охраны окружающей среды, поскольку они обладают глобальным и согласованным характером. В идеале они должны позволять предотвращать возникновение ситуаций несоответствия посредством сотрудничества, обеспечивать соответствие, оказывать помощь в случае несоответствия. Они также должны содержать механизм урегулирования споров и даже принудительные меры. Если их можно различить с теоретической точки зрения, то на практике эти различные аспекты тесно связаны: процессы динамичны, и одни и те же факты могут вызвать весь набор мер с течением времени.

Процедура Монреальского протокола была в значительной степени скопирована с тех пор, как показывают (не исчерпывающе) процедуры, установленные в Женевской конвенции 1979 года о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, Конвенции Эспо 1991 года об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Базельской конвенции 1995 года о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их уничтожением, Орхусская конвенция 1998 года о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, Картахенский протокол 2000 года по биобезопасности, Конвенция СИТЕС 1973 года о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, Киотский протокол 1997 года к РКИК ООН, Альпийская конвенция 1991 года, Лондонский протокол 1999 года по проблемам воды и здоровья к Конвенции 1992 года по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, Барселонская конвенция по охране Средиземное море от загрязнения и протоколы к нему, Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей к Конвенции о доступе к информации, участие общественности в принятии решений и доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, международный договор 2001 года о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства и Нагойский протокол 2010 года к Конвенции о биологическом разнообразии. Такая процедура также разрабатывается в рамках Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 1998 года и Роттердамской конвенции 2001 года о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле.

Принимая во внимание тот факт, что такие конвенции были приняты для «общего блага», без каких-либо выгод для государств в краткосрочной или среднесрочной перспективе, эти процедуры основаны на идее о том, что, без сомнения, более важно помочь государству, испытывающему трудности в выполнении своих обязательств, а не наказывать несоответствие требованиям. Приме-

нение санкций может свести на нет цель конвенции и, в частности, препятствовать участию государств. Таким образом, различные причины оправдывают то, что реакция на нарушения в области охраны окружающей среды носит скорее коллективный, чем индивидуальный характер, основанный на органах, предназначенных для осуществления конвенций, в то время как традиционные реакции на нарушения играют лишь второстепенную роль, а акцент делается больше на поощрении уважения верховенства закона. Дух сотрудничества логически заменяет наказание или компенсацию. В соответствии с целью пропаганды конвенции государствам будут предложены пути урегулирования ситуации, при необходимости руководствуясь ими. Стимул также может быть предложен в форме помощи — юридической, технической, финансовой. Процедуры несоблюдения основаны на институционализации международного сотрудничества, что является основной характеристикой сотрудничества в области охраны окружающей среды. Коллективизированный контроль теряет свой традиционный взаимный характер: он поручается специальным органам, созданным различными природоохранными конвенциями, — Конференциям Сторон, комитетам и секретариатам, — которые играют основополагающую роль в этом отношении. Более того, «многосторонность» контроля способствует лучшему принятию государствами.

Механизмы «несоблюдения» оказывают неоспоримое — и, несомненно, возрастающее — влияние на практику сторон международных конвенций в области охраны окружающей среды. Толкование конвенционных положений с целью определения того, соответствует ли им внутреннее законодательство, таким образом, возлагается на третьих лиц, и иногда по требованию не государства или международного учреждения, а «общественности». Таким образом, Комитет Орхусской конвенции 14 апреля 2011 года пришел к выводу о несоответствии основного закона Европейского Союза, такого, как он интерпретируется судами Европейского Союза в отношении доступа к экологическому правосудию. Комитет, однако, не признал нарушения Конвенции, поскольку рассмотренные случаи были до ее вступления в силу. Напротив, он считал, что Союз нарушил бы свои обязательства, если бы его прецедентное право было сохранено. Без всякого сомнения, это давление частично объясняет эволюцию прецедентного права Европейского Союза, отраженную в его решении от 12 мая 2011 года, которое сейчас должен оценить Орхусский комитет.

Прогресс в международной защите права человека на здоровую окружающую среду идет по двум путям. С одной стороны, они налагают на государства чрезвычайно большие позитивные обязательства. Эти обязательства, по существу, близки к тем, которые уже упоминались выше в контексте расширения «классической» ответственности. Это также международные обязательства государства. Но здесь отдельным лицам предлагается право действовать против государства перед международными

органами контроля. С другой стороны, эти нормы международной защиты прав человека также распространяются на компании, для которых они создают как промежуточные, так и непосредственные обязательства.

Признание права человека на здоровую окружающую среду в сочетании с международным механизмом защиты также представляет собой весьма благоприятную эволюцию для защиты окружающей среды. Конечно, такой механизм не допускает ни защиты окружающей среды как таковой, ни обычной компенсации ущерба, причиненного окружающей среде. Это право человека, которое защищается здесь, в видении, которое по определению является антропоцентрическим. Здесь кроется важный предел. Несмотря на это, достигнутый прогресс является значительным, особенно на европейском уровне.

В 1972 году Организация Объединенных Наций провела свою первую крупную межправительственную конференцию по окружающей среде. С тех пор число, сфера охвата и географический охват региональных и многосторонних природоохранных договоров расширились.

Эти договоры содержат широкий спектр механизмов соблюдения, не предусматривающих наказания (например, обязательства по мониторингу и представлению докладов об осуществлении). Но когда дело доходит до экологических споров, доступных инструментов становится все меньше. Обязательные судебные меры менее распространены в природоохранных договорах, чем в других областях международного права, таких как, например, защита инвестиций.

Тем не менее, число споров в международных судах и трибуналах, связанных с экологическими проблемами, растет, независимо от того, вытекают ли они из внутреннего законодательства, природоохранных или экономических договоров. Эта тенденция отчасти обусловлена растущей осведомленностью и напряженностью между использованием природной среды в экономических целях и ее сохранением для устойчивого здравоохранения, культурных, социальных, экономических, научных и других целей.

Эта тенденция наиболее очевидна в двух контекстах. Во — первых, в урегулировании споров между инвесторами и государством, где частные лица и компании могут использовать международный арбитраж, чтобы оспорить право государств вводить и изменять законы об охране окружающей среды, среди прочего. Во-вторых, в межгосударственных спорах в Международном суде, Международном трибунале по морскому праву (МТМП) и Всемирной торговой организации, а также в других международных органах.

Кроме того, в начале 2000-х годов Постоянная палата Третейского суда разработала специализированные факультативные правила арбитража и примирения для споров, касающихся окружающей среды и/или природных ресурсов. Хотя эти правила редко используются на практике, они были включены в некоторые коммерческие контракты, и Постоянная палата Третейского суда

был назначен административным органом для рассмотрения споров в соответствии с некоторыми природоохранными договорами.

В связи с вышеуказанными особенностями развития международных отношений в сфере охраны окружающей среды, возрастает роль деятельности международного экологического суда.

Международный суд по вопросам экологического арбитража и примирения, также известный как Международный суд по окружающей среде и Международный экологический суд, был создан на Учредительной конференции 1994 года в городе Мехико по инициативе группы юристов. Это неправительственная организация, в которую входят 29 юристов по охране окружающей среды из 24 стран. Правовой статус суда определяется уставом, на основании которого Суд выполняет свои обязанности в области охраны окружающей среды и природы. Урегулирование споров осуществляется в трех формах: а) консультирование; б) примирение сторон; в) проведение полноценного судебного арбитража по взаимной просьбе сторон с решением, которое стороны заранее объявляют обязательным. Международный суд по вопросам экологического арбитража и примирения могут обратиться частные лица, общественные организации, государственные органы и правительства.

Международный экологический суд по существу представляет собой новое явление в мировой практике. Основная функция международного суда по вопросам экологического арбитража и примирения заключается в разрешении международных споров в области охраны и использования окружающей среды. К целям международного экологического суда относятся: содействовать путем примирения и арбитража урегулированию экологических споров между государствами, физическими или юридическими лицами и передаваемых на его рассмотрение по соглашению сторон в споре; давать консультативные заключения по вопросам экологического права или по правовым аспектам использования или охраны элементов окружающей среды в любое дело, представляющее международный интерес, по просьбе любого физического или юридического лица, будь то национального или международного, государственного или частного, включая государства и местные органы власти.

Международный суд по вопросам экологического арбитража и примирения осуществляют свои функции на Пленарном заседании, состоящем из всех членов Суда и, в зависимости от запросов, которые подаются в Суд, либо в форме Согласительной комиссии, Арбитражного суда, либо Палаты для вынесения консультативных заключений. Генеральному секретарю, который выполняет функции Секретаря Суда и является главой его администрации, помогают помощник Генерального секретаря и Секретариат. Постоянные места заседания находятся в Мехико (Мексика) и Сан-Себастьяне (Испания).

Международный экологический суд в первую очередь рассматриваются споры, связанные с загрязне-

нием окружающей среды соседних государств и возмещением ущерба окружающей среде, за которыми следует предотвращение, приостановление или прекращение деятельности, наносящей вред окружающей среде, предприятиями соседнего государства. Кроме того, оно также рассматривает споры об использовании и защите природных ресурсов, совместно используемых двумя или более государствами.

Международный суд по окружающей среде рассматривает споры о защите экологических прав граждан. Основанием для споров в Международном экологическом суде является нарушение международного экологического права, а также национального законодательства государства. Общий контроль за соблюдением государствами требований по охране окружающей среды осуществляется Организацией Объединенных Наций через ее центральные и региональные органы. Такие организации, как Всемирная метеорологическая организация (ВМО), которая проводит программу мониторинга изменений, вызванных загрязнением воздуха и другими негативными факторами. В рамках программы «Человек и биосфера»

ЮНЕСКО изучает долгосрочные изменения в окружающей среде в отношении различных природных и климатических зон нашей планеты. Международная океанографическая комиссия (МОК) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) совместно с Всемирная метеорологическая организацией проводят программу мониторинга санитарно-гигиенических условий в населенных пунктах. Существуют также другие международные организации, которые выполняют надзорные функции в области охраны окружающей среды на планете Земля.

Обобщив все вышеуказанное можно прийти к следующему выводу: события, происходящие в международных отношениях в последние годы, по-видимому, ведут к повышению эффективности норм международной охраны окружающей среды и применения международной эколого-правовой ответственности. Следовательно, несмотря на то, что международная эколого-правовая ответственность в том виде, в котором мы его понимаем в настоящее время, появилась относительно недавно, на данном этапе развития международных отношений по охране окружающей среды она играет неопределимую роль.

Литература:

1. Duncan, B. H. *The Oxford Guide to Treaties* (Second Edition). Oxford: Oxford University Press, 2020, 896 p.
2. Jutta, B., Stephen J. T. V. *Legitimacy and Legality in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 388 p.
3. Nienke, G., Harlan G. C., Andreas F. and Geir U. *Legitimacy and International Courts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 388 p.
4. <https://www.icj-cij.org/en/cases>
5. <https://www.itlos.org/en/>

Участие сотрудников Федеральной противопожарной службы в рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах

Петров Андрей Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Рассматриваются особенности принятия участия сотрудниками Федеральной противопожарной службы (ФПС) Российской Федерации (РФ) в рассмотрении дел об административных правонарушениях в арбитражных судах.

Ключевые слова: административные правонарушения, арбитражный суд, федеральная противопожарная служба.

Сотрудники ФПС при осуществлении своей деятельности участвуют в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, с целью обеспечить защиту интересов МЧС России. Количество обжалованных дел ежегодно растет. Это обусловлено тем, что повышается юридическая грамотность граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, защищающих свои права и интересы, при осуществлении в отношении их надзорных мероприятий. Помимо этого, штрафы за нарушение обязательных требований законодательства возрастают,

что так же способствует обращению заинтересованных лиц в суд.

Защита прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного надзора, осуществляется в административном или судебном порядке в соответствии с законодательством РФ. Нормативные правовые акты органов государственного надзора, нарушающие права и законные интересы юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и не соответствующие законодательству РФ, могут быть признаны не-

действительными полностью или частично, в том числе в судебном порядке.

Одной из инстанций, куда вправе обратиться заинтересованные лица за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов является арбитражный суд.

Правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется на основании Конституции РФ [1] и федеральным конституционным законом, путем решения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом РФ (АПК РФ) [2] и другими федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах.

Арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно части 3 статьи 30.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) [3] постановление по делу об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством.

Из части 1 статьи 27 АПК РФ следует, что арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и другие дела, относящиеся к предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пунктом 3 части 1 статьи 29 АПК РФ предусмотрено, что арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных правоотношений экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности, в том числе об административных правонарушениях, если федеральным законом их разбирательство отнесено к компетенции арбитражного суда.

В пункте 10 раздела VI «Обзора судебной практики Верховного Суда РФ», утвержденного 24.12.2014 Президиумом Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) [4] указано следующее: «для отнесения дел об обжаловании постановлений административных органов о привлечении юридического лица или индивидуального предпринимателя к административной ответственности к компетенции арбитражных судов законодатель в данной норме установил необходимость в каждом конкретном случае учитывать следующие критерии:

1) административное правонарушение совершено определенным в КоАП РФ субъектом (юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем), выступающим участником хозяйственного оборота;

2) административное правонарушение совершено этим лицом в процессе осуществления им предпринима-

тельской или иной экономической деятельности, то есть административное правонарушение связано с осуществлением такой деятельности и выражается в несоблюдении законодательства, нормативных правовых актов, регулирующих отношения в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и устанавливающих правила, запреты, ограничения и административную ответственность в этой сфере для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, обязательными критериями отнесения дела к подведомственности арбитражного суда являются субъектный состав его участников и характер спора, возникший из правоотношений при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности.

В системе ФПС выполнять производство по делам об административных правонарушениях, и принимать меры по предотвращению таких административных правонарушений имеют право должностные лица органов государственного пожарного надзора.

Должностные лица, осуществляющие федеральный государственный пожарный надзор вправе:

1. Рассматривать протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.24, 6.25, 8.32, 8.32.3, 11.16, частями 1 и 2 статьи 14.43, статьями 14.44-14.46, частями 1-4 статьи 14.46.2, статьей 20.4 КоАП РФ.

2. Составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьями частью 1 статьи 14.34; частью 5 статьи 14.46.2; частью 1 статьи 19.4; частями 12-15 статьи 19.5; статьями 19.6, 19.7, 19.13, 19.33 КоАП РФ.

Должностное лицо, по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении выносит постановление о назначении административного наказания. При этом разъясняет, право на обжалование постановления по делу об административном правонарушении.

Постановления по делу об административном правонарушении может быть обжаловано:

- 1) вынесенное судьей — в вышестоящий суд;
- 2) вынесенное коллегиальным органом — в районный суд по месту нахождения коллегиального органа;
- 3) вынесенное должностным лицом — в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в районный суд по месту рассмотрения дела;
- 4) вынесенное иным органом, созданным в соответствии с законом субъекта Российской Федерации, — в районный суд по месту рассмотрения дела.

Постановление по делу об административном правонарушении, связанном с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности юридическим лицом или лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, обжалуется в арбитражный суд в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством.

Из этого следует, что постановления ФПС могут быть обжалованы в арбитражный суд лишь по статьям 14 главы

«Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности» КоАП РФ. Однако имеет место быть практика, когда арбитражный суд принимает к рассмотрению дела об административных правонарушениях, не связанных с экономической деятельностью. В этом случае должностным лицам ФПС необходимо действовать в соответствии с АПК РФ. В первую очередь в отзыве сослаться на пункт 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» в котором разъяснено, что жалобы юридических лиц или лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, на постановление о привлечении к административной ответственности, исходя из положений, закрепленных в части 3 статьи 30.1 КоАП РФ и пункте 3 части 1 статьи 29 АПК РФ, подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции, если юридическое лицо или индивидуальный предприниматель привлечены

к административной ответственности не в связи с осуществлением указанными лицами предпринимательской и иной экономической деятельности. Например, когда объективная сторона совершенного ими административного правонарушения выражается в действиях (бездействии), направленных на нарушение или невыполнение норм действующего законодательства в области безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, законодательства о труде и охране труда. В случае если суд первой инстанции при принятии решения не учел данные доводы, необходимо обжаловать решение, направив апелляционную жалобу в вышестоящий суд в установленные сроки.

Подводя итог, можно сделать вывод, что сотрудникам ФПС, необходимо изучать судебную практику, правильно применять законы и иные нормативно правовые акты, грамотно высказывать свои доводы и соображения в судах, быть независимым, подчиняться Конституции Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ//
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ //
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ», утвержден 24.12.2014 Президиумом Верховного Суда РФ //

Правовое регулирование цифровых активов: сравнительный анализ

Плотников Олег Анатольевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор освещает противоречие между сложившейся системой права и цифровым пространством, проводит сравнительный анализ классификации цифровых активов.

Ключевые слова: цифровое право, цифровые финансовые активы, цифровые активы, криптовалюта, токен, блокчейн.

На современном этапе развития общественно-научных дисциплин право является проекцией экономических процессов, неким ответом на социокультурные изменения. Законодатель, идущий от обратного, когда право призвано быть основой экономических процессов неизменно порождает неработающую систему взаимодействия хозяйствующих субъектов.

С середины девяностых начался процесс внедрения цифровых технологий, в последнее десятилетие фактически став повсеместным для всех сфер деятельности человека, что свидетельствует о переходе общества к новому технологическому укладу. Огромное количество экономических процессов от их моделирования и до фактической реализации обусловлено применением цифровых инноваций, таких как семантический анализ, сбор и обработка больших массивов данных (big data), применение распре-

деленных реестров, использование неклассических математических моделей и машинного обучения на основе нейросетей свидетельствует о качественном изменении экономики, ее цифровизации.

Как отмечают Вайпан В.А. и Егорова М.А. устоявшийся годами юридический инструментарий в вопросах связанных с цифровой экономикой (цифровым гражданским обществом) и ее правовым регулированием оказывается несостоятельным в таких вопросах как идентификация лиц гражданского оборота в цифровом пространстве [1], взаимосвязь с гражданским законодательством «i» или имущественные отношения в цифровом пространстве, примером которых могут служить криптовалюта, процесс регистрации сделок с использованием технологий распределенного реестра и смарт-контрактов, регулирование финтех-компаний/банков-

ского сектора и т.д. (перечень будет только расширяться по мере проникновения цифрового пространства в общественные отношения) — все это влечет возникновение коллизий требующих своего разрешения, а также создания нового понятийного аппарата.

По мнению Блажеева В.В., Егоровой М.А. в будущем юриспруденция будет развиваться в направлении: оптимизации меры права, диверсификации нормативности, интеграции технико-социального регулирования, движения к асимметрии правовой формы, синкретизму методологии регулирования [2], что и будет являться ответом юридической науки на вызовы интеграционных сетевых процессов в мировой экономической системе. Результатом этого ответа должно являться создание нормативного правового механизма в виде цифрового права, главным критерием выделения, которого является наличие цифровой виртуальной коммуникации субъектов [2].

Одним из таких вызовов являются реестры распределенных данных (blockchain) и децентрализация, которые ставят под сомнение сложившийся подход правового регулирования экономических процессов в цифровом пространстве и показывают его недостатки. Хотя блокчейн и децентрализация потенциально могут оказать влияние на все сферы права, одной из наиболее заметных, несомненно, является та, которая связана с выпуском и обращением совокупности криптоактивов (в Российском законодательстве — цифровые финансовые активы). Внимание к этому явлению было привлечено в основном в связи с быстрым развитием рынка и, естественно, с популярностью биткоина, противоречивостью истории его создания, а также последовавшей волны возникновения криптоактивов.

Криптоактивы, поднимают целый ряд вопросов, на которые традиционно нацелено законодательство о финансовых рынках, поскольку они затрагивают проблемы, касающиеся прозрачности, пруденциального надзора, защиты инвесторов, раскрытия информации, борьбы с отмыванием средств, полученных незаконным путем и, конечно же, конфиденциальности. Однако, поскольку криптоактивы не всегда являются «финансовыми» активами (примером может служить невзаимозаменяемый токен — «NFT»), они также поднимают вопросы, касающиеся защиты прав потребителей и их юридической квалификации в рамках общего законодательства, тем самым затрагивая вопросы, связанные с правом собственности, правовым титулом, наследованием, семейным правом и т.д. [3]

Указанная проблематика в настоящее время обсуждается на международной арене, в том числе и в связи с довольно большим количеством «финансовых пирамид» и мошенничества характерных для рынка на первом (незрелом) этапе его развития. В последнее время ряд регуляторов и надзорных органов проявили большую активность в отношении классификации криптоактивов и подходов к их регулированию за скобки следует вывести запретительную модель регулирования, например,

как в Китае. Вместе с тем действующее законодательство ЕС не в состоянии охватить биткоин и все другие криптоактивы в рамках своей компетенции. Это, прежде всего, связано с тем, что они не отвечают ни одному из требований, которые применялись бы к «ценным бумагам», «финансовым инструментам» или «деньгам». Во-вторых, сомнительно, что криптоактив действительно представляет собой инвестиции финансового характера. В-третьих, его гибридная природа не позволяет ему легко подпадать под категории, используемые банковским законодательством ЕС или законодательством ЕС о платежных средствах и платежных услугах [3].

Законодатель Мальтийской республики принял довольно простой подход к рассмотрению криптовалют — все принципы и судебная практика в отношении дохода и налогообложения с капитала по сделкам с ценными бумагами по аналогии применимы к сделкам с криптоактивами.

В законодательстве проводится различие между криптовалютой и токенами, при этом токены подразделяются на финансовые токены и токены полезного назначения. Криптовалюта определяется аналогично обычным фиатным платежным средствам или ценным бумагам, в свою очередь токен не должен обладать признаками денег или ценных бумаг и может являться только средством обмена или утилитарным инструментом конкретного блокчейна [4].

Особенности регулирования криптоактивов в США обусловлены наличием федерального права и права штатов, а также отсутствием единого суждения среди федеральных мегарегуляторов относительно правового статуса криптоактивов.

Так Служба внутренних доходов (Internal Revenue Service, IRS) в 2014 году выпустила уведомление 2014-21, 2014-16 I.R. В. 938 о том, что виртуальная валюта рассматривается как имущество для целей федерального подоходного налога.

Согласно разъяснениям IRS криптовалюта — это вид виртуальной валюты, использующий криптографию для обеспечения безопасности транзакций, которые в цифровом виде записываются в распределенный реестр данных (блокчейн) [5].

Комиссия по ценным бумагам и биржам США (КЦББ) (The United States Securities and Exchange Commission, SEC) определила криптовалюты как ценные бумаги — активы, инвестируемые с ожиданием прибыли. SEC сослалась на то, что они отвечают параметрам ценной бумаги, определенным федеральными законами о ценных бумагах. Мнение о том, что все, что торгуется через биржевую платформу, квалифицируется как ценная бумага, включая криптовалюту, в значительной степени способствовало такой классификации [6].

В свою очередь Комиссия по торговле товарными фьючерсами (Commodity Futures Trading Commission, CFTC) считает, что биткоин и другие криптовалюты являются товаром, подпадающим под действие закона о товарных

биржах опираясь на то, что отдельные единицы криптовалюты взаимозаменяемы и имеют одинаковые основные свойства для всех, кто их использует [7].

Таким образом, в зависимости от функционального назначения операции, криптовалюта в США рассматривается как деньги (платежное средство), как имущество или как биржевые товары. Регулирующие законодательные акты на федеральном уровне принимаются только в рамках борьбы с отмыванием денег, полученных незаконным путем, в остальном используются уже существующие правовые инструменты. На уровень законодателей штатов вынесен вопрос утилитарного использования (или полного запрета) криптовалют в каждом отдельном штате.

В Швейцарской Конфедерации напротив контроль и регулирование криптоактивов возложено на один орган государственной власти — Службу по надзору за финансовыми рынками Швейцарии (Swiss Financial Market Supervisory Authority, FINMA).

FINMA основывает свой подход к криптоактивам на экономической функции, лежащей в основе токена (технология и способ распространения при этом являются второстепенными) и классифицирует их следующим образом:

— Платежные токены (криптовалюта) — токены, которые предназначены для использования в качестве платежного средства для приобретения товаров или услуг, или в качестве средства передачи стоимости.

— Утилитарные токены — токены, предназначенные для предоставления цифрового доступа к приложению или услуге с помощью инфраструктуры на основе блокчейна.

— Токены активов представляют собой активы, такие как долговые или долевого требования к эмитенту. Токены в виде опциона, например, на долю в будущих доходах компании или будущих потоках капитала. Таким образом, по своей экономической функции эти токены аналогичны депозитарным распискам, облигациям или деривативам. Токены, которые позволяют торговать физическими активами на блокчейне, также относятся к этой категории [8].

Токены активов и утилитарные токены по мнению регулятора являются бездокументарными ценными бумагами и подпадают под действие Федерального закона Швейцарии от 24 марта 1995 года о фондовых биржах и торговле ценными бумагами (Stock Exchange Act, SESTA) [9].

Платежные токены (криптовалюта) — признаются эквивалентом денег с возможностью ограниченного хо-

ждения в финансовой системе Швейцарской Конфедерации. С точки зрения налогообложения, криптовалюты являются движимым имуществом, которое может быть оценено.

Как мы видим в зарубежной практике регуляторы, прибегнув к старым инструментам, «подогнали» цифровые активы к действующему законодательству, при этом все же обеспечив минимальный уровень правового регулирования.

В своем исследовании не будем затрагивать подход российского законодателя, лишь отметим половинчатость решений принятых в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в поправках в Гражданский кодекс РФ (Статья 141.1). Поправки в Налоговый кодекс РФ, в которых цифровые финансовые активы для целей налогообложения признаются имуществом, зависли на подготовке второго чтения в Государственной Думе. Правовой неопределенности добавляет диаметрально противоположные позиции Минфина РФ и Центрального банка РФ в вопросах регулирования цифровых финансовых активов, скорее всего ситуация в ближайшее время изменится в связи с необходимостью осуществлять расчеты в обход наложенным санкциям.

И все же, какой подход в будущем должны применять регуляторы и надзорные органы в отношении криптоактивов? Даже если предположить, что некоторые из криптоактивов можно отнести к базовым категориям регулирования рынков капитала (в частности, к понятиям «бездокументарные ценные бумаги» и/или «финансовые инструменты»), сама новизна этого явления ставит проблему необходимости внесения в законодательство более глубоких корректировок.

На данный момент мы имеем весьма размытые ответы и юридическому сообществу предстоит решить эту проблему. Обсуждаются ряд проблем, от структурных вопросов — способна ли действующая система права контролировать риски, возникающие в результате применения новых технологий, до вопросов, касающихся пропорциональности правового регулирования развитию рынка и цифрового пространства. Дискуссия открыта, но по моему мнению, следует тщательно рассмотреть альтернативный подход к квалификации цифровых активов остановившись на внутренней природе этих активов, а не том с каким из существующих имеется сходство, будь то деньги или бездокументарные ценные бумаги.

Литература:

1. Вайпан, В. А., Егорова М. А., Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики — М.: Юстицинформ, 2019.
2. Блажеева, В. В., Егорова М. А., ЦИФРОВОЕ ПРАВО Учебник — М.: ООО «Перспект», 2019.
3. Oreste Pollicino, Giovanni De Gregorio, Blockchain and Public Law Global Challenges in the Era of Decentralisation — Cheltenham, UK • Northampton, MA, USA Edward Elgar Publishing, 2021.

4. Republic of Malta VIRTUAL FINANCIAL ASSETS ACT CHAPTER 59010. ACT XXX of 2018 as amended by Legal Notice 106 of 2021.
5. IRS USA issued Notice 2014-21, 2014-16 I. R. B. 938 <https://www.irs.gov/pub/irs-drop/n-14-21.pdf>.
6. Statement on Cryptocurrencies and Initial Coin Offerings Dec. 11, 2017, <https://www.sec.gov/news/public-statement/statement-clayton-2017-12-11>.
7. A CFTC Primer on Virtual Currencies October 17, 2017, https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/documents/file/labcftc_primercryptocurrencies100417.pdf.
8. FINMA Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) Published 16 February 2018 https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fin_tech/wegleitung-ico.pdf?la=en
9. FINMA Roundtable on ICOs March 2018 https://www.finma.ch/en/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/20180321_ppt-ico-veranstaltung_en.pdf

Местное самоуправление как основа конституционного строя Российской Федерации

Пономарев Денис Евгеньевич, студент

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Соловьева Ольга Александровна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В данной статье рассмотрено местное самоуправление как основа конституционного строя. Проанализированы нормативные акты, регулирующие деятельность органов местного самоуправления, а также рассмотрено воздействие местного самоуправления как основы конституционного строя на различные общественные и политические процессы и его влияние на отношения между обществом и государством.

Ключевые слова: местное самоуправление, Российская Федерация, государственная власть, Конституция РФ, гражданское общество, государство.

Становление местного самоуправления в России имеет глубокие исторические корни. Так, еще в древнем Новгороде на протяжении многих столетий самые важные вопросы и пути их решения выносились на всеобщее собрание — вече. Именно в те далекие исторические годы образовался прецедент решения вопросов местного значения посредством прямого волеизъявления граждан [7].

В разные временные рамки истории России местное самоуправление регулировалось различными нормативными правовыми актами. Это, например, «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», принятое 1 января 1864 года, которым устанавливалось введение 33 губерний. Земские же учреждения составляли земские избирательные съезды, задача которых ограничивалась избранием один раз в три года земских гласных (т.е. выборных членов городских собраний), земские собрания и земские управы [7].

Октябрьская революция так же оставила свой отпечаток в истории местного самоуправления. По окончании революции земства стали повсеместно упраздняться, так как представители большевизма считали принцип самоуправления наследием буржуазного строя. Это повлекло за собой ряд изменений в системе организации власти. В ее основу был положен принцип единства системы Со-

ветов. Однако процесс трансформации местной власти к Советам не был кратковременным: некоторое время земские и городские органы местного самоуправления функционировали параллельно местным Советам, при этом они не всегда противопоставляли себя друг другу.

В период с 1924 по 1925 годы издаются такие нормативные акты, как «Положение о городских советах» 59 и «Положение о финансово-налоговых частях волостных исполнительных комитетов» 60, где эти органы объявляются высшей властью в пределах подведомственной территории. Согласно ст. 1 Положения о городских советах, городские Советы депутатов были образованы во всех городах и поселках СССР.

Также в 1937 году в Конституции РСФСР происходит изменение названия Советов. Они стали именоваться Советами депутатов трудящихся. Вскоре к концепции местного самоуправления вернулись в конце 1980-х годов в связи с проведением реформы государственной власти в стране. Принятая и ратифицированная «Европейская хартия местного самоуправления» несомненно повлияла на становление местного самоуправления как основы конституционного строя. Так, в Конституции РСФСР 1978 года закрепляется понятие Советов народных депутатов, которые действовали до октября 1993 года, вплоть

до принятия Конституции Российской Федерации, в которой местное самоуправление непосредственно выступало в качестве одной из основ конституционного строя новой России [7].

Так или иначе местное самоуправление в России существовало практически на всем протяжении ее тысячелетней истории. Однако следует учесть и тот факт, что немаловажным обстоятельством, как и в настоящее время, являлось стремление государства на сознательное возрождение самоуправления в периоды кризиса государственной власти, требуемое неизбежности проведения различных реформ.

В подавляющем большинстве стран с демократическим политическим режимом организация и деятельность органов государственной власти идут наряду с организацией местного самоуправления. Следует понять, что представляет собой местное самоуправление. Общие исходные принципы организации местного самоуправления, установленные Конституцией, соответствуют международным стандартам, закрепленным в Европейской Хартии местного самоуправления, принятой в Страсбурге в 1985 г. и ставшей обязательной для России после ее ратификации нашим парламентом в 1998 г. В «Европейской хартии местного самоуправления» под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [4]. Также Европейская хартия местного самоуправления в своей преамбуле признает, что власть на местном уровне является прямым показателем демократии власти в стране. Во 2 статье закрепляется, что принцип местного самоуправления должен быть признан во внутреннем законодательстве, в конституции государства. Так же Российской Федерации является многоконфессиональной и многонациональной страной, в которой субъекты отличаются друг от друга [2, с. 144-146]. Исторически территория России формировалась на обширных территориях, которые в различные периоды заселяли разные народы со своей культурой, традицией и особенностями. Именно по эти причины стали предпосылками движения Россия дальше установленного хартией порядка закрепления принципа о местном самоуправлении в конституции государства. В Конституции РФ принцип местного самоуправления закреплен в первой главе, которая представляет собой основы конституционного строя России. Эта глава играет важную роль для государственного строя, поскольку под основами конституционного строя понимается система закрепляемых в конституции фундаментальных принципов устройства публичной власти и общества [5]. Значимость и уникальность этой главы так же выражается особенном порядке ее изменения. Данная глава не может быть изменена какими-либо иными способами, кроме как принятия новой конституции посредством проведения референдума [3].

Закрепление местного самоуправления одной из основ конституционного строя позволяет сделать вывод о его организационной и функциональной независимости от органов государственной власти. Но все же самоуправление остается и признается формой народовластия, в связи с чем становится возможным более эффективно решать вопросы местного значения муниципалитетов, опираясь не только на органы государственной власти, а также отталкиваясь от исторических и традиционных особенностей того или иного муниципального образования [11].

Признание местного самоуправления в качестве одной из основ конституционного строя подразумевает установление децентрализованной системы управления, то есть организационную обособленность местного самоуправления, его органов в системе управления государством [1]. И, действительно, в Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Вопросы местного самоуправления в Конституции РФ напрямую затрагиваются в общей сложности в 20 статьях. Все они являются нормами прямого действия, подлежат непосредственному применению, в том числе судебными органами [2]. Отношение к вмешательству органов государственной власти в дела местного самоуправления с момента создания системы органов местного самоуправления в России менялось неоднократно — от абсолютного отрицания такового до совершенного понимания необходимости активного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления, единства их целей и задач, а в случае необходимости — оказания мер поддержки финансового, организационного, методического, информационного характера, обеспечения создания и функционирования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для органов местного самоуправления [11].

Исходя из статьи 12 главы 1 Конституции РФ, можно сделать вывод, что местное самоуправление признается одной из основ конституционного строя, а также элементом демократической российской государственности. Также Конституция РФ закрепляет признание, гарантию и осуществление местного самоуправления на всей территории РФ [3]. Следует отметить, что местное самоуправление, наряду с государственной властью, относится к форме единой власти народа Российской Федерации. То есть можно с уверенностью сказать, что местное самоуправление призвано, как и государство, выражать волю многонационального народа Российской Федерации. Не представляется возможным выделение действительной воли народа без учета волеизъявления местных территориальных сообществ жителей и их отдельных составляющих [5].

До принятия нового закона о местном самоуправлении местное самоуправление определялось как признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения

по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций [6]. Новым законом о местном самоуправлении, а, конкретно, статьей 1 Федерального закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» так же установлено, что местное самоуправление является составной частью основ конституционного строя РФ. Оба законодательных определения местного самоуправления в основном совпадают. Различает их главным образом прямая оценка в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ местного самоуправления как формы народовластия, что весьма точно отражает роль местного самоуправления в организации системы народовластия. Конституционное признание и гарантирование местного самоуправления означает, что оно осуществляется людьми как их естественное и неотъемлемое право-притязание. Государство в этом случае осуществляет лишь упорядочивание самоуправленческой активности населения [5].

Хотя местное самоуправление и входит в общую систему органов публичной власти, следует сказать, что местное самоуправление имеет свои пределы, которые ограничиваются его полномочиями в вопросах местного значения, а также самими этими вопросами. Местное самоуправление осуществляется в пределах муниципальных образований, то есть городов, поселков, станиц, районов (уездов), сельских округов (волостей, сельсоветов) и других муниципальных образований. Территории этих муниципальных образований устанавливаются в соответствии с федеральными законами, а также в соответствии с законами субъектов РФ с учетом исторического наследия и иных местных традиций [8].

В рамках местного самоуправления граждане получают возможность самостоятельно управлять муниципальной собственностью, финансами, вводить и отменять местные налоги и сборы, планировать развитие муниципального образования, организовывать муниципальные учреждения образования, здравоохранения, социальной защиты и культуры, обеспечивать санитарное благополучие и общественный порядок, содействовать занятости населения, снабжению топливом, развитию муниципального транспорта, предоставлению услуг торговли, бытового обслуживания и решать многие другие насущные проблемы [9].

Местное самоуправление Кутафиним О.Е. определяется как система организации и деятельности граждан, представляющая собой совокупность организационных форм и институтов прямого волеизъявления, а также выборных и других органов местного самоуправления, посредством которых обеспечивается самостоятельное решение населением вопросов местного значения». Так же следует отметить, что очень важную роль в работе местного самоуправления играют институты непосредственной демократии и институты гражданского обще-

ства. Именно на местном уровне проявляется наибольшее число их форм [10].

Непосредственное осуществление местного самоуправления происходит в форме выборов, референдума. Так же народовластие на уровне местного самоуправления может выражаться в формах собрания жителей, народной правотворческой инициативы, обращения в органы местного самоуправления и территориального общественного самоуправления. Посредство референдума, проводимого на местном уровне, можно напрямую решать вопросы именно местного значения. С инициативой по проведению местного референдума могут выступать как органы местного самоуправления, так и жители муниципалитета. Более конкретные вопросы текущего характера могут быть разрешены на собраниях (сходах) жителей. Также имеется прямая возможность выступления с правотворческой инициативой жителей, которая заключается в том, что граждане обладают правом вносить проекты нормативных правовых актов на рассмотрение органов местного самоуправления [9].

Как основа конституционного строя местное самоуправление нашло свое отражение в большинстве уставов и конституций субъектов РФ. Так, например, статьей 86 Устава Свердловской области установлено, что в Свердловской области осуществляется местное самоуправление, обеспечивающее в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, — законами Свердловской области, самостоятельное, под свою ответственность, решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории области, вопросов местного значения исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций. Также статьей 87 Устава Свердловской области установлено, что местное самоуправление в Свердловской области осуществляется на основе общих правовых, территориальных, организационных и экономических принципов организации местного самоуправления, установленных Конституцией РФ и федеральными законами.

В статье 31 устава Ивановской области указано, что Местное самоуправление в Ивановской области гарантируется Конституцией Российской Федерации и обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, а Органы государственной власти Ивановской области обеспечивают государственные гарантии прав населения на осуществление местного самоуправления, содействуют его развитию в соответствии с федеральными законами, настоящим Уставом, законами Ивановской области.

Конституцией Республики Коми, а именно статьей 9, установлено, что местное самоуправление в Республике Коми является формой осуществления народом своей

власти, обеспечивающей в пределах, установленных законодательством, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций.

Таким образом, можно сделать вывод, что стабильность и порядок в государстве во многом зависят в первую очередь напрямую от качества организации местной власти. Одной из основ гражданского общества выступает наличие сферы общественных отношений, независимой от государства. Как раз в такие общественные отношения вступают свободные индивиды, преследующие свои цели и интересы. В связи с этим местное самоуправление выступает как организация власти на местах. Можно сказать, что залогом успешного развития, продвижения и формирования государства является четкая регламентация, в том числе и правовая, работы органов местного самоуправ-

ления, а также иных вопросов, касающихся аспектов местного самоуправления.

В настоящее время местное самоуправление — неотъемлемая часть гражданского общества. Местное самоуправление является важнейшей основой конституционного строя современной России, которая во многом влияет на развитие внутренней политики и формирование демократического правового государства.

Закрепление местного самоуправления как основы конституционного строя оправдано и способствует стабильности государства и общества в целом. Местное самоуправление выступает не только в качестве института, непосредственно регулирующего жизнедеятельность населения, но и в качестве политического инструмента. Закрепленные в конституции положения способствуют также и демократизации общества и независимой деятельности муниципалитетов от органов государственных органов [11].

Литература:

1. Эсмонтов, А.Б. Местное самоуправление как основа конституционного строя России/А.Б. Эсмонтов // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. — 2019. — № 13. — с. 440-443. — EDN QKDQES.
2. Мирзаев, М. А. Конституционно-правовое регулирование понятия «Местное самоуправление» // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 4.
3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
4. «Европейская хартия местного самоуправления» (совершено в Страсбурге 15.10.1985)
5. Муниципальное право России: учебник для вузов/А.Н. Кокотов [и др.]; под редакцией А.Н. Кокотова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 406 с. — (Высшее образование).
6. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ (ред. от 21.07.2005) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
7. История становления местного самоуправления в России: исторический экскурс. — МЦБС; сост. Наумова Т.С.; ред. Воронцова Е.И.; отв. за вып. Кобец О.А. — Венёв, 2016. — 12 с.
8. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»
9. Гаврилов Николай Петрович, Санин Константин Васильевич. О местном самоуправлении // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17.
10. Гошуляк Виталий Владимирович. Конституционные принципы организации государственной власти и местного самоуправления в учредительных актах субъектов Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 5.
11. А.Ф. Нурисламов Местное самоуправление как основа конституционного строя Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-4.

Организационные основы местного самоуправления

Пономарев Денис Евгеньевич, студент

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Соловьева Ольга Александровна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В данной статье рассмотрены основные организационные принципы местного самоуправления. Проанализированы нормативные акты, регулирующие основы деятельности органов местного самоуправления, а также рассмотрена структура органов местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, Российская Федерация, Конституция РФ, гражданское общество, государство, муниципалитет, должностные лица.

С целью наиболее слаженного развития и функционирования любого муниципального образования необходимо организовать наиболее точную и эффективную правовую базу, а также все необходимые условия, которые будут способствовать качественной организации работы органов местного самоуправления муниципалитетов. Такие условия также позволят наиболее точно направлять работу должностных лиц и органов местного самоуправления в нужном направлении. Такими должностными лицами выступают: глава муниципального образования, глава местной администрации, собственно администрация, представительные органы власти, контрольно-счетный орган и др. При наличии четкой регламентации деятельности данных органов и должностных лиц становится намного проще координировать их деятельность, а также налаживать взаимосвязь между ними [2].

Обращаясь к вопросу об организационных основах местного самоуправления, следует упомянуть, что организационные основы можно назвать институтом, относящемуся к отрасли муниципального права. Систему этого института составляет ряд норм права, правовых принципов и регламентов, при помощи которых обеспечивается всей системы местного самоуправления. Такие принципы и нормы принимаются исключительно в соответствии с Конституцией РФ.

Исследуя вопрос о структуре муниципального образования хочется отметить, что первостепенное значение в структуре муниципалитета имеют такие должностные лица и органы, как глава муниципального образования, местная администрация, а также представительный орган местного самоуправления (дума городского округа), поскольку их наличие является обязательным элементом [3]. Следует упомянуть, что нельзя путать между собой главу муниципального образования и главу местной администрации. Для разграничения понятий «глава муниципального образования» и «глава местной администрации» следует обратиться к Федеральному закону N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, глава муниципального образования является высшим должностным лицом

муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования в соответствии с настоящей статьей собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Под главой местной администрации же понимается глава муниципального образования либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий, определяемый уставом муниципального образования [2]. Исходя из данных норм права можно сделать вывод, что глава муниципального образования и глава местной администрации — это разные должности, которые, однако, может занимать один человек в случаях, предусмотренных законом. Но не следует отождествлять эти понятия, поскольку сущность полномочий данных должностей совершенно разная. Глава местной администрации руководит местной администрацией на определенных принципах, занимается вопросами местного значения, которые на основе законодательства входят в полный круг полномочий местной администрации. За каждое принятое решение, а также его осуществление в жизни, которые входят в полномочие местной администрации ответственность несёт индивидуально руководитель данной администрации. Также глава местной администрации ответственен и подконтролен только перед представительным органом определённого муниципального образования [4]. Из этого следует, что глава администрации не подконтролен главе муниципального образования, однако, глава муниципального образования находится под контролем населения и представительного органа на определённой территории.

Если проследить и изучить статус и полномочия главы местной администрации, можно проследить, что основная деятельность заключается именно в решении всех повседневных вопросов местного значения. Исходя из всех полномочий и статуса для местного населения, глава является для всех «первым лицом», руководителем [5].

Если рассмотреть местную администрацию как орган местного самоуправления в целом, то общее понятие и со-

держание полномочий местной администрации содержится в Федеральном законе № 131, в котором сказано, что местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наделяется уставом муниципального образования полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями для осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Если определить особенность данной структурной единицы из целостной структуры местного самоуправления, то местная администрация сегодня является обязательной в своём наличии, поскольку должна входить в систему органов местного самоуправления в соответствии с законодательством.

Аналогично, как и со статусом главы местной администрации и главой муниципального образования, можно сравнить и администрацию. Местная администрация представляет собой орган местного самоуправления, а не орган муниципального образования в виду того, что она имеет определённые особенности и статус.

Первое: местная администрация имеет такое отличие как обладание муниципально-властными полномочиями и правами. Это порождает общеобязательность всех принимаемых решений для всех субъектов муниципальных правоотношений;

Второе: возможность и обладание правом по изданию муниципальных нормативных правовых актов в пределах своей компетенции, которые подлежат обязательному исполнению.

Третье: местная администрация вправе осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность, направленную на решение вопросов местного значения.

Рассматривая местную администрацию с точки зрения принципа разделения властей, можно сказать, что местную администрацию можно отнести к исполнительной ветви власти, так как этот орган наделён ярко выраженными исполнительно-распорядительными правами и обязанностями. Следует отметить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации местная администрация наделяется особыми правами, а именно статусом юридического лица [1]. Местная администрация наделяется данным правом и статусом с целью осуществления самоуправления самостоятельно, то есть становится самостоятельным участником осуществления гражданско-правового оборота.

Местная администрация, обладая статусом юридического лица, может в полном объеме участвовать в гражданско-правовых отношениях на территории муниципального образования. Такое участие осуществляется, как правило, в интересах граждан. Также администрация является собственником муниципальной собственности. Из этого следует, что она в праве осуществлять действия, связанные с распоряжением муниципальной собственностью, например, сдавать в аренду или отчуждать, передавать в собственность другим лицам гражданско-право-

вого оборота в постоянное или временное пользование, а также осуществлять иные сделки в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Однако не всякая администрация может обладать статусом юридического лица. Так, не являются юридическими лицами территориальные подразделения администрации городского округа или структурные подразделения администрации, а именно отделы и комитеты муниципального образования.

Получается, местная администрация с помощью принятия решений по конкретным вопросам местного значения в пределах своих полномочий осуществляет публично-управленческую деятельность на территории муниципального образования. Для достижения полной эффективности поставленных целей и вопросов огромное значение играет сама структура, её специфика и система, а также те люди, которые её представляют и руководят.

Следующим органом, входящим в систему органов местного самоуправления и играющим немаловажную роль, является контрольно-счётный орган [1]. Этот орган создается по волеизъявлению представительного органа муниципального образования. Предметом деятельности контрольно-счётного органа является внешняя проверка исполнения самого бюджета, а также использование муниципального имущества в различных целях. Поскольку проблема результативного управления муниципальными финансами требует на регулярной основе постоянного внимания [6].

Муниципальный финансовый контроль необходим для населения, с целью повышения уровня эффективности и рациональности распределения и использования ресурсов в определённом муниципальном образовании. Благодаря грамотной организации финансовой политики муниципалитета происходит сохранение финансов и экономики, а, следовательно, и улучшается социальная стабильность, повышается экономическая эффективность и качество жизни граждан. Обращаясь к статье 265 Бюджетного кодекса РФ [7], которой установлено, что внешний муниципальный финансовый контроль в сфере бюджетных отношений является контрольной деятельностью контрольно-счётных органов муниципальных образований». Именно этот контроль имеет особое значение в повседневной жизни общества, поскольку позволяет гражданам координировать и контролировать финансовую составляющую муниципальной власти.

Для повышения эффективности данного органа того чтобы повысить эффективность данного органа, поскольку нормативно-правовая база весьма недостаточна, а также с целью оказания методической помощи, которая в дальнейшем повлияет на проведение контрольных процедур и обмен опыта между организациями существует реальная возможность принимать активное участие в деятельности Ассоциации контрольно-счётных органов Российской Федерации. Контрольно-счётный орган обладает значительной самостоятельностью, которая рас-

пространяется на функциональные и организационные моменты в повседневной жизни, также стоит отметить, что данный орган не имеет статус юридического лица, а, следовательно, есть некие ограничения с обладанием прав.

Что касается правового регулирования, то вопросы компетенции регулируются Положением о контрольно-счетной палате, утверждаемое городской Думой, а если осуществляется внешний муниципально-финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений, то контрольно-счётная палата действует согласно Конституции Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации. То есть представительные органы местного самоуправления могут самостоятельно принимать решение о создании и функционировании

данного органа муниципального финансового контроля, а также определять его правовой статус и полномочия.

Таким образом, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в совокупности с другими нормативными правовыми актами устанавливает различные варианты осуществления местного самоуправления, которые будут распространяться на руководителей и органы, которые входят в структуру местного самоуправления. При этом от выбора той или иной деятельности зависит порядок осуществления их полномочий и статуса, который регулируется на законодательном уровне, а также относится к ведению местных сообществ и закрепляется в уставах соответствующих муниципальных образований.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Правдин Дмитрий Геннадьевич Глава муниципального образования в системе органов местного самоуправления // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3.
3. Остапец Оксана Григорьевна, Карномазова Анна Анатольевна Представительный орган в системе муниципального управления // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 2 (27).
4. Демидов, М. В., Степанова В. Л. Глава муниципального образования и глава местной администрации: статус, полномочия и взаимоотношения // Вестник РУК. 2015. № 2 (20).
5. Дондокова Айна Анандаевна О разграничении полномочий между главой муниципального образования и главой местной администрации // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4-12 (13).
6. Федеральный закон от 07.02.2011 N 6-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»
7. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 14.07.2022)

Участие представителей работников в разработке и принятии локальных нормативно-правовых актов

Родионова Анастасия Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Герасимова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов участия представителей работников в разработке и принятии локальных нормативных правовых актов. В статье рассматриваются основания и различные процедуры участия представителей работников, такие как: согласование и учет мнения.

Ключевые слова: работодатель, локальный акт, представители работников.

Локальные нормативные правовые акты выступают удобным и действенным способом регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. Это обусловлено предоставлением участникам соответствующих отношений возможности самостоятельно определять условия сотрудничества, а также учетом интересов и специфики организации.

В настоящее время на законодательном уровне отсутствует понятие локального нормативного правового

акта. Существует множество научных исследований, посвященных анализу сущности такого акта, к примеру, Г. А. Рогалева определяет его как правило общеобязательного поведения субъектов трудового правоотношения, принятое в рамках организации в специальном порядке с санкции государства и регулирующие основные условия труда работников данной организации [1]. Следует отметить, что локальное регулирование может быть опережающим, то есть акты способны не только воздействовать

на сложившиеся между работником и работодателем отношения, но и породить новые.

Локальные нормативные правовые акты выступают формой реализации работодателем функции по организации и управлению трудом.

Статья 8 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) устанавливает основы осуществления локального регулирования. Так, исследуемые акты могут приниматься работодателями (организациями и индивидуальными предпринимателями) в пределах, определяемых законом и их функцией. При этом законы, подзаконные акты, коллективные договоры и соглашения могут закреплять обязанность по учету мнения представительного органа работников. Также в соответствии с коллективными договорами или соглашениями локальный акт может приниматься по согласованию с представительным органом работников [2].

Указанное положение позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, обязанность учета мнения представителей работников может следовать как со стороны публичных норм, так и из норм, принимаемых с учетом совместной воли работников и работодателей.

Во-вторых, ТК РФ устанавливает обязанность учета мнения представительного органа (а также согласования именно с данной структурой принимаемых актов). Вместе с тем в соответствии со статьей 29 ТК РФ представителями работников выступают: профессиональные союзы, их объединения, иные профсоюзные организации, а также иные представители, избираемые работниками. Обращаясь к вопросу об иных представителях работников, важно отметить, что в силу положений данной статьи помимо профсоюза работниками у конкретного работодателя может быть сформирован представительный орган или ими может быть выбран представитель. Таким образом, буквальное толкование понятие представительного органа является крайне узким и не включает в себя ни представителя, ни первичную профсоюзную организацию, ни иных представителей.

Тем не менее анализ норм, предусматривающих порядок разработки конкретных локальных нормативных актов, дает основание полагать, что под представительным органом, закрепленным в статье 8 ТК РФ, понимается именно представитель работников — общая категория. Согласно правилам юридической техники одно и то же понятие не может быть использовано в отдельно взятом нормативно-правовом акте с разными значениями. По этой причине, по нашему мнению, в статье 8 необходимо заменить термин «представительный орган» на термин «представитель работников».

В-третьих, из статьи 8 ТК РФ следует две формы взаимодействия работодателя с представителями работников в рамках принятия локального нормативного правового акта:

- учет мнения;
- согласование.

Прежде всего считаем необходимым обратить внимание на процедуру согласования. Из смысла статей 5 и 8 ТК РФ следует, что процедура согласования, равно как и ее основание (конкретный локальный акт) находятся за пределами регулирования трудового законодательства, то есть определяются исключительно соглашениями и коллективными договорами. Многими авторами отмечается, что процедура согласования используется на паритетных началах при разработке глобальных документов организации, таких, например, как план действий по высвобождению и трудоустройству работников в связи с проведением реорганизации компании, реструктуризации отрасли [3].

Примечательно, что ТК РФ не предусматривает механизма принудительного воздействия в указанной области. К примеру, в случае если не соблюдена процедура учета мнения представителя работников, нормы принятого локального акта не применяются. Однако последствий несоблюдения процедуры согласования нет.

Переходя к вопросам учета мнения представителей работников, необходимо указать, что ТК РФ не содержит четкого перечня локальных актов, принимаемых в таком порядке, так как статьи расположены по всему его тексту. Тем не менее анализ его положений позволяет выделить следующие акты: о введении и об отмене режима неполного рабочего времени; о введении и применении систем нормирования труда; о введении мер, предотвращающих массовые увольнения работников; о введении системы оплаты и стимулирования труда; о перечне должностей работников с ненормированным рабочим днем; о привлечении работников к работам в нерабочие праздничные дни в случаях, не предусмотренных; о привлечении работников к сверхурочным работам; о разделении рабочего дня на части, с тем чтобы общая продолжительность рабочего времени не превышала установленной продолжительности ежедневной работы; об определении порядка и условий выплаты работникам за нерабочие праздничные дни, в которые они не привлекались к работе, дополнительного вознаграждения; об утверждении графика отпусков; об утверждении формы расчетного листка и др.

Представленный примерный перечень позволяет заключить, что основной массив локальных нормативных правовых актов принимается с учетом мнения представителей работников, что отражает значимость данного направления взаимодействия.

Процедура учета мнения представителей работников определяется в соответствии со статьей 372 ТК РФ. Однако перед рассмотрением самой процедуры следует выделить несколько важных аспектов. Трудовое законодательство в одних случаях закрепляет обязанность учета мнения представителей работников, в других — мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. Необходимо указать, что понятие представителей работников является родовым по отношению к профессиональным союзам, представителям и представительным

органам работников. Сложности возникают при условии, что в организации функционирует и представительный орган, и первичная профсоюзная организация, а законодатель предписывает учитывать мнение представителей.

На наш взгляд, в указанных случаях необходимо учитывать мнение обоих представителей, что следует из специфики существования иных представителей (иные представители могут быть выбраны, только если профсоюз не включает в себя более 50% работников и не уполномочен на представление интересов всего трудового коллектива). То есть совместный учет мнений позволяет установить действительную волю работников.

Кроме того, внимание стоит уделить и тому, что положения статей 371 и 372 ТК РФ распространяют свое действие именно на работодателей, в то время как филиалы и представительства таковыми не являются и по этой причине не могут утверждать собственные локальные нормативные правовые акты.

Процедуру учета мнения представителей работников можно разбить на несколько этапов:

Первый этап связан с направлением проекта локального нормативного правового акта и обоснованием необходимости его принятия. При этом, как правило, такое направление сопровождается просьбой к представителям работника высказать свое мотивированное мнение относительно предлагаемого акта.

На втором этапе не позднее 5 дней с момента получения проекта акта и обоснования его необходимости выборный орган первичной профсоюзной органи-

зации направляет работодателю мотивированное мнение по проекту в письменной форме. Пятидневный срок исчисляется со дня, следующего за днем поступления соответствующего акта.

Мотивированное мнение может содержать как согласие на принятие акта, так и отказ. Кроме того, в нем можно изложить предложения по изменению проекта локального акта.

Третий этап зависит от того, какое именно решение принято представителями работников. При положительном решении акт подлежит утверждению с указанием момента начала действия. При отрицательном решении или наличии замечаний работодатель либо соглашается с мотивированным мнением, либо в течение трех дней с момента его получения проводит дополнительные консультации в целях достижения взаимоприемлемого решения. В условиях недостижения взаимоприемлемого решения стороны оформляют протокол разногласий, после чего акт может быть принят работодателем. За представителями работников в таком случае сохраняется право на обращение в суд или государственную инспекцию труда с требованием об оспаривании локального акта.

Проведенное исследование позволило выявить особенности и несовершенства участия представителей работников в разработке и принятии локальных нормативно-правовых актов. По нашему мнению, следует внести изменения в положения статьи 8 ТК РФ заменив термин «представительный орган» на термин «представитель работников»

Литература:

1. Рогалева, Г. А. Локальное регулирование условий труда и система источников трудового права. М., 2003. с. 79.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3; 2022. — № 29 (часть III). — Ст. 5240.
3. Сошникова, Т. А. Взаимодействие работодателя и представительных органов работников при принятии локальных нормативных правовых актов // Трудовое право. 2009. № 12. с. 99-107.

К вопросу о понятии принципа добросовестности в гражданском праве

Румянцев Максим Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье систематизированы подходы к определению понятий добросовестности и принципа добросовестности в российском гражданском праве, представлена авторская дефиниция данных понятий.

Ключевые слова: добросовестность, принцип добросовестности, субъект правоотношений.

В российском гражданском праве принцип добросовестности непосредственно вводится в 2013 г. — согласно изменениям (а точнее, дополнению) в ГК РФ [1]. Так, согласно п. 3. ст. 1 ГК РФ, «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при ис-

полнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» [2].

Отметим, что существовал рассматриваемый принцип и ранее, можно сказать, что он всегда являлся одним из ба-

зовых принципов гражданского права, но законодательно он закреплен только в 2013 г.

Также примечательным является и то, что, хотя принцип добросовестности теперь (с 2013 г.) напрямую введен в Гражданский кодекс, его определение на законодательном уровне не дается. Отсутствие законодательной дефиниции привело к возникновению различных толкований и определений данного принципа. Рассмотрим основные подходы к определению принципа добросовестности в доктрине российского гражданского права.

Ряд авторов вообще не относят добросовестность именно к основополагающим принципам гражданского права (это обусловлено как раз тем, что рассматриваемый принцип обозначен в ГК РФ лишь в 2013 г.). В частности, В.И. Емельянов утверждает: «добросовестность относится не ко всем, а лишь к отдельным правоотношениям, и границы добросовестности очерчены определенным рядом правоотношений» [3, с. 14-16]. Такой подход, однако, в настоящее время практически не встречается, что обусловлено обозначенным выше дополнением в ГК РФ.

На наш взгляд, законодатель четко в ст. 3 ГК РФ обозначает, что все (без исключения) гражданские правоотношения строятся на добросовестности, что возводит ее в ранг основополагающих принципов гражданского права.

В российской правовой доктрине существует подход, согласно которому понятие добросовестности рассматривается в трех различных аспектах:

- 1) субъективная характеристика индивида — добросовестность рассматривается как качество его характера;
- 2) поведенческий аспект — добросовестность определяется как действия субъекта правоотношений соответствующим образом, а именно, с соблюдением и уважением прав других участников правоотношений, отсутствия злоупотреблений и нечестного поведения и т. д.;
- 3) добросовестность — именно как принцип гражданского права — правовая норма [4].

На наш взгляд, все эти понятия тесно связаны, и можно сказать, одно вытекает из другого. Так, закрепленный в ГК РФ принцип добросовестности является, несомненно, правовой нормой, согласно которой субъекты правоотношений должны действовать соответствующим образом. При этом, в случае отсутствия у субъекта правоотношений определенных черт характера реализация обозначенного принципа затрудняется.

Кроме того, при доказывании добросовестности поведения участников (субъектов) гражданских правоотношений, то есть соблюдения ими рассматриваемого принципа, устанавливается именно отношение субъекта и мотивы его поведения. Поэтому считаем целесообразным рассматривать определение принципа добросовестности в связке с поведенческими характеристиками субъекта правоотношений.

Итак, при формулировке определения понятия «добросовестность» и принципа добросовестности большинство российских ученых основываются на таких понятиях,

как добрая совесть, добропорядочность, разумность, разделяя или, наоборот, объединяя их.

Так, в более узком понимании рассматриваемого понятия прослеживается его определение именно через добрые (добросовестные) и честные намерения индивида — участника гражданских правоотношений. Сторонники этого подхода, например, К.И. Скловский [5], Э.Р. Дэйнеко [6] и др., говорят о том, что добросовестность подразумевает «исходную позицию лица (в данном случае — участника гражданских правоотношений), основанную на его уважении контрагента, понимании прав и интересов другого участника правоотношений, восприятию его (контрагента) как равного» [5, с. 113].

Дополняют позицию К.И. Скловского такие авторы, как Е.В. Разумовская [7], В.А. Белов [8] и др. Например, В.А. Белов говорит о том, что «добросовестность означает такое субъективное отношение участника правоотношений к правам контрагента, при котором он действует таким образом, чтобы никому (в том числе и третьим лицам) не причинялось вреда, а также не создавалось угрозы причинения такого вреда. В случае же возникновения вреда по объективным причинам добросовестность действий определяется направленностью на минимизацию негативных последствий» [8].

Существует и подход, согласно которому добросовестность трактуется не как субъективное, а как объективное понятие. Например, Г.А. Гаджиев [9] и О.М. Свириденко [10] утверждают: «добросовестность представляет собой осуществление субъективных прав лицом, при котором не причиняется вред и не создается угроза причинения вреда иным лицам», то есть цитируемые авторы предлагают оценивать добросовестность через наступление/ненаступление негативных последствий для иных лиц» [9].

На наш взгляд, такой подход не в полной мере отражает сущность понятия добросовестности, ведь даже если вред не причинен, это еще не значит, что иной субъект этого не желал, действовал исходя из уважения к законным интересам иных участников правоотношений. Хотя, с точки зрения права, конечно, именно причинение вреда является основанием для рассмотрения вопроса о добросовестности участников правоотношений. С точки зрения же определения данного понятия важным представляется именно субъективное отношение и поведение участников правоотношений.

Как уже было отмечено, ряд авторов при трактовке термина «добросовестность» вводит также еще и понятие добропорядочности. Причем большинство авторов, например, В.А. Белов, Е.В. Разумовская, Е.Е. Богданова, Л.Ю. Василевская [11] и др., отмечают тесную взаимосвязь обозначенных понятий и практическую их неразделимость [11, с. 75]. Однако некоторые авторы разделяют данные понятия и говорят об их взаимном дополнении и взаимосвязи, но не о слиянии [12, с. 90-91].

Добропорядочность в основном трактуется как именно общее поведение субъекта, основанное на соблюдении

как общепризнанных норм и правил, так и норм права. Добросовестность же определяется в этом случае как свойства характера индивида, выражающиеся как честность, уважение законов и правил.

На наш взгляд, в определенной мере, можно согласиться с тем, что добропорядочность отражается на всех сферах жизни и является своего рода стилем жизни субъекта, а добросовестность больше имеет отношение именно к обязательствам в правовом аспекте и сделках (в первую очередь нас интересуют гражданско-правовые отношения). При этом, действительно, рассматриваемые понятия настолько тесно взаимосвязаны, что достаточно сложно их разделить. Однако здесь следует помнить, что в законе говорится именно о добросовестности, а это также подтверждает точку зрения тех, кто говорит о добропорядочности, как более широком понятии, а в правовом аспекте, соответственно, корректнее применять термин добросовестность.

Общим у всех рассмотренных дефиниций добросовестности можно выделить констатацию всеми авторами того, что в ее основе лежит именно субъективное отношение индивида — участника правоотношений. Можно

говорить о том, что принцип добросовестности, в первую очередь, субъективный, что в свою очередь усложняет доказывание наличия/отсутствия добросовестности в конкретных случаях.

Именно неотрывность от чувств и эмоций индивида приводит к сложности доказывания добросовестности действий, что определяет актуальность разработки механизмов установления добросовестности действий в гражданско-правовых отношениях и постоянную доработку этой темы для минимизации судебных ошибок.

Под добросовестностью предлагаем понимать субъективное отношение участника правоотношений к правам других участников, основанное на их уважении, соблюдении и формировании своего поведения с учетом прав и интересов иных участников правоотношений, уважении их и закона.

Принцип добросовестности в гражданском праве, соответственно, можно трактовать как установление обязанностей для всех участников гражданских правоотношений действовать исходя из уважения и соблюдения прав других субъектов правоотношений, а также недопущение нарушений законных интересов других сторон.

Литература:

1. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ: (ред. от 04.03.2013 г.) // Собрание законодательства РФ, 2012, 31 декабря.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301. (ред. От 14.07.2022).
3. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами — М: Лекс-книга, 2002. 160 с.
4. Дерюгина, Т.В. Сущность понятия добросовестности в гражданском праве России // Cyberleninka [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-dobrosovestnosti-v-grazhdanskom-prave-rossii/viewer>
5. Скловский, К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. № 2. с. 94-118.
6. Дейнека, Э.Р. Добросовестность с точки зрения гражданского кодекса РФ // Агентство недвижимости Триумфальная арка. [Электронный ресурс]. URL: <https://arka.ru/lawyers/dobrosovestnost-s-tochki-zrenija-grazhdanskogo>
7. Разумовская, Е.В. Договорное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов — М: Юрайт, 2022. 186 с.
8. Белов, А.В. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/3540963/?ysclid=l77odf8znp353348238>
9. Интервью с Г.А. Гаджиевым, заслуженным юристом России, доктором юридических наук, судьей Конституционного Суда РФ // Юридический справочник руководителя. — 2004. № 11. с. 23.
10. Интернет-интервью с О.М. Свириденко, Председателем Арбитражного суда г. Москвы: «Арбитражный суд г. Москвы. 70 лет. Проблемы и перспективы» // «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>
11. Богданова, Е.Е., Василевская Л.Ю., Гринь Е.С., Гринь О.С., Малеина М.Н., Подузова Е.Б. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции — М.: Инфра-М, 2016. 192 с.
12. Нам, К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия. — 2020. № 2. с. 88-103.

Понятие и соотношение терроризма и террористического акта: исторический аспект

Саидзода Азизджони Икромидин, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор пытается на основе различных понятий терроризма установить сущность этого явления.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, государственная и общественная безопасность.

В современном мире в отечественной и зарубежной науке существуют серьезные затруднения по определению теоретического понятия терроризма. Независимо от того, что существует достаточно много исследований по этому явлению, в настоящее время не существует уникальной и общепринятой концепции понятия терроризма. После долгих совместных работ ученые приходили к выводу, что терроризм — это неоднозначная и многогранная концепция с универсальной и исторической изменчивостью характера.

Можно сказать, что на сегодняшний день существует достаточно различные мнения ученых по теоретическому определению терроризма. Одна группа считает, что наличие универсального и общепринятого понятия терроризма не является значимым и приемлемым в предотвращении и борьбы с этим явлением. Сторонники данной идеи считают, что надо разработать конкретный перечень видов деятельности, которые рассматриваются как поведение террористического характера.

Надо отметить, что большинство ученых не могут согласиться с данным подходом и настаивают на разработке единого теоретического определения терроризма.

По словам некоторых ученых, наличие универсального определения терроризма и международного терроризма поспособствовала бы в предотвращении, пресечении и наказании данного преступления.

По словам С.А. Ланцова, терроризм — «система применения силы для достижения политических целей путем принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, граждан или их групп к совершению определенных действий в пользу террористов с целью достижения определенных лиц или групп, объектов жизнеобеспечения населения общества, чтобы избежать источников повышенной опасности для людей или окружающей среды» [1].

«Терроризм, — пишут российские исследователи В.В. Витюк и С.А. Эфилов — это политическая тактика, связанная с использованием и поощрением тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты. Террористические акты, которые предшествовали убийству некоторых высокопоставленных чиновников, в современных условиях могут быть формой депортации самолетов, захвата заложников, поджога компании и офисы и т. д.» [2].

С политической точки зрения терроризм можно описывать как: «Негативный социальный протест, развиваю-

щийся на разных уровнях — обществе, классах, отдельных социальных слоях, этнонациональных группах» [3].

Еще надо подчеркнуть, что на сегодняшний день самым распространенным поводом терроризма или террористического акта является национально-освободительное движение внутри одного государства, по-другому можно назвать сепаратизм. Поводом данного явления, то есть сепаратизма, является неравенство среди этнических меньшинств, которое приводит в конечном итоге к террору или террористическому акту.

Можно рассматривать в более широком образе террористический акт как «любая насильственная угроза, каждое индивидуальное насилие или кампания насилия, а также международные преступления, совершенные насилием и запугиванием» [4].

Российские ученые между терминами «террор», «терроризм» и «террористический акт» видят четкое различие. По мнению И.Ф. Луппова, термин «террор» применяется к тотальному режиму или точнее насилию против широких масс. В свою очередь, слово «терроризм» означает готовность насиловать и запугивать большинство со стороны меньшинства. В итоге террористический акт — «это уже реализованный процесс применения силы в отношении неопределенного круга граждан с целью шантажа отделанного объекта для достижения его политических или экономических целей» [5].

Ученые выделяют такие формы террористического деятельности как «политический терроризм (убийство государственных деятелей), уголовный терроризм организованным преступным сообществ, националистический терроризм сепаратистских сил, «воздушный терроризм» — похищение самолетов, и международный терроризм» [6].

Из анализированных выше материалов можно сконструировать такое понятие по террористическому акту как форма практического применения, осуществления и реализация терроризма. По-другому можно сказать, что террористический акт — это конкретное преступление, действия, непосредственно связанные с терроризмом. По словам исследователя Е.П. Кожушко террористический акт — «это оружие терроризма, а оружием террора, в свою очередь, являются репрессии» [7].

По поводу общественной опасности террористического акта можем полностью согласиться с профессором истории Джоджтаунского университета У. Лакер, так

как он сказал: «Даже гражданская война соблюдает те или иные правила, в то время как главные признаки терроризма — анонимность и отрицание каких бы то ни было норм» [8].

Законодательство РФ, учитывая данную проблематику по понятию террористического акта, закрепляет такую диспозицию на нормативно-правовых актах, регулирующих данную отрасль, как «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями (ст. 205 УК РФ) [9].

Если проведем исторический анализ, то впервые эти слова начали употреблять в конце XVIII века. Первоначально действия террористического акта осуществляли люди с революционным мышлением, и тогда данное преступление имело индивидуальный характер. После одного столетия терроризма уже разделили на националистический и терроризм анархистов, а именно в XIX веке «террор» воспринимали в более обширном смысле. Эти слова обозначали политическое покушение, насильственную форму диктатуры, а также часто применяли данное слово по отношению к насилию и репрессиям.

Литература:

1. Ланцов, С. А. Террор и террористы. СПб., 2004. с. 4.
2. Витюк, В. В., Эфилов С. Л. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. с. 224-225
3. Луппов, И. Ф. Политические аспекты дискуссии о сущности современного терроризма // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. с. 946.
4. Требин, М. П. Терроризм в XXI веке. Минск, 2004. с. 10.
5. Луппов, И. Ф. Политические аспекты дискуссии о сущности современного терроризма // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. с. 946.
6. Шеремет, К. Ф., Киреев М. П., Лунеев В. В., Комиссаров В. С. и др. Круглый стол «Терроризм психологические корни и правовые оценки» // Государство и право. 1995. с. 20.
7. Е. П. Кожушко «Современный терроризм. Анализ основных направлений» Минск: Харвест, 2000. С — 53
8. Моисеев, А. И. Международно-правовое определение терроризма: диссертация. Москва. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 2016.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: (по состоянию на 10 июня 2022 г.).
10. Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов на совместной пресс-конференции с Президентом США Джорджем Бушем [Электронный ресурс] // Официальные 7 сетевые ресурсы. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21373/audios> (дата обращения: 27.06.2022).

После завершения Второй Мировой войны проблема выработки понятия терроризма вновь стала перед государствами, и основная роль по выработке понятия была возложена на ООН. На сегодняшний день под эгидой ООН разработано более 13 антитеррористических документов. Кроме того, существуют еще и некоторые международные конвенции о борьбе с террористическими преступлениями, но на международном уровне можно сказать, что несмотря на проделанную работу ООН и ее органов, в универсальных документах отсутствует единое понятие терроризма.

Понимая тонкости, присущие данному явлению, президент России В. В. Путин, выступая на международной конференции 21 октября в 2001 году в Шанхае отметил, что: «Проблема в том, что мы не можем точно сказать, что такое «международный терроризм» [10].

Здесь можно сделать вывод, что разработка определения понятия терроризма и террористического акта пока не нашла своего окончания и можно сказать, что еще в процессе. Но учитывая тот факт, что основные черты и тенденции терроризма уже определены, мы можем подойти ближе к сущности данного явления. Допустим, что общепринятое понятие терроризма было определено, скорее всего оно обосновывалось бы из таких признаков как насилие, устрашение, специальная цель, повышение общественной опасности и т. п. Учитывая сочетание этих признаков, мы можем подойти к сущности терроризма, не нуждаясь в уникальном и общепринятом понятии терроризма.

Понятие юридически значимого поведения и его виды

Сальникова Анна Вячеславовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В российской науке понятие «юридически значимое поведение» существует уже много лет, и споры к его определению ведутся на протяжении всего этого времени. Можно констатировать, что споры в основном касаются к подходу деления правового поведения на виды, а это противоправное, которое исходя из определения уже является самоисключающим, и правомерное правовое поведение. На сегодняшний день работа выдающегося ученого Кудрявцева В. Н. «Правовое поведение: норма и патология» является наиболее точной и исчерпывающей, касаясь толкования данного вопроса. Всё же на данный момент трактовка вопроса определения феномена правового поведения и его видов является актуальной и требует дополнительных исследований.

Ключевые слова: юридически значимое поведение, правовое поведение, толкование, противоправное поведение.

Мы не можем говорить о понятии «юридически значимое поведение» как о совершенном, так как данное определение не является столь широким и не включает в себя весь объём таких значений, как правовое поведение, юридическая деятельность и правовая деятельность. Некоторые авторы определяют правозначительное поведение более широким, охватывающим жизнь человека в большем объёме.

Юридически значимое поведение имеет ряд классификаций. Оно может быть как активным, так и пассивным, многосторонним и односторонним, правотворческим и правоприменительным и т. д.

Но юридически значимым правовое поведение будет только тогда, когда оно имеет свойство формальной определённости. Данное свойство и есть показатель для всей общественности, является ли юридически значимое поведение в данный момент вредным или же его можно оценивать как полезное.

Не любое поведение можно считать юридически значимым, а только то, что влечет за собой юридически значимое последствие. Такое поведение, как правило, может затрагивать права, интересы и свободы как организации, так и отдельных личностей, оно влияет на изменение или прекращение, а также возникновение правоотношений.

Самой распространённой классификацией для юридически значимого поведения является деление на правомерное и неправомерное. Оценивающим средством данных категорий будет являться позитивное право, делящее поведение на правомерное и неправомерное, определяющее поведение людей на соответствие или несоответствие тем или иным нормам права.

О правомерности в данном случае мы рассуждаем ни как о фундаментальном виде, а будем говорить о ней, как о стороне, её нормативном свойстве. Ведь большое влияние на направленность поведения в жизни общества, на четкость и государственную прочность влияет правомерность. Правомерность, которая содержит суть санкции, направлена на поддержание и исполнение диспозиции в правовых нормах.

Любое поведение будет иметь юридическое значение только при закреплении его в источниках права, обще-

ство при помощи такого закрепления имеет возможность оценивать своё поведение, выбирать варианты действий в той или иной ситуации, осознавая наступление тех или иных юридически значимых последствий. Государство же, со своей стороны, имеет власть контролировать поведение общества и в случае наступления правонарушений реагировать с помощью воли закона и действий правоохранительных органов.

Но если мы относим к правовому поведению поведение правомерное, соответствующее нормам права, можем ли мы отнести к нему противоправное поведение, нарушающее нормы права?

С самого начала мы закладываем в смысл правомерного поведения, соответствие и соблюдение законам и нормам права.

Также в учебной литературе можно найти следующий подход к понятию о видах правового поведения

- 1) Поведение правомерное — им является полезное с социальной точки зрения поведение, которое полностью соответствует правовым предписаниям;
- 2) Правонарушение — поведение, которое нарушает требования норм права, является социально вредным;
- 3) Злоупотребление правом — это также социально вредное поведение, но оно осуществляется в рамках правовых норм;
- 4) Объективно противоправное — это поведение, которое осуществляется с нарушением правовых велений и не наносит вреда [2].

Безусловно, данная классификация правового поведения заслуживает отдельного внимания, но она имеет ряд вопросов.

Данные определения нарушают некоторые формальности касаясь логики.

Представленная классификация делит понятия по двум разным основаниям и два из этих определений противоречат нормам права, а остальные два относятся к поведению, которое соответствует правовым предписаниям [3].

Также возникают вопросы об отнесении «злоупотребление правом» к правомерному или противоправному поведению. Так как поведение, называемое злоупотреблением правом, не противоречит закону, а значит не нарушает

его, но, тем не менее, не может считаться нормальным [4]. Действия лиц, разрешенные законом, но нарушающие права и интересы других лиц, должны быть законом запрещены. Но, пока не существует нормы, регулирующей подобные действия, мы не можем назвать их противоправными. Другое дело, когда злоупотребление правом запрещено законом. В этом случае такие деяния безоговорочно должны быть отнесены к разряду правонарушений, даже если запрет носит самый общий характер. [5]

Литература:

1. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология/В. Н. Кудрявцев. М., 1982.
2. Теория государства и права/под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. с. 404..
3. Олейников Сергей Николаевич, Шестопал Сергей Станиславович, Квон Артем Георгиевич Природа юридически значимого поведения: понятие, особенности и правокультурная динамика // БГЖ. 2019. № 3 (28).
4. Решетов, Ю. С. Юридически значимое поведение // Вестник ВУиТ. 2015. № 4 [83].
5. Взаимодействие политики и права/науч. ред. и сост. Ю. С. Решетов. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. — 204 с.

Подводя итог, можно сказать, что пока не существует идеального способа классифицирования для такой правовой единицы, как юридически значимое поведение, так как нецелесообразно проводить грань, исходя из социальной значимости поступков и юридической оценки человеческого поведения. Тем более такое деление не охватывает всего объема разновидностей юридически значимого поведения, которое, в свою очередь, является достаточно разнообразным.

К вопросу о степени общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 110.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Санжаровский Павел Дмитриевич, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье автор рассматривает вопрос оценки законодателем степени общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ, анализируя точки зрения ученых по рассматриваемому вопросу. Делается вывод о наличии определенных проблем законодательной регламентации ст. 110.1 УК РФ.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие совершению самоубийства, общественная опасность, ответственность, наказание.

Результат оценки законодателем общественной опасности какого-либо уголовно-наказуемого деяния отражается, прежде всего, в строгости мер ответственности, предусмотренных за его совершение. Оценка законодателем степени общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 110¹ Уголовного кодекса Российской Федерации [1] вызывает совершенно обоснованные дискуссии в рамках научной литературы.

Во-первых, достаточно спорным является вопрос соотношения степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 110 и ст. 110¹ УК РФ. Исходя из установленных размеров уголовного наказания, доведение лица до самоубийства законодатель рассматривает в качестве менее общественно-опасного деяния.

Комментируя указанное обстоятельство, часть авторов отмечают, что склонение к совершению самоубийства является менее общественно-опасным деянием, поскольку совершается посредством менее «жестоких» способов, нежели склонение к его совершению. Авторы высказываются о том, что доведение лица до самоубийства стоит рассматривать в качестве более общественно-опасного

деяния, потому что способы совершения данного деяния сами по себе в силу своего характера могут выступать в качестве самостоятельных составов преступлений (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; истязание; побои и др.) [2].

Другая группа ученых высказывает противоположную точку зрения, считая, что столь незначительные различия в рассматриваемых составах преступления, как способы их совершения, не следует использовать в качестве основания дифференциации уголовной ответственности. Кроме того, как отмечают В.Е. Круковский и И.Н. Мосечкин, «... имеет ли значение для родственников лица, совершившего самоубийство, а также для общества и государства способ, каким лицо было доведено до данного поступка?» [3].

С.В. Филиппова также пишет о том, что рассматриваемые составы не стоит разграничивать лишь по способу совершения, поскольку главным обстоятельством в данном случае является то, что при доведении до самоубийства жертва самостоятельно принимает решение о совершении самоубийства, в то время как при склонении

к самоубийству лицу данное намерение фактически навязывается извне [4, с. 105-106].

Несмотря на научную ценность и значимость всех приведенных выше позиций, согласиться с ними не представляется возможным. Первая позиция в данном случае считается наиболее предпочтительной.

Так, если следовать второму подходу, в соответствии с которым степень общественной опасности должна обуславливаться лишь конечным результатом совершенного преступления, необоснованной стоит признать и дифференциацию законодателем уголовной ответственности, например, за совершение простого убийства и убийства, совершенного с особой жестокостью. В таком случае способ совершения убийства также следовало бы расценивать как незначительное различие, поскольку результатом обоих деяний закономерно выступает лишение жизни другого человека. Весьма неоднозначным видится также высказывания относительно того, что родственникам лица, обществу и государству безразлично, каким именно способом человек был лишен жизни. Возвращаясь к приведенному выше примеру с дифференциацией ответственности за совершение убийства, стоит сказать о том, что законодатель исходил из того, что при совершении убийства с особой жестокостью потерпевший испытывает чрезмерные страдания. Данный подход видится полностью применимым и к рассматриваемым составам преступления. При доведении лица до самоубийства лицо фактически ставится в безвыходное положение, при котором лишение себя жизни видится потерпевшему единственным возможным вариантом поведения. В данном случае, комментируя точку зрения С.В. Филипповой, можно также говорить о том, что и при доведении лица до самоубийства, и при склонении лица к его совершению, намерение лица лишить себя жизни происходит не в условиях самостоятельности. В обоих случаях такое намерение является навязанным извне.

Большой интерес также вызывает дифференциация законодателем уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению. Так, исходя из того, что оба указанных деяния расположены в разных, самостоятельных частях ст. 110¹ УК РФ, а также за их совершение установлена разная степень тяжести уголовной ответственности, законодатель не признает такие деяния обладающими равной общественной опасностью. Такой подход законодателя видится крайне нелогичным и нерациональным. Так, в случае склонения лица к самоубийству, лицу искусственным путем внушается намерение лишить себя жизни. Также склонение к совершению самоубийства будет иметь место в том случае, если потерпевший уже имел самостоятельно сформированный умысел на лишение себя жизни, однако, испытывал некоторые сомнения, которые в результате действий склоняющего лица были устранены.

В случае же содействия совершению самоубийства, потерпевшему не внушается намерение совершить суицид, способы, перечисленные в ч. 2 ст. 110¹ УК РФ направлены

лишь на оказание помощи в реализации такого умысла (самостоятельно сформированного жертвой). В крайнем случае, при совершении содействия могут укрепляться намерения жертвы совершить суицид, но искусственного внушения в данном случае не происходит и не может происходить. Не представляется возможным сформировать у лица умысел на лишение себя жизни посредством сообщения ему информации о возможных способах его совершения, либо же посредством обещания сокрыть орудия или средства его совершения.

Закономерно, изложенное выше свидетельствует о том, что склонение лица к совершению самоубийства является более общественно опасным деянием, нежели содействие его совершению. Далее интерес вызывает то обстоятельство, что применительно к ч. 4 ст. 110¹ УК РФ, законодатель уже рассматривает данные деяния как обладающие равной степенью общественной опасности, поскольку ответственность за их результативное совершение предусмотрена единой нормой рассматриваемой статьи. Данное обстоятельство видится также крайне нелогичным и непродуманным. Стоит согласиться с С.В. Дубовиченко и В.П. Карловым, которые пишут о том, что «трудно объяснить, почему наказание за содействие совершению самоубийства выше, чем за склонение к самоубийству... именно действия подстрекателя приводят к зарождению намерения совершить акт самоубийства» [2].

В данном случае высказанная позиция поддерживается и С.В. Филипповой, которая пишет: «Действительно, содействие совершению самоубийства укрепляет ранее возникшее у потерпевшего намерение покончить с собой, тогда как склонение к самоубийству порождает это желание, фактически выступая первопричиной совершения суицидальных действий. Очевидно, что склонение при этом должно наказываться строже, чем содействие самоубийству» [4, с. 104].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что доведение лица до самоубийства является более общественно-опасным деянием, нежели склонение к совершению суицида. Считается необоснованной существующая дифференциация уголовной ответственности за рассматриваемые деяния. Склонение к совершению самоубийства считается более общественно опасным деянием, нежели содействие его совершению, поскольку в случае совершения содействия у потерпевшего не формируется искусственным путем намерение лишить себя жизни. Содействующее лицо в данном случае выступает лишь в качестве своеобразного помощника при реализации потерпевшим самостоятельно сформированного им намерения совершить суицид. В связи с этим установление законодателем более суровой меры ответственности за совершение содействия самоубийству видится нелогичным и не рациональным. Кроме того, представляется необходимым разграничение ответственности за результативное совершение указанных деяний в самостоятельных подпунктах частей 1 и 2 статьи 110¹ УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Дубовиченко, С. В., Карлов В. П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. № 4. с. 168-176.
3. Круковский, В. Е., Мосечкин И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. с. 196-215.
4. Филиппова, С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 209 с.

Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения: актуальные вопросы теории

Семисчастнов Евгений Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье автор исследует теоретические аспекты административной ответственности, рассматривает различные понятия данного правового института, и определяет, что одним из важнейших видов административной ответственности выступает административная ответственность в области дорожного движения, ввиду чего раскрывается особенность поддержания безопасности дорожного движения, исследуются встречающиеся в литературе понятия административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, в результате чего формируется авторское определение.

Ключевые слова: административная ответственность, безопасность дорожного движения, административное правонарушение, сфера дорожного движения.

Современное исследование правовых институтов невозможно без рассмотрения их теоретических аспектов, и ввиду этого при изучении правового института в виде административной ответственности, в частности касательно отдельного вида данной ответственности — в области дорожного движения, стоит остановиться на актуальных вопросах теории.

Административная ответственность выступает в качестве одного из важнейших действенных способов, направленных на обеспечение существующего в государстве и обществе правопорядка и безопасности в различных сферах. Как указывает Н. В. Макарейко, данный вид ответственности является частью системы юридической ответственности и административного принуждения [6, с. 5].

Первоначально отметим, что в современном административном законодательстве не закреплено понятие административной ответственности как таковой, ввиду чего отметим в качестве примера мнения ученых и авторов по данному вопросу, к примеру, И. С. Матанский отмечает, что под административной ответственностью понимается реакция государства, направленная на причиненный вред в результате совершения административного правонарушения и также это государственная оценка нарушения действующей административно-правовой нормы и способ административного принуждения. Также автор

отмечает, что административная ответственность выражается в ответственности субъектов права за совершенные ими административные правонарушения различного характера [7, с. 54].

Также в качестве примера понятия административной ответственности отметим мнение авторов Е. В. Барашевой, А. В. Должниковой и А. С. Степаненко, которые отмечают, что под административной ответственностью понимается вид юридической ответственности, которая возникает ввиду совершения со стороны нарушения незаконного деяния в форме действия или бездействия и относящееся к сфере регулирования административного права, в результате совершения которых лицо подвергается мерам административного принуждения [3, с. 89].

Вместе с тем, административная ответственность реализуется в различных сферах, к примеру, в сфере защиты прав граждан, здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия населения и общественной нравственности, в области охраны собственности, но наиболее актуальной и проблемной выступает сфера безопасности дорожного движения.

Безопасность дорожного движения согласно Федеральному закону от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», представляет собой «состояние данного процесса, отражающее степень защищенности

его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий» [2]. Вместе с тем, соблюдение безопасности дорожного движения является одной из важнейших задач государственных органов и причастных к обеспечению данной безопасности должностных лиц, что отражается в принятии различных важнейших решений и нормативно-правового воздействия в сфере регулирования безопасности дорожного движения.

Также стоит дополнить, что реализация обеспечения безопасности дорожного движения имеет важнейшее первостепенное, а также решающее значение для развития Российской Федерации в том числе, и непосредственно сфера безопасности дорожного движения взаимосвязана с различными сферами жизни нашего общества, ключевой задачей которого является развитие, увеличение ресурсов человека, благополучия общества и государства в различных социальных, технических, экономических, информационных, а также других сферах [4, с. 51]. Вместе с тем, существующая дорожно-транспортная ситуация, а также низкий уровень безопасности дорожного движения существенно влияет на национальную безопасность Российской государственности, в том числе затрагивает конституционные права и свободы граждан, и выражается в виде серьезной государственной проблемы. Но для того, чтобы на законодательном уровне разрешать проблемы, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения, а также привлечением к административной ответственности виновных лиц, важно понимать и теоретические основы административной ответственности в области дорожного движения.

Относительно законодательного регулирования административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения, отметим, что все правонарушения в данной сфере закреплены в главе 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) [1]. Но в отмеченной главе КоАП РФ не содержится определений административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, ни определений об административном правонарушении в данной сфере. Отметим, что раскрытие понимания сущности, а также предназначения административной ответственности в области дорожного движения посредством формирования понятия данного вида ответственности является важнейшим способом раскрытия данного правового института.

В этой связи также рассмотрим некоторые примеры из научной литературы. К примеру, автор М.М. Попова определяет административную ответственность в области дорожного движения в качестве механизма, действующего на основании административно-материальных и административно-процессуальных положений, т.е. норм, пред-

усмотренных федеральным, региональным и местным законодательством. В данном случае автор не раскрывает сущность административную ответственность в области дорожного движения, указывая лишь на особенности регулирования данного механизма.

Полагаю, интересное определение административной ответственности в области дорожного движения предлагает автор В. А. Лохбаум, который отмечает, что в качестве административной ответственности в области дорожного движения стоит понимать сформированное государством средство правовой защиты общественных отношений, которые формируются в сфере дорожного движения, направленные на непосредственное поддержание стабильности вышеотмеченных отношений и в целом обеспечения защищенности всех участников дорожного движения, а также реализация мероприятий по предупреждению совершения административных правонарушений, а также преступлений в сфере безопасности дорожного движения на основании действующих норм административного законодательства [5, с. 107]. В данном случае автор акцентирует внимание на ключевых направлениях применения административной ответственности в области дорожного движения.

Но на сегодняшний день в научной и учебной литературе понятие административной ответственности в области дорожного движения раскрыто недостаточно подробно, и ввиду изложенного, предлагается сформировать авторское определение административной ответственности в области дорожного движения. Так, под административной ответственностью за правонарушения в области дорожного движения понимается вид государственного принуждения, который осуществляется в предусмотренной действующим административным законодательством процессуальной форме и определяющий правовое состояние физического либо юридического лица, при котором он претерпевает неблагоприятные последствия морального, имущественного и личного характера в результате реализации государственного осуждения совершенного административного правонарушения в области дорожного движения.

Таким образом, реализация административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения является важнейшим способом, направленным на поддержание стабильности общественных отношений в данной сфере и безопасности всех участников дорожного движения, но для полноценной реализации данного института важно развивать не только нормы действующего законодательства, но и его теоретические аспекты, ввиду чего автором было сформулировано авторское определение административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). ст. 1.

2. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (ред. от 29.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. ст. 4873.
3. Барашева, Е. В. Теоретические аспекты административной ответственности в современном праве/Е. В. Барашев, А. В. Должикова, А. С. Степаненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 5. — с. 88-90.
4. Жбанова, С. А. Современные подходы к формированию государственной политики в области безопасности дорожного движения/С. А. Жбанова // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Орел, 12 ноября 2018 года/Под редакцией Ю. Н. Калужного. — Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2018. — с. 50-57.
5. Лохбаум, В. А. Административная ответственность в системе предупреждения административных правонарушений в области дорожного движения/В. А. Лохбаум // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО». Тульское образовательное пространство. — 2020. — № 3. — с. 105-108.
6. Макарейко, Н. В. Административная ответственность в системе юридической ответственности/Н. В. Макарейко // Административное право и процесс. — 2019. — № 12. — с. 5-11.
7. Матанский, И. С. Понятие и сущность административной ответственности/И. С. Матанский // NovaUm. Ru. — 2021. — № 30. — с. 53-55.

Социальное обслуживание пожилых граждан: современные практики

Суренкова Анастасия Васильевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается опыт предоставления социальных услуг на дому, в стационарной и полустационарной формах пожилым гражданам в различных регионах России.

Ключевые слова: пожилые граждане, социальное обслуживание, социальные услуги на дому, социальные услуги в стационарной форме, социальные услуги в полустационарной форме.

Российское законодательство предусматривает три формы социального обслуживания пожилых граждан: в стационарной форме, в полустационарной форме и на дому [1]. Предоставление социальных услуг гражданам пожилого возраста строго регламентировано, но как показывает практика, во многих регионах России существуют учреждения, которые занимаются социальным обслуживанием пожилых и предлагают при этом неординарные подходы.

В рамках оказания социально-медицинских услуг в стационарной форме пожилым гражданам следует рассмотреть деятельность учреждений социального обслуживания в Омской области, которая осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства Омской области от 24 декабря 2014 года № 361-п «О Порядке предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг» и приказом Министерства труда и социального развития Омской области от 9 февраля 2015 года № 14-п «О Порядке признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании». С 1 июня 2022 года началась реализация проекта «Спутники Здоровья» автономной некоммерческой организацией «Негосударственный центр оказания социальных услуг «Серебряная подкова» совместно с бюджетным учреждением Омской области «Комплексный центр социального обслуживания насе-

ления Омского района». Мероприятия ориентированы на помощь пожилым гражданам, проживающих в сельских поселениях, которые имеют потребность в прохождении физической и ментальной реабилитации. Комплекс оздоровления уникален в связи с тем, что используется оборудование «Термо-инфракрасный массажер» для термотерапии, магнитотерапию и фонотерапию. Помимо физической реабилитации с пожилыми гражданами проходят психологические тренинги с использованием метафорических карт. Учреждениями социального обслуживания в Омской области также предусмотрена доставка лиц, старше 65 лет, которые проживают в сельской местности, в государственные учреждения здравоохранения Омской области в целях проведения дополнительных скринингов на выявление отдельных социально значимых неинфекционных заболеваний.

Интересным представляется также опыт Комплексного центра социального обслуживания населения Тюменского района, который предоставляет социальные услуги пожилым гражданам в полустационарной форме. На основании закона Тюменской области от 2 декабря 2014 года № 108 и постановления Правительства Тюменской области от 10 марта 2009 года № 73-п «О социальной поддержке отдельных категорий граждан, нуждающихся в оздоровлении, в Тюменской области» названный центр оказывает

такие услуги, как: предоставление нежилых помещений, оснащённых мебелью, обучающим, коррекционно-развивающим оборудованием, инвентарем, для организации и проведения реабилитационных или абилитационных мероприятий в соответствии с порядком, установленным уполномоченным органом; социально-медицинский патронаж; социально-педагогическая коррекция; подготовка пожилого гражданина к самостоятельной жизни; и др. [2]. Также в рамках полустационарного обслуживания функционирует «Школа активного долголетия», которая представляет собой систему, куда входят реабилитационные, социальные и профилактические мероприятия, направленные на продление социально-активной жизни пожилых граждан путём профилактики старения, интеграции в современное общество, а также укрепления здоровья [3, с. 44]. В программу входит: лечение в санатории; кинезотерапия; спортивные, культурные, творческие и иные мероприятия. В частности, предусмотрена литературно-творческая гостиная и иные способы поддержки увлечений и интересов и увлечений пожилых людей.

В городе Тюмени действует «Университет третьего возраста», в рамках которого пожилым гражданам предоставляется возможность бесплатно получить новые знания, навыки и умения, поверить в свои силы и идти в ногу со временем. В настоящий момент функционируют такие факультеты, как медицинский факультет, представляющий собой цикл лекций от врачей ведущих медицинских учреждений и клиник города, факультет учебной хореографии, факультет рукоделия, факультет ландшафтного дизайна, где граждане пожилого возраста могут ознакомиться с правилами озеленения садовых участков, принципами проектирования малых садов и возможностями их благоустройства с применением элементов ландшафта.

Подобный опыт присутствует и в других регионах. Постановлением Правительства Свердловской области от 26.12.2018 года № 952-П была утверждена комплексная программа Свердловской области «Старшее поколение» до 2025 года, в рамках которой в учреждении социального обслуживания проводятся мероприятия, направленные на продление активного долголетия и профилактику одиночества, действует школа пожилого возраста, развивается «серебряное» волонтерство и работают клубы и кружки по интересам. В ГАУ «КЦСОН Ленинского района г. Екатеринбурга» действует двадцать один клуб по интересам для граждан пожилого возраста. Для любителей и мастеров вязания создан клуб «Вязаночка», любителей поэзии Александра Сергеевича Пушкина объединяет клуб «Муза». Для повышения компьютерной грамотности и работы на телефоне и планшете функционирует клуб «Навигатор». В клубе «Смородинка» происходят встречи садоводов и огородников, а клуб «Дамский каприз» объединяет участниц конкурсов красоты элегантного возраста.

Региональная практика показывает, что в рамках отдельных субъектов РФ или муниципальных образований мероприятия по социальному обслуживанию пожилых

граждан на дому также могут быть организованы особым образом.

На территории города Тюмени действует оздоровительный проект «Санаторий на дому», суть которого состоит в том, что пожилым людям предлагается в непринужденной, родной домашней обстановке пройти диагностику, адаптивную физкультуру и пальчиковую гимнастику, получить курс ароматерапии и психологического сопровождения. Также пожилые граждане могут получить советы по ведению здорового образа жизни и правильному питанию.

В Омской области на базе центров социального обслуживания населения существует проект «Услуга сиделки», особенность которого состоит в том, что он компенсирует недостаток сотрудников центров, особенно тех, что расположены в сельской местности.

В г. Екатеринбурге в центре «Близкие люди» функционирует школа ухода, основа которой составляет систематизированный курс по уходу за больными, рассчитанный на людей без специального медицинского образования. Данный курс рассказывает о том, как обеспечить безопасность больного и того, кто с ним находится, как ухаживать за больным в постели, поднимать и пересаживать его, как наблюдать за подопечным и проводить профилактику заболеваний, вызванных длительным постельным режимом, как помогать в приёме лекарств и выполнении назначенных врачом процедур, как осуществлять гигиену больного, как кормить больного.

В рамках развития стационарозамещающих технологий социального обслуживания в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре на основании Закона от 30 сентября 2011 года № 95-оз функционирует такая форма оказания социальной помощи гражданам пожилого возраста как приемная семья, которая представляет собой совместное проживание и ведение общего хозяйства пожилого человека, который нуждается по состоянию здоровья в постоянной или временной посторонней помощи, и совершеннолетнего дееспособного гражданина [4]. В данном регионе социальное обслуживание пожилых граждан на дому осуществляется на основании таких нормативно-правовых актов, как Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 27 июня 2014 года № 51-оз «О регулировании отдельных вопросов в сфере социального обслуживания граждан в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» и Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 6 сентября 2014 года № 326-п «О порядке предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре». В перечне услуг, оказывающих пожилым гражданам на дому, выделяются социальные услуги, направленные на удовлетворение духовных запросов получателя социальных услуг и предусматривает оказание помощи в проведении религиозных обрядов, в том числе с привлечением священнослужителей, религиозных организаций традиционных конфессий. Также предусмотрено содействие по-

жилым гражданам в организации ритуальных услуг: в случае смерти получателя социальных услуг извещение его родственников (при их наличии) о факте его смерти, организация медицинского освидетельствования факта смерти, оформление справки о смерти в органах ЗАГС, оформление документов на погребение; содействие в организации предоставления ритуальных услуг в пределах гарантированного перечня услуг по погребению, в том числе вызов специализированных ритуальных служб [5].

На основании рассмотренных трёх форм социального обслуживания пожилых граждан можно сделать следу-

ющий вывод. В рамках социального обслуживания пожилых граждан активно вырабатываются и успешно применяются различные практики. Конкретное содержание услуг может сильно отличаться на уровне региона и отдельно взятого социального учреждения. Рассмотренный опыт регионов страны наглядно свидетельствует о том, что избранный законодателем подход к построению социального обслуживания на основе социальных услуг позволяет эффективнее выстраивать программы для лечения, реабилитации, активного долголетия, учитывающие конкретную жизненную ситуацию пожилого гражданина.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442: по сост. на 01.07.21 г. //Собрание законодательств Российской Федерации. — 2013. — № 52. — Ст. 7007.
2. Закон Тюменской области «О перечне социальных услуг, предоставляемых поставщиками услуг» от 2 декабря 2014 года № 108: по сост. на 28.06.22 г.//Тюменские известия. — 2014. — № 217 (6127).
3. Холостова, Е. И. Технология социальной работы/Е. И. Холостова, Л. И. Кононова. — М.: «Дашков и Ко», 2015. — 478 с.
4. Закон Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «О приемной семье для пожилого гражданина» от 30 сентября 2011 года N 95-оз: по сост. на 28.09.2012//Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — 2011. — N 178.
5. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «О порядке предоставления социальных услуг поставщиками социальных услуг в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» от 6 сентября 2014 года № 326-п: по сост. на 22.07.2022// Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. — 2014. — № 9 (часть I).

Защита прав собственников помещений при проведении переустройства и (или) перепланировки

Сулова Татьяна Павловна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Блинов Руслан Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
 Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Перепланировки и (или) переустройства проводятся не только в жилых помещениях, но и нежилых. Долгое время регулирование данных вопросов полностью отсутствовало. Однако законодатель внес ряд изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации, которые призваны защитить права и интересы собственников всех помещений в многоквартирном доме. В данной статье рассмотрены указанные изменения и проведен анализ судебной практики.

Ключевые слова: перепланировка, переустройство, жилищное законодательство, защита прав, согласие собственников.

Protection of the rights of co-owners of the premises during the reconstruction and (or) redevelopment

Surova Tatyana Pavlovna, student master's degree
 scientific adviser: Blinov Ruslan Nikolayevich, candidate of legal sciences, associate professor
 Orel State University named after IS Turgenev (Orel)

Redevelopment and (or) reorganization are carried out not only in residential premises, but also in non-residential ones. For a long time, regulation of these issues was completely absent. However, the legislator has made a number of changes to the Housing Code of

the Russian Federation, which are designed to protect the rights and interests of the owners of all premises in an apartment building. This article discusses these changes and analyzes judicial practice.

Keywords: *redevelopment, reorganization, housing legislation, protection of rights, consent of owners.*

Федеральный закон от 27.12.2018 N 558-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации в части упорядочения норм, регулирующих переустройство и (или) перепланировку помещений в многоквартирном доме» (далее — Федеральный закон от 27.12.2018 N 558-ФЗ) [1] внес изменения в ряд норм Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) [2]) в части изменения формулировки «жилые помещения» в сфере перепланировок и (или) переустройств. Теперь в главе 4 ЖК РФ, регулирующей правоотношения в указанной сфере, фигурирует «помещения в многоквартирном доме (далее — МКД)». Тем самым можно говорить о распространении действия норм на нежилые помещения. Но это коснулось только тех, которые находятся в МКД.

Поскольку законом для нежилых помещений особый порядок переустройства, перепланировки и сохранения в переустроенном и (или) перепланированном состоянии в случае самовольного переустройства и (или) самовольной перепланировки не предусмотрен, в силу ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3], ст. 7 ЖК РФ применяется жилищное законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона), а также к правоотношениям, вытекающим из споров с регистрацией изменений нежилых помещений в результате их перепланировки, что разъяснено в определении Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2016 N 307-ЭС16-10385 [4].

Учитывая, что в Российской Федерации не прецедентное право, а вопрос применения законов по аналогии может рассматриваться исключительно при толковании судами действующего законодательства в ходе рассмотрения каждого конкретного дела, вопрос о применении норм ЖК РФ к нежилым зданиям и помещениям остался открытым.

Федеральным законом от 27.12.2018 N 558-ФЗ внесено еще одно важное изменение в ч. 2 ст. 26 ЖК РФ, которой определен перечень необходимых для согласования перепланировки и (или) переустройства, а именно в п. 3. Если ранее требовался «подготовленный и оформленный в установленном порядке проект переустройства и (или) перепланировки переустраиваемого и (или) перепланируемого жилого помещения», то теперь этот пункт звучит так: «подготовленный и оформленный в установленном порядке проект переустройства и (или) перепланировки переустраиваемого и (или) перепланируемого помещения в МКД, а если переустройство и (или) перепланировка помещения в МКД невозможны без присоединения к данному помещению части общего имущества в МКД, также протокол общего собрания собственников помещений в МКД о согласии всех собственников помещений в МКД на такие переустройство и (или) перепланировку поме-

щения в МКД, предусмотренном частью 2 статьи 40 настоящего Кодекса») [2].

Если до этих изменений согласие собственников при переводе жилых помещений в нежилые не требовалось, то теперь это нужно в обязательном порядке. Ранее можно было просто пройти специальную процедуру с дальнейшим принятием уполномоченным государственным органом соответствующего решения, на основании которого осуществлялся перевод.

Изменения, касающиеся регулирования присоединения к перепланируемому и (или) переустраиваемому помещению части общего имущества в МКД, также имеют несомненный плюс для участников правоотношений. Однако, несмотря на то, что нормы ГК РФ и обновленного ЖК РФ в целом закрепляют запрет на передачу в индивидуальную собственность общего имущества МКД, находящегося в долевой собственности, при отсутствии согласия кого-либо из собственников, некоторые вопросы все равно остаются открытыми, ведь речь идет лишь о части общего имущества в МКД.

Если общее имущество не затрагивается, то в подавляющем большинстве случаев письменное согласие каждого собственника (в том числе собственников иных помещений в МКД) не потребуется для согласования перепланировки и (или) переустройства и дальнейшего получения разрешения в государственных органах на проведение работ в нежилом помещении.

Собирать подписи всех собственников заявитель должен только в том случае, когда в результате реконструкции к вновь образованному помещению присоединяются территории общего пользования, которые принадлежат всем владельцам пропорционально их доле (ст. 40 ЖК) [2].

Если собственник нежилого помещения намерен объединить торговый зал своего магазина с подъездом, чтобы обеспечить дополнительный вход в помещение со двора или в результате перепланировки будет присоединена часть коридора/балкона/тамбура и т.п., ему потребуется согласие всех собственников в МКД.

В таком случае понадобится не только разрешение совладельцев, но и согласования условий по передаче этой территории (компенсация части стоимости, отчисление денег на капитальный ремонт, благоустройство детской площадки и т.п.).

Получение согласия проводится организованно. Для этого проводится общее собрание жильцов, о дате которого все собственники должны быть уведомлены заблаговременно. Заявитель получает копию протокола решения, в котором должны стоять подписи всех владельцев. Очень часто для этого приходится совершать дополнительный поквартирный обход, поскольку на собрании обычно не присутствуют все 100% владельцев [5].

Перепланировка и (или) переустройство должны проводиться только после получения разрешения. Проведение несанкционированных работ влекут наложение административного штрафа на граждан, должностных лиц и на юридических лиц (часть 2 статьи 7.21. «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ) [6].

По сути, действующим законодательством не предусмотрены запреты на перепланировку нежилых помещений. Однако существуют требования к изменениям объекта для их дальнейшего согласования.

Более того, в том случае, если работы проведены с нарушением требований законодательства, а также если они нарушают права и законные интересы граждан либо это создает угрозу их жизни и здоровью, по решению суда собственника могут обязать привести помещение в изначальное состояние и провести эти работы за свой счет.

Так, в домах старого типа изначально не была предусмотрена возможность создания офисных помещений, а уж тем более кафе и ресторанов, в том числе в объединенных квартирах, переведенных в состояние нежилых, на первых этажах МКД. Жильцы, безусловно, не рады такому соседству, поскольку шумоизоляция и толщина перекрытий не могут выдержать адекватную нагрузку, располагающую к комфортному проживанию без внешних агрессивных факторов в виде шумных вечеринок или ароматов с кухонь общественного питания. Более того, осуществляемые перепланировки и (или) переустройства и вовсе могут угрожать жизням и здоровью граждан, ведь в погоне за интерьерными изысками очень часто осуществляется снос стен для расширения пространства, поскольку квартиры первых этажей к этому не предназначены. О последствиях сноса несущих стен и конструкций всем известно, поэтому избежать ошибки призваны помочь именно проекты перепланировок и (или) переустройств, подготавливаемые до проведения работ, которые подготавливают организации, имеющие специальные знания и допуски в этой области.

Что-либо предпринять собственники жилых помещений в МКД могут уже только в случае грубого нарушения собственниками нежилых помещений законов, пожарных норм или СанПинов.

Так, судами было рассмотрено административное дело N 2а-8336/19 по административному исковому заявлению Кулаковой Я.В. к администрации муниципального образования город Краснодар о признании незаконными постановлений, возложении обязанности восстановить нарушенное право по распоряжению имуществом, находящимся в общей долевой собственности.

Ответчиком через Межведомственную комиссию администрации муниципального образования город Краснодар по использованию жилищного фонда согласован перевод жилых помещений в нежилые.

Кулакова Я.В. как собственник помещений в этом МКД, полагая, что переустройство и перепланировка в спорных помещениях приведут к уменьшению размера

общего имущества в МКД, обратилась в суд с указанным иском заявлением.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что проектом предусмотрено частичное разрушение внешней стены МКД, а использование части придомовой территории для оборудования входной группы является уменьшением общего имущества собственников помещений МКД. Доказательства, подтверждающие наличие согласия собственников помещений МКД на использование общего имущества, отсутствовали.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение. С его выводами согласился и суд кассационной инстанции.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение и кассационное определение, и оставляя в силе решение суда первой инстанции, руководствовалась частью 1 статьи 290 ГК РФ, статьей 25, частью 1 статьи 26, частями 1-3 статьи 36, частью 2 статьи 44 ЖК РФ, пунктом 14 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

Из материалов дела установлено, что проектом перепланировки и переустройства предусматривается оборудование отдельного входа в помещения, принадлежащие Хэмилл Е.В., путем производства работ по устройству входной группы на части земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений МКД, и разрушению части внешней стены МКД, являющейся ограждающей несущей конструкцией.

Таким образом, указанные мероприятия влекут изменение размера общего имущества собственников помещений МКД, в том числе земельного участка, на котором расположен МКД, а выводы судов апелляционной и кассационной инстанций об отсутствии фактического присоединения общего имущества в МКД при осуществлении такого переустройства жилого помещения не исключают необходимости получения согласия всех собственников помещений в МКД.

Суд установил, что такого согласия не получено, общее собрание собственников по вопросу осуществления реконструкции объекта капитального строительства не проводилось, что подтверждается письмом управляющей компании МКД ООО «Ивист» от 12.04.2019, в перечне документов, рассмотренных межведомственной комиссией в акте, решения общего собрания собственников помещений также отсутствуют.

Кроме того, оспариваемые постановления противоречили Правилам и нормам технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденным постановлением Госстроя РФ от 27.09.2003 N 170, пунктами 1.7.2 и 4.2.4.9 которых установлено, что переоборудование и перепланировка жилых домов и квартир (комнат), ведущие к нарушению прочности или разрушению несущих конструкций здания, нарушению в работе инженерных систем и (или) установленного на нем оборудования, ухудшению сохран-

ности и внешнего вида фасадов, нарушению противопожарных устройств, не допускаются, также установлен запрет на расширение и пробивку проемов в стенах крупнопанельных и крупноблочных зданий [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внесённые изменения в ЖК РФ призваны защитить права других собственников в МКД, чем действительно руководствуются суды при рассмотрении данной категории дел.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.12.2018 N 558-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации в части упорядочения норм, регулирующих переустройство и (или) перепланировку помещений в многоквартирном доме»
2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // «Российская газета», N 1, 12.01.2005
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // «Российская газета», N 238-239, 08.12.1994
4. Определение Верховного Суда РФ от 31.08.2016 N 307-ЭС16–10385 по делу N А56–29114/2015 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» — Дата доступа 08.10.2022
5. Олейник, П.П. Организация, планирование, управление и экономика строительства. Терминологический словарь/П.П. Олейник. — М.: АСВ, 2016. — 320 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.litres.ru/b-f-shirshikov-8340302/terminologicheskii-slovar-v-oblasti-organizacii-planirovaniya-i-upravleniya-stroitelstvom-17182366/> — Дата доступа 09.10.2022
6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001
7. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2021 N 18-КАД20–28-К4 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» — Дата доступа 09.10.2022

Классификация преступлений в уголовном праве

Сылко Валерия Евгеньевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается значение категоризации преступлений в уголовном праве, рассматриваются понятие и функции классификации преступлений, а также категории классификации преступлений.

Ключевые слова: общественная опасность, классификация преступлений, преступное деяние, Уголовный Кодекс, деяние, преступление.

С появлением государства возникла необходимость обозначить самые важные и часто встречающиеся группы поведения, которые отклоняются от общепринятых норм. Определить за совершение таковых действий меры негативного характера, ранее применяемые от имени социальной общественности, а теперь от имени государства специально уполномоченными на то органами или лицами. Для этого нужно было провести анализ полностью всей совокупности аналогичных деяний и выделить общие, присущие каждому из них, найти существенные признаки, закреплённые в нормах права, а также классифицировать их. Исходя из этого, мы видим, что еще в древние времена люди думали о необходимости разграничения деяния с помощью классификации.

Одно из самых существенных повествований Уголовного кодекса Российской Федерации — система общепринятых норм, посвящённые решению проблемы о классификации преступлений. Что же в нём обращает на себя

значительное внимание? Прежде всего, то, что он очень тесно связывается с самим понятием преступлений и подразделяет их на категории, а также выделяет совокупность преступлений и рецидив. Различная классификация является состоятельной только тогда, когда она основывается на едином признаке, основании и критерии деления.

Нужно учесть, что мысль о подразделении преступных деяний на группы и виды, рассматривается уже очень давно, не касаясь законодательства зарубежных государств, где она давно получила обширное распространение. Ещё в Уголовном Уложении 1903 г. преступные деяния подразделялись на:

1. тяжкие преступления, наказанием за которое являлись смертная казнь, каторга или ссылка на поселение;
2. преступления, в качестве наиболее сурового наказания устанавливается заключение в крепость (исправительный дом) или тюрьму;

3. проступки, самое суровое наказание — арест или денежная пеня.

Уголовный Кодекс 1922 г. различал две категории преступлений:

1. Преступления, направленные против основ, установленных рабоче-крестьянской властью, нового порядка;

2. все остальные преступления.

Таким же способом был решён вопрос и в Уголовном Кодексе 1926 г. Уголовное законодательство нашей страны в 60-80 гг. содержало определённый перечень лишь тяжких преступлений, но, несмотря на это, упоминало также об:

- особо тяжких преступлениях;
- преступлениях, которые не являются тяжкими;
- преступлениях, которые не представляют большой общественной опасности;
- преступлениях, которые являются малозначительными.

Довольно интересно и то, как были восприняты данные деления различными представителями уголовно-правовой теории. Наиболее отрицательно высказывал свое мнение французский криминалист России, утверждающий, что ввести в закон такое деление преступных деяний — значит не трудиться исследовать всю суть человеческих деяний, что нужно смотреть на власть, и если она рубит голову кому-либо, то все должны понять, что этот человек — великий злодей.

Таганцев Н. С. признавал, что суждение России не справедливо, так как законодательство устанавливает наказание не просто так, а с учетом самого содержания деяния, но, несмотря на это, он воспринял выгоду практики использования данной классификации в уголовном законодательстве. Несмотря на это, во время советской юридической науки многие авторы различной литературы положительно оценивали данную классификацию преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что классификация преступных деяний в российском уголовном законодательстве имеет большое значение как основополагающая отрасль. Она рассматривает не только логические противоречия, но и показывает практику. Так же следует заметить, что отношение любого преступного деяния к той или иной категории напрямую зависит от группы посягательств, но не от оценки каких-либо обстоятельств дела в качестве наказания, которое было назначено судом. Далее рассмотрим понятие, значение и критерии классификации преступлений.

Классификация преступлений — это определённые виды преступных деяний, объединённые в общую систему преступлений по какому-либо критерию (субъекту или объекту посягательства, форме вины, длительности или непрерывности преступного деяния).

Функции классификации преступления в уголовном законодательстве определяются следующими признаками:

- они позволяют полностью осознать суть институтов, включённых в уголовное законодательство, устанавливать значение различных классификационных

видов, вычислять их объективные значения, основные характерные составляющие;

— помогает представить данные явления в научном, обоснованном и структурированном виде, полностью выявить их соподчинение и связь, понять их как одно целое и, исходя из этого, вести прогноз наличия всех звеньев, то есть осуществлять диагноз и предсказание новых явлений;

— позволяет изучить постоянно исследуемые уголовно-правовые институты во всех деталях, а также группирует разносторонние проявления, а иногда и противоречивые, реализации практики;

— является систематизирующим средством одной из множества форм научного обобщения, соединяя их в общую систему, определяя место в уголовном праве;

— связывает между собой каждую классификационную группу, выделяет, в основном, негативные моменты в уголовном законодательстве, повышая эффективность совершенствования уголовного законодательства.

В практике классификация преступлений играет существенную роль в право-применении, так как образуется особое функционирование общей и особенной частей Уголовного Кодекса Российской Федерации. Практическая ценность классификации всегда определяется тем, насколько группировано она выражена при реализации конструкции уголовно-правовых институтов.

Перейдём к видам и критериям классификации преступлений.

В основу каждой классификации должны входить критерии, которые будут наиболее всего подходить, какие бы они не были специфичные, для данных предметов.

В уголовном праве — это является характеристикой общественной опасности преступления.

Классификация преступных деяний по степени и характеру их общественной опасности — уже постоянная основа группировки и строения уголовного закона, которая в течение долгого времени является неотъемлемой частью уголовного права, как такового.

Общественная опасность — это, в первую очередь материальный, самый главный признак преступного деяния.

Классификация преступлений — это непосредственная группировка деяний по тем или иным категориям и критериям. Основанием любой такой классификации преступных деяний положены степень общественной опасности, характер преступления, а также конкретный элемент состава преступления.

В российском уголовном законодательстве приняты три разновидности дифференциации преступлений:

- по степени и характеру общественной опасности;
- по родовому объекту посягательства;
- по степени общественной опасности, характер которой отражается в преступлении.

Степень общественной опасности — это количественная сторона общественного ущерба преступных деяний одинакового характера. Она выявляется объёмом вреда, формой вины, конкретным способом совершения преступления, целью и мотивом преступного деяния. Со-

единение нескольких форм общественной опасности в общий критерий позволяет классифицировать, группировать, объединить все предусмотренные в особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации преступные деяния.

Объекты данных норм по общественно ценности делятся на особо ценные, ценные, средней ценности и небольшой ценности:

— к особо ценным объектам относятся: жизнь человека, основы конституционного строя и безопасности государства, мир и безопасность человечества;

— к ценным объектам относятся: половая неприкосновенность, общественная безопасность;

— к средней ценности объектам относятся: свобода, половая свобода, интересы семьи и несовершеннолетних, собственность, экономическая деятельность, интересы службы в коммерческих организациях, здоровье населения, интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, правосудие, порядок управления;

— к небольшой ценности объектам относятся: честь и достоинство личности, политические, социальные и личные права и свободы человека и гражданина, общественная нравственность, общественный порядок, экология, безопасность движения и эксплуатации транспорта, компьютерная информация, интересы военной службы.

В основном многие научные деятели в сфере юриспруденции считают классифицированным основанием группировки преступлений форму вины. Исходя из всего вышесказанного, правоприменитель может определить именно ту степень и характер общественной опасности, установленную законодателем для интересующего его преступного деяния.

Таким образом в классификации преступлений должны охватываться все противоправные деяния, которые обладают общими понятиями преступления. Единение категорий преступлений, которое определяется общими признаками преступления, не отрицает между ними даже минимального различия. Выделение категорий представляет собой не просто суммирование нескольких преступлений, оно всегда выявляет что-то общее в совершенно отдельном (особенности, взаимосвязи и отличительные черты). Таким образом, в одной категории могут быть объединены несколько конкретных видов противоправных деяний, связанных между собой закономерными общими чертами. Классификация преступлений является важнейшим элементом объединения индивидуального наказания и уголовной ответственности. Постоянное улучшение классификации преступлений в уголовном праве служит основой совершенствования эффективной системы охраны общественных отношений, существующих в нашей стране.

Литература:

1. Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений. 2012
2. Маршакова, Н. Н. Теоретические аспекты функционального значения классификации в уголовном законодательстве. 2007
3. Коробов, П. Классификация преступлений по уровню их опасности. Российская юстиция. 2004

Применение условно-досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания судами Удмуртской Республики

Терентьев Дмитрий Андреевич, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В данной статье рассмотрена статистика правового института, как условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания. В ходе изучения аналитических данных применения условно-досрочного освобождения в периоды с 2019 по 2022 года правоприменительной практики на территории Удмуртской Республики в отношении отдельного исправительного учреждения, были установлены положительные и отрицательные решения судов. Для получения исчерпывающих и развёрнутых сведений, было принято решение рассмотреть постановления об условно-досрочном освобождении на примере материалов 14 осужденных из 252. В результате проведенного анализа решений судов, сделаны выводы и отражены факты, на которые суд обратил или не обратил внимание.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, осуждённый, исправительное учреждение, администрация учреждения, суд, постановление.

Администрация учреждения УФСИН России по Удмуртской Республике соблюдает правильность ис-

числения предусмотренных статьей 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) сроков

фактически отбытого наказания при решении вопроса об условно-досрочном освобождении (далее — УДО) осужденных от отбывания наказания.

Порядок приема ходатайств, подготовка документов осуществляется в учреждении согласно части 2 статьи 175 уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ).

В характеристиках на осужденных, отправляемых в суд для решения вопроса УДО осужденного или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, администрацией учреждения отражаются все меры взыскания и поощрений, их поведение, отношение к учебе, труду и к совершенному преступлению, возмещение причиненного преступлением вреда. Также в характеристиках учитываются заключения психологов. Каких-либо фактов воспрепятствования со стороны администрации учреждения в реализации прав осужденных на обращения в суды с соответствующими ходатайствами не имеется.

В 2020 году в одном из исправительных учреждений Удмуртской Республики всего было подано ходатайств об УДО **434** осужденными — из них освобождено: **332** человек, в том числе с отрицательной характеристикой — **21**. Отказано судами в применении УДО: **102** осужденным, из них с положительной характеристикой — **44**. При этом подошел срок к подаче УДО: — **1425** осужденным. Аналогичный период прошлого года (далее — АППГ) — 2019 г. количество осужденных, которым было возможно подать ходатайство об УДО, составляло: — **1812** человек, воспользовалось данным случаем всего лишь **368** осужденных — из них освобождено: **228** человек, в том числе с отрицательной характеристикой — **7**. Отказано судами в применении УДО: **140** осужденным, из них с положительной характеристикой — **82**.

На основании вышеизложенного в 2019 году в одном из исправительных учреждений Удмуртской Республики, отбывало наказание больше осужденных, чем в 2020 г., однако поданных ходатайств в 2020 году при меньшем количестве осужденных больше на 66 человек, по сравнению с предыдущем годом. Освобождено по УДО в 2020 году по сравнению с АППГ-2019 — на 104 осужденных больше, в их числе с отрицательной характеристикой — на 14 осужденных больше. Отказано судами в применении УДО в 2020 году — на 38 осужденных меньше, по сравнению с АППГ-2019 из их числа с положительной характеристикой — на 38 человек меньше.

Подводя краткий итог по обзору 2019-2020 годам, стоит предположить, что судами по УР в 2019 году по сравнению с 2020 годом слабо применялась практика рассмотрения условно-досрочного освобождения. Скорее всего это связано с тем, что, во-первых, осужденные редко обращались с таким правом УДО, так как понимали, что шансов освободиться ранее, в силу тяжести статьи вне зависимости от хорошего поведения в местах лишения свободы — нет. Во-вторых, судами действительно практиковались случаи 100% отказов в УДО, в отношении осужденных,

совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В-третьих, отказы были связаны и с теми осужденными, которые являлись безусловно положительными и зарекомендовавшие себя в учреждении хорошо, не имеющими взысканий на протяжении всего срока отбывания наказания. К примеру, суды ссылались на периоды, когда осужденный мог быть не устроенным на работу и соответственно в этот период времени не имел возможности погашения исков или алиментов, не принимая во внимание уважительной причины не трудоустройства. Имелись и иные причины неудовлетворения ходатайства об УДО, связанные с поведением личности до осуждения, его отношения с близкими и друзьями, и самое основное — это характер совершенного преступления и рецидивы.

В большинстве случаев, при отрицательной характеристике осужденного вынесенной администрацией ИУ, суд принимает решение в пользу администрации.

В 2021 году всего осужденными было подано ходатайств об УДО **252** (на 182 меньше, по сравнению с АППГ-2020) — из них освобождено: **170** человек (на 162 осужденных меньше, по сравнению с АППГ-2020), в том числе с отрицательной характеристикой — **5** (на 16 осужденных меньше, по сравнению с АППГ-2020). Отказано судами в применении УДО: **82** осужденным (на 20 осужденных меньше, по сравнению с АППГ-2020), из них с положительной характеристикой — **4** (на 40 осужденных меньше, по сравнению с АППГ-2020). Подошел срок к подаче УДО: — **1237** человек (на 188 осужденных меньше, по сравнению с АППГ-2020).

На основании проведенного анализа характеристик и постановлений судов УР за 2021 год по 14 осужденным:

— 11 осужденных имели положительное заключение администрации ИУ о целесообразности в применении УДО, в их числе 1 осужденный не был освобожден судом,

— 3 осужденных с отрицательной характеристикой, из которых только 1 осужденный был освобожден условно-досрочно по решению суда.

Ниже представлены характеризующие сведения и постановления в отношении осужденных.

Осужденный С.А. с. 1986 г.р., дисциплинарных взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания не имел, администрацией учреждения был неоднократно поощрен, социально-полезные связи поддерживал, официально трудоустроен на промышленной зоне центра трудовой адаптации осужденных, с места работы характеризовался положительно, от работ не уклонялся, трудовую дисциплину соблюдал. К работам без оплаты труда, согласно статье 106 УИК РФ относился положительно, работы по благоустройству территории учреждения выполнял согласно графика. Состоял на облегченных условиях отбывания наказания, за добросовестное поведение. Имел исполнительные документы, которые погашал из заработной платы. Однако, осужденный С.А. С. не стремился к выполнению программы психологической корректировки своей личности

и принятию инициативных мер к ресоциализации, конфликтных ситуаций с сотрудниками администрации старался не создавать, к имуществу учреждения относился удовлетворительно. Участие в общественной жизни учреждения принимал, на индивидуально-воспитательное воздействие реагировал, но выводов для себя не делал. Состоял на профилактическом учете как склонный к совершению суицида и членовредительству. С осужденным С. А. С. проводилась профилактическая беседа за незначительное нарушение установленного порядка отбывания наказания, требовал к себе дополнительного внимания и контроля. Осужденный, не уверенный в себе, зависел от чужого мнения, самооценка заниженная, в общении избирателен. Имел трудности в установлении межличностных контактов. Адаптация затруднена, тревожный и беспокойный по поводу предстоящих событий, в связи с вышеперечисленным администрация учреждения пришла к заключению, что данный осужденный требовал контроля со стороны сотрудников администрации, считала, что цели исправления осужденного не достигнуты в полном объеме, в связи с чем применение условно-досрочного освобождения не целесообразно.

Суд, изучив представленные материалы, приходит к следующему.

В соответствии с частью 1 статьи 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда.

Согласно представленным материалам, осужденный С. А. С. администрацией исправительного учреждения характеризуется фактически положительно. На момент прибытия в учреждение поощрений и взысканий не имел, характеризовался удовлетворительно. Требования администрации старается выполнять, установленный порядок отбывания наказания соблюдает, конфликтных ситуаций с сотрудниками администрации исправительного учреждения не создает, к имуществу учреждения относится удовлетворительно. Воспитательные мероприятия посещает. В общественной жизни учреждения и в спортивных мероприятиях участие принимает. Разовые поручения начальника отряда выполняет. Поддерживает отношения с нейтрально настроенной частью осужденных. За весь период отбывания наказания осужденный имеет 7 поощрений, взысканий не имеет. Трудоустроен, к труду относится добросовестно, зарекомендовал себя с положительной стороны, работы выполняет качественно.

Поведение осужденного является стабильным, он встал на путь исправления, отбыл установленный частью 3 статьи 79 УК РФ срок назначенного наказания.

В связи с этим, исходя из положений статьи 79 УК РФ, правовых позиций, изложенных в постановлении Пле-

нума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 21 апреля 2009 года «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», суд приходит к выводу, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания в виде лишения свободы и может быть освобожден от дальнейшего его отбывания условно-досрочно.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 396, 397, 399, 401 УПК РФ, суд постановил: ходатайство осужденного С. А. С. об УДО удовлетворить. Освободить условно-досрочно на неотбытый срок 11 месяцев 25 дней.

На основании части 2 статьи 79 УК РФ возложить на осужденного С. А. С. обязанности: в течение трех дней с момента освобождения встать на учет в специализированный государственный орган, осуществляющий контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно; один раз в месяц являться на регистрацию в указанный орган в строго установленные им дни; не менять постоянного места жительства без уведомления данного органа.

Постановление может быть обжаловано в апелляционном порядке в Верховный суд УР в течении 10 суток со дня его вынесения через Завьяловский районный суд УР.

Осужденный Х. М. Н. 1990 г.р., отбывал наказание в обычных условиях содержания, по прибытию в учреждение изъявил трудиться и вскоре был трудоустроен. С места работы характеризовался положительно, к труду относился добросовестно. Правила пожарной безопасности соблюдал. Работы по благоустройству территории учреждения выполнял согласно графику, трудовую дисциплину и правила техники безопасности соблюдал. К работам без оплаты труда согласно статье 106 УИК РФ относился положительно, от работ не уклонялся. Считал, что важная часть исправления личности лежит через труд. Проявлял усердие при выполнении поставленных заданий, к выполнению рабочих обязанностей относился добросовестно, работу выполнял качественно и своевременно.

Требования администрации выполнял, установленный порядок отбывания наказания соблюдал, самодисциплинирован, поведение устойчивое. Конфликтные ситуации с сотрудниками администрации учреждения и осужденными не создавал. В общении проявлял вежливость и тактичность. К имуществу учреждения относился бережно. Воспитательные мероприятия посещал регулярно. В ходе бесед для себя делал должные выводы. Принимал активное участие в жизни учреждения, социально-правовые занятия посещал. На профилактическом учете не состоял.

В свободное от работы время занимался саморазвитием, читал художественную литературу, посещал храм и клуб учреждения. Разовые поручения начальника отряда и иных сотрудников администрации выполнял качественно и в короткий срок. Социально-полезные связи

поддерживал, с родственниками отношения доброжелательные. Общение поддерживал путем почтовой переписки, предоставленными свиданиями, телефонными переговорами. Вину в содеянном преступлении признает. После освобождения намерен вести законопослушный образ жизни, трудоустроиться на высокооплачиваемую работу, укрепить семейные связи.

За время отбывания наказания нарушений не допускал. Администрацией учреждения поощрен 5 раз, за добросовестное отношение к труду и активное участие в воспитательных мероприятиях.

Однако, по приговору суда имел исполнительные обязательства, несмотря на неоднократно проведенные беседы о необходимости погашения исковых обязательств по приговору суда, осужденный Х.М. Н. каких либо мер к погашению не предпринимал, администрация учреждения пришла к заключению, что хоть осужденный и характеризуется положительно, трудоустроен, взысканий не имеет, администрацией поощряется, социально-полезные связи поддерживает, считает, что цели исправления осужденного достигнуты не в полном объеме.

На судебном заседании представитель администрации исправительного учреждения и прокурор ходатайство осужденного полагали необоснованным ввиду отсутствия установленных законом оснований для этого и, несмотря на положительную характеристику осужденного, отсутствие возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Изучив представленные материалы, суд приходит к следующему.

В соответствии с частью 1 статьи 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда.

В соответствии с частью 4.1. статьи 79 УК РФ при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к труду и учебе в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения.

Согласно правовой позиции, изложенной пункта 3.1 постановления Конституционного суда РФ от 18 марта 2014 года № 5-П, условно-досрочное освобождение осужденного является отказом государства от полной реализации назначенного судом наказания, если его дальнейшее исполнение (с учетом позитивных изменений

в поведении и личности осужденного свидетельствующих о возможности смягчения уголовно-правового принуждения) перестает отвечать целям восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

Согласно представленным материалам, осужденный Х.М. Н. администрацией учреждения характеризуется удовлетворительно. Требования администрации старается выполнять, установленный порядок отбывания наказания соблюдает, конфликтных ситуаций с сотрудниками администрации исправительного учреждения старается не создавать, к имуществу учреждения относится удовлетворительно. Воспитательные мероприятия посещает регулярно, в ходе бесед выводы для себя делает всегда. В общественной жизни учреждения и в спортивных мероприятиях участие принимает. Разовые поручения начальника отряда выполняет всегда. Поддерживает отношения с нейтрально настроенной частью осужденных. За весь период отбывания наказания осужденный имеет 5 поощрений, взысканий не имеет. По приговору суда Х.М. Н. имеет исковые обязательства, которые им не исполняются. К погашению исковых обязательств никаких мер не предпринимал.

В связи с указанным, учитывая представленные сведения о личности осужденного, его характере, мнение администрации учреждения и прокурора, у суда нет оснований полагать, что осужденный твердо встал на путь исправления. С учетом отсутствия со стороны осужденного действий, направленных на возмещение и заглаживание причиненного ущерба по приговору суда, его погашение, у суда не имеется оснований для положительного решения вопроса об условно-досрочном освобождении Х.М. Н. Для своего исправления осужденный нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания и условно-досрочному освобождению в настоящий момент не подлежит.

На основании изложенного, руководствуясь статьей 79 УК РФ, статьями 396, 397, 399, 401 УПК РФ, суд постановил: ходатайство осужденного Х.М. Н. об УДО оставить без удовлетворения.

Постановление может быть обжаловано в апелляционном порядке в Верховный суд Удмуртской Республики в течение 10 суток со дня вынесения через Завьяловский районный суд УР, а осужденным, содержащимся под стражей, — в тот же срок со дня вручения ему копии постановления. Одновременно осужденный вправе заявить ходатайство о своем участии в суде апелляционной инстанции в случае подачи апелляционной жалобы.

Также на основании проведенного анализа следующих 12 характеристик осужденных, были установлены следующие факты: у ряда осужденных имелся особо опасный, опасный рецидивы, уклонение от отбывания ограничения свободы и административного надзора или неоднократно несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений, од-

нако из этого количества материалов, один осужденный имеющий одно поощрение с поддержкой администрацией был освобожден условно-досрочно, второй осужденный прибывший 03.06.2021 года «перережим» с другого исправительного учреждения, имеющий на момент перевода 45 поощрений, подал ходатайство в адрес администрации учреждения об УДО в сентябре 2021 года и рассмотрен на административной комиссии 08.10.2021 г., к моменту рассмотрения у осужденного добавлены еще два поощрения, осужденный отбывал наказание в обычных условиях, хотя с имеющимися поощрениями свободно мог бы состоять и на облегченных условиях, ранее уже освобождался условно досрочно, отношения поддерживает с нейтрально настроенной части осужденных к администрации ИУ, последнее может означать, что при выгодном положении осужденный может выбрать одну из сторон, сторону администрации или осужденных, и при всем этом администрация учреждения посчитала, что применение условно-досрочного освобождения к осужденному целесообразно. Суд ссылаясь на нормативные и законодательные акты, в том числе на Пленум Верховного суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 года постановил ходатайство осужденного считать обоснованным и удовлетворенным в условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания.

Третий осужденный за время отбывания наказания допустил 20 нарушений установленного порядка отбывания наказания, за что к осужденному были применены меры дисциплинарного характера в виде объявлений выговоров и устных выговоров, водворения в штрафной изолятор (далее ШИЗО) данные нарушения получены за 4 года нахождения в исправительном учреждении. Администрацией ИУ поощрялся 21 раз, наказание отбывал в облегченных условиях. Последние 7 взысканий были погашены в установленный законом срок, последнее из которых было допущено 27.02.2020 г. Администрация считала целесообразным поддержать ходатайство осужденного об УДО, рассмотрев и заслушав осужденного 27.08.2021 г., однако судом полагаю были необъективно рассмотрены все материалы в отношении осужденного, в постановлении суд не ссылается на долгое и протяженное нестабильное отрицательное поведение, его количества взысканий и возможных мотивов, повлиявших на резкое изменение своего мировоззрения, ссылаясь на постановление Пленума Верховного суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 г. ходатайство осужденного в УДО удовлетворено.

Исходя из приведенных примеров и данных, следует сделать вывод, что в 2021 году, судами Удмуртской Республики, устоялась практика рассмотрения ходатайств осужденных об УДО, — всесторонне и объективно, обеспечив индивидуальный подход к каждому осужденному, как это упомянуто в Постановлении пленума верховного суда РФ № 8 от 21.04.2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», соблюдая в первую очередь конституционные

обязанности, защиты прав и свобод человека и гражданина на основе равенства всех перед законом и судом, а также возлагая на него охрану достоинства личности во всех сферах, гарантировав при этом потерпевшим от преступлений охрану их прав законом, обеспечение доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба.

Именно в 2021 году на территории Удмуртской Республики в судебных делопроизводствах стало всесторонне применяться данное постановление, так как участились случаи отмены Верховным судом РФ решений, вынесенных нижестоящими судами РФ, не использовавшие всеохватывающую масштабность данного Постановления пленума верховного суда РФ. Пленум раскрывает положения и пункты, благодаря которым судья может свободно опираться в судебном делопроизводстве и объективно, давая полноту своей оценки выносить правильные решения, отражаемые в постановлении. Приведенные выводы подтверждаются статистическими данными, согласно которым, из числа поданных ходатайств в 2021 года — 85% осужденных были освобождены условно-досрочно, данный процент гораздо выше предыдущих годов (АППГ: 2020-58,7%; 2019-61,9%), несмотря на отрицательные и положительные характеристики на осужденных от администрации учреждения, суд опираясь на закон, принимает обоснованные и мотивированные решения, обоснованные выводами по существу рассматриваемого дела, отсюда и вытекает положительный результат того, что 15% ходатайств были отклонены грамотно и законно, в числе которых 1% с положительной характеристикой.

За 9 месяцев 2022 года осужденными было подано ходатайств об УДО 120 — из них освобождено: 84 (70%) человек, в том числе с отрицательной характеристикой — 10. Отказано судами в применении УДО: 36 (30%) осужденным, из них с положительной характеристикой — 4.

Ранее в своей статье «Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания» было отражено суждение, что применение института условно-досрочного освобождения имеет тенденцию снижения количества рассмотрения ходатайств об УДО судами РФ, а также что само значение института УДО для осужденных отходит на второй план. Всему этому есть причина, которая заключается в том, что на территории Российской Федерации, в рамках реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года стали создаваться исправительные центры. Сегодня формирование данных центров продолжается, так как масштабы подачи ходатайств о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в виде принудительных работ набирают обороты. Исправительный центр является учреждением уголовно-исполнительной системы, предназначенное для исполнения уголовных наказаний в виде принудительных работ. В данных центрах отбывают наказание лица, осужденные за преступления небольшой или средней тяжести, а также за совершение тяжкого преступления впервые на срок не более пяти лет,

в отношении которых судом принято решение о замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами.

Впрочем, ничего плохого нет в том, что осужденным предоставлена дополнительная альтернатива подачи ходатайств на дополнительный вид отбывания наказания, как принудительные работы, благодаря которым осужденные могут поэтапно социализироваться в обще-

стве и принять правильную добропорядочную позицию в жизни.

На основании вышеизложенного, следует, что осужденным предоставляются шансы заменить неотбытую часть наказания более мягким видом наказания в виде принудительных работ в исправительном центре или освободиться условно-досрочно и приобрести ценности в жизни и стать законопослушными гражданами.

Литература:

1. Постановление пленума верховного суда РФ № 8 от 21.04.2009 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 28.10.2021);
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 N 5-П «По делу о проверке конституционности части второй 1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области»;
3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022);
5. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022);
6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022)

Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ (посредничества во взяточничестве)

Тлостанов Аслан Келиметович, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений государственной политики является защита прав и свобод человека, гражданина, обеспечение которых невозможно без успешного противодействия коррупционным преступлениям. Одним из наиболее ярких проявлений которых выступает взяточничество. Посредник — важнейший элемент преступной системы, которая формирует социальные, коррупционные связи на всех уровнях государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Вопросы о понятии организованной преступности является одним из приоритетных в науке уголовного права. Кроме того, такой вид коррупционной деятельности как посредничество во взяточничестве все чаще приобретает черты профессиональной преступности. На сегодняшний день мы можем говорить о некоем виде предпринимательской деятельности, направленном, на оказание таких услуг как посредничество во взятках.

Получение и дача взятки весьма распространенные, но достаточно сложно-раскрываемые категории дел. Дача и получение взятки, по мнению ряда авторов, образуют один состав, лишь юридико-технически разделенный на несколько статей. Так, Б. В. Волженкин, считает,

что дача и получение взятки, как и посредничество, — преступления, совершенные в так называемом необходимом соучастии [6].

В 1960-е гг. Пленум Верховного Суда СССР дал разъяснение, которое позволяло отнести к посредничеству как физическое, так и интеллектуальное посредничество. В результате подобного разъяснения возникло множество споров, которые загнали практических работников того времени в тупик. Дошло до того, что разграничение таких понятий как посредничество и соучастие в даче и получении взятки стало невозможным. В последующем, этот вопрос был разрешён постановлением Пленума ВС СССР от 1977 года, который отказался от этой идеи и отнес к посредничеству исключительно физическую передачу ценностей от взяткодателя к взяткополучателю, т.е. посредничество, тогда как все остальное содействие, способствование этим лицам при реализации коррупционного соглашения расценивалось Пленумом как соучастие в даче или получении взятки.

При принятии нового УК РФ 1996 года, законодатель не выделял посредничество во взяточничестве как самостоятельный состав преступления. В связи с чем, то и дело возникали различные казусные ситуации, связанные

с квалификацией действий посредника во взяточничестве. В связи с чем, в п. 8 утратившего силу Постановления от 10.02.2000 № 6 Пленума Верховного Суда РФ, была дана регламентация. Так, было указано, что уголовная ответственность посредника во взяточничестве в зависимости от конкретных обстоятельств по делу и его роли в даче или получении взятки наступает лишь в случаях, предусмотренных статьей 33 УК РФ [2].

Такое деяние как посредничество во взяточничестве было криминализовано в Российском законодательстве лишь 2011 году через ст. 291.1 УК РФ, но к числу новел отечественного законодательства его можно отнести с трудом. Так, УК РСФСР в ст. 174.1 предусматривал ответственность за посредничество во взяточничестве. Однако признаки данного деяния так и осалились не раскрытыми.

Введение новой статьи уголовного закона, тем не менее, не решило проблемы соотношения посредничества во взяточничестве и института соучастия в преступлении. В теории все также существовать позиция, по которой посредничество во взяточничестве рассматривается лишь как форма пособничества при даче и получении взятки. Так, С. А. Ершов в своем диссертационном исследовании указал на то, что состав посредничества во взяточничестве по сути тождественен пособничеству. Если обратиться к буквальному толкованию термина «посредничество», то как правило, под ним понимается «содействие соглашению, сделке между сторонами». По своей сути, посредник при взяточничестве помогает сторонам коррупционной «сделки» осуществить преступление, содействует им в этом, что и является прерогативой пособника [7].

Выделение в уголовном законодательстве посредничества во взяточничестве как отдельного состава преступления имело двоякие последствия. С одной стороны, с учетом выделения противодействия коррупции как одного приоритетных направлений государственной политики, несомненно, увеличит степень противодействия коррупционным преступлениям. Но в то же время, это создает некоторые сложности при квалификации данного вида преступлений, то есть возникают объективные сложности при разграничении посредничества во взяточничестве с такими смежными составами коррупционных преступлений как дача взятки (ст. 291 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), покушение и соучастие в преступлении (ст. 30 и ст. 33 УК РФ).

Исходя из содержания ст. 291.1. УК РФ, посредничество во взяточничестве, представляется возможным, условно разделить на две категории. Это либо непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, либо же иное содействие взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки. При квалификации непосредственной передачи

взятки возникает вопрос о предмете взятки, так как непосредственная передача предмета взятки может быть осуществлена только если предмет материален (вещи, ценные бумаги и др.), а имущественные права, фактическое вручение которых не представляется возможным должны быть отнесены ко-второй категории посредничества в ст. 291.1 УК РФ. В этой связи полагаем необходимым обратиться к Постановлению Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Так, п. 13.2 указанного постановления ориентирует на то, что посредничеством во взяточничестве признается не только непосредственная передача по поручению взяткодателя или взяткополучателя, денег и других ценностей, но и иное содействие в достижении или реализации соглашения между этими лицами о получении и даче взятки, к таковым можно отнести ведение переговоров, организация встреч и т.п. Важной особенностью при квалификации является то, что интеллектуальное посредничество выраженное в организации переговоров, встреч, будет считаться оконченным независимо от окончания основного состава [4].

При квалификации действий посредника наиболее сложным представляется разграничение взяточничества и посредничества во взяточничестве. Так, Ю. С. Варанкина и В. Д. Ларичев в своей работе указывают на то, что передача взятки через посредника по поручению взяткодателя фактически может быть квалифицирована по ст. 291 УК РФ, что ведет к усилению ответственности взяткодателя. Таким образом, посредник передающий взятку по поручению взяткодателя совершает более тяжкое преступление, нежели сам взяткодатель по ст. 291 УК РФ

Особого внимания заслуживает и такой обязательные признак посредничества во взяточничестве как значительность размера взятки (не менее 25 тыс. руб.). Казус состоит в том, что в случае не достижения необходимой для квалификации суммы, применение положений ст. 291.1 УК РФ не допускается, то появляется потенциальная возможность применения соучастия в получении или даче взятки (ст. 33 и ст. ст. 290 или 291 УК РФ), так как для данных составов отсутствует требование значительности.

На основании вышеизложенного, мы можем выделить такую проблему квалификации как отсутствие четких границ между институтом соучастия в преступлении и ч. 1 ст. 291.1 УК РФ дублирующей нормы данного института. В зависимости от конкретного способа совершения деяния, посредничество во взяточничестве может быть квалифицировано как пособничество или соисполнительство дачи либо получения взятки и каждый такой способ должен регулироваться судебной практикой.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022);

2. Постановление Пленума ВС РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»: Бюллетень Верховного Суда РФ, 2000.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 № 4.
4. Яни, П. С. проблемы квалификации посредничества во взяточничестве/П. С. Яни // Законность. — 2013. — № 2. — с. 25.
5. Варанкина, Ю. С. Уголовно-правовые аспекты получения взятки и посредничества в нем: монография/Ю. С. Варанкина, В. Д. Ларичев. — Москва: Юрлитинформ, 2018. — 152 с.
6. Волженкин, Б. В. О правовой природе дачи взятки и посредничества во взяточничестве/Б. В. Волженкин // Избранные труды по уголовному праву и криминологии [1963–2007гг]. — Санкт-Петербург: Юрид. центр, 2008. — 969 с.
7. Ершов, С. А. Посредничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. Ярославль, 2014. 226 с.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228 УК РФ): проблемы квалификации и правоприменения

Фимин Василий Александрович, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В работе демонстрируются некоторые аспекты незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, согласно статье 228 Уголовного Кодекса России, а именно проблемы квалификации и правоприменения. Тема актуальна по причине того, что вопрос наркотизации общества остается острым. При этом информационные технологии позволили сделать процесс сбыта наркотических веществ более совершенным. Законодательство в этом направлении имеет некоторые пробелы, делая работу правоохранителей менее результативно. В заключении статьи указывается на необходимость разрешения выявленных проблем, а также рассмотрение возможности использование данной рекомендации.

Ключевые слова: оборот наркотических веществ, хранение наркотических веществ, завышенное обвинение, квалификация преступлений, проблемы правоприменения.

Постепенно количество преступлений, связанных с наркотическими средствами, в России уменьшается. При этом ежегодно выявляется множество правонарушений такой направленности. Правовые пробелы формируют значительные проблемы в правоприменении и классификации подобных преступлений. В результате, это негативно отражается на правоохранительных органах и их эффективности. Правовая сфера в отношении преступлений по наркотическим веществам должна быть проработана достаточно полно и точно, так как некоторые лица имеют легальный доступ к ним, например, медицинские работники [2]. Нельзя не отметить высокую роль защиты граждан от наркотических средств — они являются разрушителями генофонда страны, а также ее национальной безопасности. Наркотизация остается значимой актуальной социальной проблемой, поэтому совершенствование законодательства в этой сфере важно и необходимо.

Существенные проблемы в правоприменении статьи 228 Уголовного Кодекса России (УК РФ) возникли после внедрения активного применения сети Интернет для преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Причина заключается в том, что появились

различные каналы и технические средства, формирующие анонимные продажи. Так, например, браузер «Тор» не дает возможности определить местоположение ни покупателя, ни продавца. Оплата происходит с помощью криптовалют или системы «Киви», которые тоже гарантируют анонимность. При этом продавец не встречается с покупателем, после оплаты ему высылают точный адрес закладки, где приобретатель самостоятельно берет товар.

На данный момент существуют даже специальные приложения, способные без личной переписки между продавцом и покупателем предоставить товар. Это чат-боты, в которых заложены сведения о имеющихся закладках. До оплаты потенциальному покупателю известен лишь район, после он получает точные сведения и фотографии, помогающие найти закладку.

Продемонстрированные аспекты порождают не только проблемы в сфере раскрытия преступления, но его квалификации. У правоохранителя может возникнуть вопрос, когда преступления считать свершенным: в момент получения точных данных после оплаты, в момент непосредственного получения товара или в иной временной отрезок.

Проблемой такой является аспект расследования современных правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств. Так, многие правоохранители не обладают достаточными знаниями в сфере информационных технологий. В результате, они изымают технику, которая предположительно хранит доказательства вины обвиняемого (с нее проводилась оплата). Допущение такого действия — нарушение, дискредитирующее правоохранительные органы страны.

Уже в 2015 году Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» попыталось уменьшить количество различий закона. Было установлено, что получение наркотического вещества не является обязательным основанием для свершения правонарушения. Если лицо получило доступ к получению запрещенного средства, этого достаточно для открытия дела.

Как уже было сказано, большинство противоправных сделок такого вида совершается с помощью Интернет. Из Постановления было непонятно, как понять, был ли получен доступ или нет. Изучив практику, можно прийти к выводу о том, что, получив сведения о точном расположении закладки, преступление можно считать свершенным, вне зависимости от того, был ли получен товар и проведена его оплата.

При этом важно учитывать эти аспекты, так как требуется квалификация этого преступления, как неоконченного. Исходя из этого, санкции, следующие за него, должны быть на четверть меньше максимальных (согласно 66 статье УК РФ).

Важно выяснять все детали преступления, так как это может привести к переквалификации преступления. Так, например, на практике наблюдается, что продавец может создать закладку, однако, не найти покупателя, он заберет товар себе. Задержав его за этим действием, нельзя применить статью 228.1 за сбыт, это будет статья 228 за хранение [3].

Согласно методике расследования дел, относительно наркотических средств, правоохранители обязаны определить, откуда было получено психотропное вещество. Зачастую граждане не изготавливают, а собирают их, подвергая различным воздействиям (растирание, пе-

ремол и так далее). Это важно, так как квалификация дела может измениться. Часто суды считают необоснованными вменение вины (хранение наркотических веществ) лишь за их обнаружение у обвиняемого. Важно доказать, что их сбор и манипуляции были необходимы для получения непосредственно концентрированного наркотического вещества. Обычно проблемы с такими делами возникают у потерпевших, собирающих дикорастущий мак, который в дальнейшем используется в кулинарных целях. В результате, манипуляции, например, перемол, необходимы для упрощения его применения [1].

Осознавая частое несогласие судов с подобными обвинениями, для правоохранительных органов стало нормой применять завышенное обвинение. Причина состоит в том, что суд имеет право снизить квалификацию преступления на менее тяжкую. Если изначально обвинение предполагается по мягкой статье, то дело будет закрыто с еще более меньшими санкциями или в целом последует оправдание. В итоге, следует указание применять наиболее строгую статью по таким делам.

Подобная практика дискредитирует правоохранительную систему. У граждан создается мнение о том, что сотрудники не желают подробно разбираться в делах, у них есть предвзятое отношение к населению. Все это негативно отражается на взаимоотношения граждан с правоохранительными органами.

Этот аспект является наиболее важным во всем вопросе квалификации и правоприменения в сфере наркотических средств. Предлагается сформировать ряд мероприятий, которые обязуют правоохранителей точно классифицировать такие деяния. В первую очередь рекомендуется разредить судам в частном порядке указывать на необоснованное завышение обвинения с последующими санкциями.

Таким образом, в сфере незаконного оборота наркотических средств существуют определенные проблемы с квалификацией и правоприменением. В первую очередь это проблемы определения неоконченного и завершенного преступления, что влияет на само обвинение и его тяжесть. Большей проблемой является традиционное завышение обвинения по 228 статье УК РФ. Предложенная мера будет способствовать улучшению ситуации в изученной сфере.

Литература:

1. Норвартян, Ю.С. Некоторые вопросы законодательной регламентации и квалификации преступлений, предусмотренных ст. 228-229 Уголовного кодекса Российской Федерации/Ю.С. Норвартян // Российский следователь. — 2020. — № 7. — с. 45-48. — DOI 10.18572/1812-3783-2020-7-45-48. — EDN VKPIET.
2. Власевская, В.С. Понятие незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов/В.С. Власевская // Аллея науки. — 2021. — Т. 1. — № 3 (54). — с. 413-417. — EDN NBMMOS.
3. Новичкова, Е.Е. Об эффективности административно-правовых мер в области незаконного оборота наркотических средств/Е.Е. Новичкова // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2020. — № 1 (92). — с. 232-240. — DOI 10.24411/2312-3184-2020-10023. — EDN KYWHTQ.

Процессуальный статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях

Цыба Роман Васильевич, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В настоящее время процессуальный статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях неоднозначен, поскольку он выступает и как участник административного процесса, и как субъект надзорной деятельности. В настоящей статье анализируются процессуальный статус прокурора в административном производстве, его полномочия и ограничения, вытекающие из его особого статуса, представлены возможные пути совершенствования законодательства, закрепляющего статус прокурора, которые направлены на повышение эффективности административного процесса.

Ключевые слова: прокурор, процессуальный статус, статус, производство по делам об административных правонарушениях, административный процесс, прокурорский надзор.

В настоящее время среди всех юрисдикционных производств наиболее распространенным остается производство по делам об административных правонарушениях, направленное на обеспечение соблюдения и укрепления законности и правопорядка в обществе и государстве.

Имея собственные цели и задачи, производство по делам об административных правонарушениях представляет собой самостоятельный правовой институт со специфическим кругом субъектов, являющихся его участниками. Законодательство об административных правонарушениях предусматривает закрытый перечень участников административного процесса. При этом понятие «участник производства» не идентично понятию «субъект производства», поскольку Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ, КоАП) участниками производства признает только тех лиц, которые поименованы в гл. 25 КоАП РФ.

В системе органов государственной власти, уполномоченных на осуществление функций в сфере реализации механизма административной ответственности, одно из центральных мест отведено органам прокуратуры Российской Федерации.

В соответствии со ст. 28.4 КоАП РФ прокурор обладает полномочием возбуждать дело об административном правонарушении по отдельным составам, перечисленным в КоАП, принимать участие при рассмотрении таких дел и обжаловать принимаемое решение. Кроме возбуждения дел об административных правонарушениях, отнесенных к исключительной компетенции прокурора, он также вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, предусмотренном КоАП.

Реализация полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях, как следует из Приказа Генерального прокурора РФ от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях», должна осуществляться путем [1]:

- возбуждения дела об административном правонарушении, проведения административного расследования;
- участия в рассмотрении дела об административном правонарушении;
- принесения протеста на постановление по делу об административном правонарушении и (или) последующие решения вышестоящих инстанций по жалобам на это постановление независимо от участия в деле, в том числе по результатам рассмотрения поступивших обращений;
- совершения иных предусмотренных федеральным законодательством действий.

Действенным средством укрепления законности и правопорядка следует признать участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях, поскольку он отнесен законодателем к числу участников административного процесса, обладающих особым процессуальным статусом.

В ходе административного процесса перед органами прокуратуры стоят задачи по предупреждению и устранению нарушений законодательства, принятию мер прокурорского реагирования, направленных на устранение выявленных нарушений, принятию мер по обеспечению надзора за исполнением законов и соблюдением прав человека.

В научной литературе функции прокурора в административном процессе традиционно дифференцируются на функции участия в производстве, а также на функцию надзора. Кроме того, процессуальный статус прокурора как участника производства по делам об административных правонарушениях регламентируется в ст. 25.11 КоАП РФ. В связи с особой функцией прокурора в административном процессе отличается и объем его процессуальных прав и обязанностей.

Юрисдикционные полномочия прокурора не ограничиваются лишь его участием в административном процессе, но и проявляются в праве на самостоятельное возбуждение административного производства. Административное законодательство закрепляет императивное

правило, согласно которому дела об административных правонарушениях, составы которых конкретизированы в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, возбуждаются только прокурором, тем самым наделяя его полномочиями должностного лица органа административной юрисдикции.

За прокурором закреплено право возбуждать административное производство по более 45 составам правонарушений, указанных в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, однако, как вытекает из ч. 2 ст. 22 Закона о прокуратуре, в рамках осуществления надзорных мероприятий прокурор вправе возбуждать любое дело об административном правонарушении.

Вместе с тем правонарушения, по которым возбуждается производство по инициативе прокурора, представлены в основном теми сферами, в которых чаще всего нарушаются права и законные интересы граждан: в сфере безопасности дорожного движения, экологии, избирательных правоотношений и т.д. Нарушения прав и законных интересов в предпринимательской сфере также выступают поводом для возбуждения административного производства по инициативе органов прокуратуры.

В этой связи представляется обоснованным законодательное закрепление права прокурора возбуждать производство по делу об административном правонарушении при отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным в ст. 212 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения. Кроме того, схожее предложение уже высказывалось в научной литературе, однако до настоящего времени не было воспринято законодателем, что свидетельствует о наличии пробела административного законодательства в рассматриваемой сфере.

В соответствии с КоАП РФ круг лиц, привлекаемых прокурором к ответственности, неограничен, однако при этом налицо противоречие со ст. 25 Закона о прокуратуре РФ, в соответствии с которой постановление о возбуждении производства об административном правонарушении выносится прокурором в отношении должностных лиц. Представляется, что законодателем должна быть устранена данная правовая коллизия, что позволит обеспечить эффективность реализации процессуального статуса прокурора при возбуждении дел об административных правонарушениях.

При участии в рассмотрении дела об административном правонарушении прокурор выступает самостоятельно и независимо от других участников данного процесса. Прокурор выступает в защиту чужих интересов, и его заинтересованность носит лишь процессуальный характер несмотря на то, что он выступает от своего имени.

Анализируя законодательство об административной ответственности, можно сделать вывод, что участие прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях является обязательным в случаях, когда рассматриваются:

— дела об административных правонарушениях, производство по которым возбуждено прокурором, в том числе в случаях их пересмотра, инициированного прокурором или другими участниками производства;

— дела об административных правонарушениях, возбужденные органами административной юрисдикции, пересмотр которых инициирован прокурором посредством принесения протеста по результатам проверки;

— дела об административных правонарушениях, возбужденных в отношении лиц, наделенных особым правовым статусом;

— дела об административных правонарушениях, совершенных в отношении несовершеннолетних.

Применительно к участию прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях общим предметом его деятельности выступает ответственность законодательству действий (бездействия) лиц, участвующих в рассмотрении дела, а также обеспечение соблюдения требований о всестороннем, объективном и своевременном рассмотрении дела, законности и обоснованности судебных постановлений и их своевременное обращение к исполнению.

Рассматривая особенности процессуального статуса прокурора в административном процессе, нельзя не отметить, что, наряду с указанными выше полномочиями, прокурор осуществляет надзорные функции. Прокурорский надзор осуществляется на всех стадиях административного производства, в том числе на стадии рассмотрения дела, за исключением дел, отнесенных к подведомственности суда.

Пределы прокурорского надзора установлены в ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре. В случае выявления нарушения законодательства прокурор передает эту информацию органу, в компетенцию которого входит осуществление соответствующих мер, и ставит вопрос об устранении нарушений.

Надзор за деятельностью контролирующих органов составляет постоянный предмет деятельности органов прокуратуры, способствует укреплению законности и соблюдению прав человека и гражданина, а также повышает роль системы государственного контроля.

Вместе с тем, осуществляя надзорные полномочия в административном процессе, прокурор ограничен в своих действиях. В частности, прокурор не вправе применять меры обеспечения, предусмотренные гл. 27 КоАП РФ, осуществлять изъятие вещественных доказательств. Представляется, что подобные ограничения существенно сужают круг полномочий процессуального статуса прокурора и препятствуют решению задач производства по делам об административных правонарушениях.

Учитывая данное обстоятельство, а также особый процессуальный статус прокурора в административном процессе, весьма обоснованным и своевременным видится предложение разработчиков Концепции нового КоАП РФ [2] о необходимости расширения процессуальных

прав прокурора, регламентации порядка проведения им административного расследования и применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

В заключение следует отметить, что при рассмотрении судами дел прокурор является не только стороной-участником, он — представитель государства, что обязывает его не к «простому», формальному участию, но к повышенной ответственности, строгой организации работы, действенному контролю, а также к минимизации процес-

суальных и тактических ошибок при поддержании своей позиции в процессе.

Таким образом, прокурор — единственный участник производства по делам об административных правонарушениях, который наделен широкими полномочиями на всех стадиях производства по делу, включающими, в частности, исключительные, являющиеся его прерогативой, что говорит о его особом процессуальном статусе среди других субъектов, ни один из которых законодателем не наделен столь же обширной компетенцией.

Литература:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.09.2022).
2. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.09.2022).
3. Теоретические основы и прикладные проблемы участия прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: Монография/Под ред. А. Ю. Винокурова и др. М., 2017. с. 220.
4. Канунникова, Н. Г. Особенности правового положения прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 9. с. 43-45.

Проблемы ответственности сторон по договору энергоснабжения

Чепиков Виктор Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Толстикова Ольга Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

В статье проводится анализ актуальных проблем ответственности сторон по договору энергоснабжения. Автором предлагаются пути решения анализируемых в статье проблем посредством распространения признака публичности договора, если отказ в заключении субабонентского договора опосредован невозможностью предоставления потребителю соответствующей энергии; включения положения об ответственности субабонента перед энергоснабжающей организацией в договор между энергоснабжающей организацией и абонентом; установления устойчивой терминологии в рассматриваемых правоотношениях в судебной практике высших судебных инстанций.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, ответственность сторон, абонент, энергоснабжающая организация, потребитель энергии.

Отправным началом при формировании механизма привлечения к ответственности по договору энергоснабжения выступает необходимость подачи энергии для реализации направлений жизнедеятельности человека.

В данном аспекте следует остановиться на условиях привлечения к гражданско-правовой ответственности. Так, положения ст. 539 ГК РФ предусматривают общие требования к заключению договора энергоснабжения между энергоснабжающей организацией и потребителем энергии, где устанавливается приоритет общих положений ГК РФ об ответственности для всех разновидностей энергоснабжения, кроме подачи электричества; положениями ст. 540 ГК РФ устанавливаются основания привлечения к ответственности при каждой стадии заключения и продления договора энергоснабжения; положения ст. 541, 542 ГК РФ

содержат условия привлечения к ответственности в зависимости от количества и качества подаваемой энергии; положениями ст. 543, 544 ГК РФ предусматриваются условия привлечения к ответственности при нарушении потребителем требований к содержанию приборов, сетей, оборудования, а также при неоплате подаваемой энергии; положениями ст. 545, 546 ГК РФ устанавливаются особенности ответственности субабонента, а также наступление ответственности при изменении, расторжении рассматриваемого договора; в положениях ст. 547 ГК РФ предусматриваются условия по возмещению реального ущерба и виновная ответственность энергоснабжающей организации при перерыве в подаче энергии.

Следовательно, названные нормы ГК РФ устанавливают приоритет гражданско-правовых элементов меха-

низма правового регулирования во всех сферах энергообеспечения, за исключением электроснабжения.

Отраслевое же законодательство относительно разновидностей договора энергообеспечения содержит следующие особенности привлечения к ответственности: ответственность субъекта оперативно-диспетчерского управления [3]; ответственность в области нарушения экологического законодательства [4]; ответственность за нарушение в области ценообразования, тарифного регулирования; ответственность за нарушение срока технологического присоединения, а также условий использования электросетей; ответственность за нарушение требований безопасности при ведении работ в сфере электроэнергетики, а также условий использования земель, находящихся в особо охраняемых природных территориях; ответственность для участников оптового и розничного рынка электроэнергетики; ответственность при предоставлении коммунальных услуг.

При рассмотрении института ответственности участников отношений в рамках договора энергообеспечения необходимо отметить ряд проблем. Условно указанные проблемы возможно разделить на две группы, в зависимости от субъекта, подлежащего привлечению к ответственности.

1. Ответственность энергообеспечивающей организации:

— действующее законодательство отличается отсутствием единства в терминологии, отражающей разновидности и сущность правонарушений в исследуемой сфере, что позволяет на практике возникать до этого не существовавшим разновидностям ответственности (за обеспечение надежности и качества подаваемой энергии или же за необоснованное прекращение подачи энергии) [2];

— ограничение пределов ответственности участников рассматриваемых отношений в связи социальным назначением договора энергообеспечения;

— необходимость установления конкретных оснований для привлечения к ответственности энергообеспечивающей организации.

2. Ответственность абонентов:

— возможность отказа абонента от исполнения договора подряда при нарушении срока исполнения работ [5];

— при нарушении требований к порядку потребления, а также учета потребляемой энергии;

— в случае допущения неоплаты потребляемой энергии;

— при нарушении условий договора о критериях возвращаемого ресурса;

— при осуществлении потребления энергии без заключения соответствующего соглашения;

— при нарушении потребителем обязанности по обороту энергии [8, 89].

Кроме того, исследователями называются и другие проблемы, носящие более узкий характер:

— наложение мер ответственности в виде прекращения подачи энергии при соблюдении ряда условий (увеличение долга до суммы выплат за три периода, при-

знание долга потребителем энергии, выявленного в ходе сверки и др.) [1, 15];

— необходимость установления типовых условий об ответственности в рамках соглашения об энергообеспечении [9, 14].

Проблематика неплатежей для энергообеспечивающей организации носит острый характер, поскольку на свой риск ей приходится компенсировать задолженность, образованную по вине потребителей, что может привести к банкротству такой организации. Кроме того, широко применяется практика распределения задолженности между добросовестными потребителями. Как следствие, к недобросовестным потребителям не применяется мера ответственности в виде отключения от энергии, они продолжают пользоваться поставляемой энергией, не осуществляя плату. По сути своей, указанное говорит о наличии отрицательных элементов в регулировании рассматриваемого института.

В данном аспекте видится следующее решение поставленной проблемы:

Во-первых, изменение размера начисляемых пени или же льгот для отдельных категорий граждан.

Во-вторых, при применении такой меры ответственности, как отключение от энергообеспечения, необходимо установление конкретного срока уведомления потребителя об отключении от энергии. Действующая редакция ч. 2 ст. 546 ГК РФ говорит о необходимости предупреждения абонента о прекращении, перерыве или ограничении подачи энергии, однако конкретных сроков не называет. Зачастую энергообеспечивающая организация уведомляет в удобные только ей сроки о прекращении, перерыве или ограничении подачи энергии, что нарушает права и законные интересы потребителя энергии.

Решение указанной проблемы видится в установлении соответствующих сроков в ч. 2 ст. 546 ГК РФ. Здесь речь идет не только о прекращении подачи энергии в случае неуплаты ее потребления, но и о ситуациях, когда необходимо осуществить перерыв в подаче энергии временно. Указанное позволит потребителю энергии перед предстоящим отключением подачи энергии спланировать собственные действия без доставляемых неудобств.

Для решения проблем в отношениях между абонентом и субабонентом считаем, что необходимо законодательно предусмотреть распространение признака публичности договора, если отказ в заключении субабонентского договора опосредован невозможностью предоставления потребителю соответствующей энергии. Следовательно, в отношениях с субабонентом абонент будет выступать на стороне энергообеспечивающей организации.

В целях защиты абонента от случаев неплатежеспособности субабонента считаем целесообразным включать положения об ответственности субабонента перед энергообеспечивающей организацией в договор между энергообеспечивающей организацией и абонентом.

При рассмотрении института ответственности участников отношений в рамках договора энергообеспечения

необходимо отметить такую проблему как: действующее законодательство отличается отсутствием единства в терминологии, отражающей разновидности и сущность правонарушений в исследуемой сфере, что позволяет на практике возникать до этого не существовавшим разновидностям ответственности (за обеспечение надеж-

ности и качества подаваемой энергии или же за необоснованное прекращение подачи энергии) [7].

Решение названной проблемы видится в установлении устойчивой терминологии в рассматриваемых правоотношениях в судебной практике высших судебных инстанций.

Литература:

1. Канцер, Ю. А. Гражданско-правовое регулирование отношений по ресурсоснабжению жилищно-коммунального хозяйства России: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2016. 15 с.
2. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»): Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3168.
3. Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности: Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1916.
4. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.
5. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 15.11.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 11.
6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2014 г. № 17АП-5735/2014-ГК по делу № А60-38598/2013. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 июля 2014 г. № 17АП-5735/2014-ГК по делу № А60-38598/2013. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Свирков, С. А. Проблемы гражданско-правовой ответственности по договору энергоснабжения // Цивилист. 2013. № 1. с. 87-91.
9. Татаренко, В. И. Рамочные и абонентские договоры в гражданском праве: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 29 с.

Проблемы применения примирительных процедур в гражданском процессе

Шибанова Светлана Александровна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются проблемы применения на практике таких альтернативных процедур урегулирования спора как медиация и судебное примирение. В частности, на основе проведенного анализа, выявлено, что закон не определяет легального определения понятия «примирительные процедуры». Проанализирована практика применения примирительных процедур в гражданском процессе, установлено, что граждане очень редко обращаются за помощью к медиаторам, вследствие дороговизны предоставляемых ими услуг, а также еще реже к судебным примирителям.

Ключевые слова: примирительная процедура, гражданский процесс, медиация, судебное примирение, медиатор, судебный примиритель, судебная защита, урегулирование спора, исполнительное производство.

Каждому гражданину гарантируется право на судебную защиту. Ежедневно судебная власть рассматривает большое количество споров. Такая нагрузка естественным образом сказывается на качестве и эффективности разрешения возникающих конфликтов. В связи с указанными обстоятельствами законодатель пришел к выводу о необходимости не допускать увеличения количества дел, подлежащих рассмотрению в суде. Это потребовало развития

института внесудебного и досудебного урегулирования отдельных видов споров. На законодательном уровне установлены положения, в частности глава 14.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающие порядок применения примирительных процедур в гражданском судопроизводстве.

Гражданско-процессуальный кодекс РФ устанавливает порядок применения примирительных процедур.

В частности, законом предусмотрено, что примирение сторон должно основываться на принципах добровольности, равенства, сотрудничества и конфиденциальности. Независимо от стадии процесса может быть применена та или иная примирительная процедура. Стороны вправе заявить ходатайство о применении примирительной процедуры, а сам суд может предложить сторонам мирное разрешение конфликта, то есть путем использования одного из альтернативных способов разрешения конфликта, который является основой для примирения.

Примирительными процедурами являются медиация, переговоры и судебное примирение. По результатам одной из таких процедур уже в процессе рассмотрения дела в суде суд утверждает мировое соглашение. Форма, содержание и порядок утверждения и исполнения договора также устанавливаются нормами Гражданско-процессуального кодекса РФ. Основной недостаток состоит в том, закон, хотя и устанавливает порядок применения примирительных процедур, легальное определение понятию «примирительные процедуры» в нем отсутствует [3, с. 353].

На наш взгляд, использование примирительных процедур очень положительно влияет на взаимоотношения контрагентов. Дело в том, что основной целью примирительных процедур является сохранение доверительных партнерских отношений. Это возможно именно путем выработки наиболее приемлемого выхода из конфликтной ситуации, сложившейся между сторонами, хотя и не обязательно определять виновного, разрешение конфликта основано на взаимном уважении. Не исключено такое развитие событий, что после мирного урегулирования спора субъекты спорных правоотношений получают дальнейшее развитие сложившихся между ними коммерческих отношений.

Многие ученые отмечают преимущества использования примирительных процедур для разрешения возникших споров, однако, как показывает практика, существует целый ряд проблем, влияющих на то, что институт примирительных процедур в гражданском судопроизводстве не может полноценно развиваться.

Если проанализировать судебную статистику, то мы увидим, что в 2021 году очень небольшое количество конфликтных ситуаций было разрешено с применением процедуры медиации. Причиной этого может быть сложившееся в обществе недоверие к данному правовому институту. В связи с низким уровнем правовой грамотности населения, отсутствием просвещения населения по данному вопросу, налаженной информационной работы с гражданами, все это приводит к тому, что в случае возникновения конфликта стороны спорных правоотношений не знают, что они могут обратиться за помощью к медиатору. К. И. Шафоростов, среди причин непопулярности такой примирительной процедуры, как медиация, отмечает высокую стоимость услуг, которые предоставляют медиаторы [8, с. 15].

Недоверие к медиаторам связано с тем, что каждый гражданин не может смириться с тем, чтобы его конфликт разрешал посторонний человек, который, к тому же, не может дать полной гарантии того, что возникший конфликт будет разрешен на выгодных для обеих сторон условиях спора. Оплата за услуги медиатора не зависит от исхода процедуры, даже если стороны не достигли медиативного соглашения.

Среди прочего можно отметить отсутствие правового регулирования процесса медиации. Процессуальное законодательство, применимое к разрешению конфликтных ситуаций с участием медиатора, не регламентирует, каким образом арбитражное разбирательство может быть включено в процедуру в конкретном случае. На наш взгляд, должны быть созданы определенные стимулы для сторон урегулировать спор с помощью медиатора [5, с. 384].

Некоторые авторы утверждают, что необходимо определить категории дел, которые должны в обязательном порядке решаться при помощи одной из примирительных процедур, то есть для отдельного спора должна быть предусмотрена обязательная примирительная процедура [7, с. 314].

Однако с этим мнением нельзя согласиться, так как это будет противоречить правовой природе института примирительных процедур и, главное, принципу добровольности их применения. Необходимо лишь организовать порядок информирования субъектов о возможности применения примирительных процедур для разрешения конфликтов, ведь это позволит избежать обращения не проинформированных субъектов спорных правоотношений в суды, вследствие чего будет снижена нагрузка на судебную систему.

Нельзя закрепить обязательное применение процедуры медиации, так как добровольность применения примирительной процедуры предполагает, что в случае неполучения желаемого результата не исключается возможность обратиться в суд для установления виновной стороны в возникшем споре. Но, конечно, не стоит забывать о том, что благодаря процедуре медиации и работе медиатора стороны могут лучше понять не только свои требования, какой результат хотят получить по результатам разрешения конфликта, но также легче определить требования противной стороны. Все эти факторы способствуют в дальнейшем быстрому и эффективному рассмотрению и разрешению дела в суде [4, с. 192].

Медиация может применяться только по отдельным категориям споров, в чем мы видим также существенный недостаток. Так, если стороны состояли в гражданских правоотношениях, трудовых, семейных, экономических либо если их отношения были связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, то при возникновении конфликта они могут решить его при помощи процедуры медиации. Однако анализ правовых норм показывает, что медиация не может быть применима к публично-правовым и коллективным трудовым спорам. На наш взгляд, следует расширить сферу применения данной примирительной процедуры, например на жилищные правоотношения и некоторые другие.

Новой примирительной процедурой также является судебное применение. В отличие от процедуры медиации разрешение конфликтной ситуации происходит при участии судебного примирителя. В качестве судебного примирителя может быть только судья в отставке [6, с. 326]. Судебный примиритель ведет переговоры со спорящими сторонами, а также с третьими лицами, принимающими участие в процессе разрешения конфликта. Он может ознакомиться с материалами дела, если на это есть согласие суда, изучает представленные сторонами документы, дает сторонам рекомендации, как возможно быстро и эффективно урегулировать возникший спор и сохранить партнерские отношения.

Судебное примирение в нашей стране применяется еще реже, чем процедура медиации. Связано это не только с тем, что данный правовой институт является

новым, дело также в российском менталитете, уровне правовой культуры граждан, сложившихся правовых традициях. Все эти факторы влияют на то, что судебное примирение на сегодняшний день является одним из самых неиспользуемых процедур альтернативного разрешения споров. Однако граждан следует информировать о том, что одним из преимуществ судебного примирения является то, что судебный примиритель действует на безвозмездной основе, в отличие от медиатора.

Таким образом, отметим, что примирительные процедуры — это процедуры, направленные на урегулирование конфликта, возникшего между сторонами, посредством выработки соглашения в ходе переговоров с привлечением третьих лиц либо без такового соглашения.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 138-ФЗ от 14.11.2002 // «Собрание законодательства РФ» 18.11.2002, N 46, ст. 4532,
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 г.
3. Гринь, Е. А. Развитие института медиации в России // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник тезисов по материалам Всероссийской конференции. — 2019. — № 4. — с. 353-354.
4. Здрок, О. Н. Принципы и модели организации примирительных процедур в современном цивилистическом процессе // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник материалов II Международной заочной научной конференции. Минск: Белорусский государственный университет. — 2020. — № 14. — с. 192-193.
5. Пучкова, Д. В., Чугурова Т. В. Процедура медиации в гражданском процессе // Modern Science. — 2019. — № 12-1. — с. 384-388.
6. Теплых, Д. А., Карзенкова А. В. Проблемы процедуры медиации и перспективы для их решения. // В сборнике: Актуальные проблемы гражданского права и процесса: взгляд молодого ученого. Сборник Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Ответственный составитель И. А. Сыкалов. — 2019. — № 2. — с. 326-330.
7. Торопова, А. А. Правовое регулирование примирительных процедур в арбитражном процессе // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение». — 2021. — № 17. — с. 313-316.
8. Шафоростова, К. И. Медиация и судебное примирение: общие черты, различия, перспективы // Концепт. Научно-методический электронный журнал. — 2018. — № 5. — с. 15-23.

Проблемы квалификации неоказания помощи больному

Янченкова Кристина Андреевна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

Как показывает изучение правоприменительной практики, верная юридическая оценка неоказания помощи больному продолжает сохранять свою актуальность. В статье анализируются особенности объективных и субъективных признаков неоказания помощи больному. Также рассматриваются проблемы определения потерпевшего при квалификации действий медицинского работника по статье 124 Уголовного кодекса РФ. В частности, отмечается неясность термина «больной», который используется только в Уголовном кодексе РФ.

Ключевые слова: больной, медицинская помощь, неоказание помощи больному, пациент, потерпевший.

Одной из главных задач, предусмотренных уголовным законодательством, считается охрана прав и свобод

человека и гражданина. Кроме того, базовым принципом здравоохранения, закрепленным в законодательстве, яв-

ляется недопустимость отказа в оказании медицинской помощи [2].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) содержится специальная норма, предусматривающая уголовную ответственность за неоказание помощи больному.

Диспозиция статьи гласит, что преступным считается «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение среднего или тяжкого вреда здоровью больного, либо смерть потерпевшего» [1].

В связи со спецификой данного преступления, существуют проблемы верной квалификации содеянного, вследствие чего многие уголовные дела, возбужденные по ст. 124 УК РФ, либо неверно квалифицируются на стадии предварительного следствия, либо не доходят до суда.

Согласно УК РФ, непосредственным объектом данного преступления являются жизнь или здоровье человека. В.Н. Кудрявцев определяет объект преступления как «общественные отношения, выступающие объектом уголовно-правовой охраны от противоправного посяательства» [7, с. 102].

Основным непосредственным объектом А.И. Кулькин считает «общественные отношения, обеспечивающие здоровье человека, как определенное физиологическое состояние организма и важнейшая предпосылка для участия в общественных отношениях или жизнь» [8, с. 83]. Кроме того, дополнительным объектом в понимании автора является сам порядок осуществления медицинского обслуживания и предоставления медицинской помощи.

По мнению Д.Ю. Мамонтова, при неоказании помощи больному со стороны преступника не происходит прямого и активного воздействия, следовательно, объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность существования личности [9, с. 118].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что объект преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, авторы трактуют различно.

Также одной из проблем, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации действий медицинских работников по указанной статье, является определение потерпевшего, в качестве которого в статье 124 УК РФ определяется «больной».

Под потерпевшим в результате неоказания помощи понимается больной человек, однако данное понятие встречается только в УК РФ, но при этом не раскрываются его признаки, что, безусловно, создает трудности в правоприменении [5, с. 480].

В Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержится понятие «пациент», то есть физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи незави-

симо от наличия у него заболевания и от его состояния. Вместе с тем, полагаем, нельзя отождествлять термины «больной» и «пациент» для целей применения статьи 124 Уголовного кодекса РФ.

Понятие «больной», по мнению К.А. Пустогачевой, подразумевает лицо, «заболевшее болезнью или находящееся в опасном для жизни или здоровья положении, вызванном несчастным случаем, поведением людей, естественными процессами, происходящими в организме, и нуждающееся в оказании медико-фармацевтической помощи» [12, с. 116].

Частично поддерживает данное мнение А.В. Краева, считая, что больной — это лицо, страдающее каким-либо заболеванием, состояние здоровья которого требует оказания медицинской помощи» [6, с. 32].

Согласно мнению Ю.В. Жидовцева, больной — это «лицо, находящееся в любом болезненном состоянии, независимо от причины, и которому требуется медицинская помощь» [4, с. 199].

Д.Д. Глухова также полагает необходимым признаком потерпевшего в указанном преступлении наличие заболевания. Так, она пишет, что «не может быть признано потерпевшим лицо, хотя и обратившееся за оказанием медицинской помощи, однако не страдающее от какого-либо заболевания» [3, с. 51]. Вместе с тем, ей также не предложены достаточные критерии определения больного, поскольку, как мы писали выше, те или иные заболевания имеются у каждого, однако большинство больных в некоторых условиях среды являются практически здоровыми, вполне приспособленными к условиям существования.

На наш взгляд, наиболее удачный подход к определению больного использовал А.И. Кулькин, который отмечал, что «по смыслу закона больным в данном случае следует признавать любое лицо, которое объективно нуждалось в медицинской помощи и а) специально обратилось за ее оказанием; б) проходило плановое обследование; в) которому медицинская помощь оказывалась без его согласия; г) оказалось в ситуации, требующей срочного медицинского вмешательства (например, при автомобильной катастрофе). При этом, с точки зрения медицины, потерпевший может и не быть собственно больным (например, беременные женщины, роженицы)» [8, с. 83].

Мнения вышеуказанных авторов схожи в части болезненного состояния человека на момент оказания помощи. То есть, если человек не имеет заболевания (беременные, новорожденные), но нуждается в медицинской помощи, потерпевшим по ст. 124 УК РФ его назвать нельзя.

Из анализа сложившейся судебной практики можно сделать вывод, что в правоприменительной деятельности больным в смысле статьи 124 УК РФ обычно признается человек, в отношении которого по состоянию его здоровья, должны быть предприняты меры срочной и неотложной медицинской помощи.

Проблема четкого определения понятия «больной» приводит к трудностям обозначения признаков потерпев-

шего и его характеристик, что делает указанное понятие оценочным.

Таким образом, полагаем, необходимо внести изменений в статью 124 Уголовного кодекса РФ, введя в нее термин «лицо, нуждающееся в медицинской помощи».

Считаем, что понятие «больной» и его характеристики необходимо закрепить законодательно.

Автор О. А. Рудакова предлагает термин «больной» исключить, а вместо него внести понятие «пациент», включающий в себя беременных, рожениц, новорожденных и др. [13, с. 100].

Стоит обратиться и к другой проблеме данной статьи — объективной стороне преступления. Безусловно, объективная сторона всегда будет проявляться в форме бездействия. В частности, некачественная или несвоевременная медицинская помощь не может рассматриваться как неоказание помощи больному, так как данные деяния медицинских работников рассматриваются как активные и должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 118 УК РФ или по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Также законодатель не указывает на конкретные виды помощи, за неоказание которых наступает уголовная ответственность. Что касается субъективной стороны, то в данном деянии вина выражается в форме неосторожности, причем, в двух формах — либо легкомыслии, либо небрежности [10, с. 773].

В объективную сторону входят такие элементы, как неоказание помощи без уважительных причин, само последствие в виде какого-либо вреда здоровью и, соответственно, причинно-следственная связь между этими

элементами. Неоказание помощи больному, по общему правилу, совершается исключительно путем бездействия, то есть лицо не совершает необходимые для спасения жизни или лечения действия в отношении пострадавшего. Отказ выехать на вызов врача, принять или осмотреть поступившего больного является бездействием, так как у виновного была возможность действовать [11, с. 25].

Следовательно, обязательное условие привлечения к уголовной ответственности по ст. 124 УК РФ — это возможность действовать.

Для уголовного преследования по рассматриваемой статье необходимо отсутствие уважительных причин, поэтому само по себе неверное установление диагноза медицинским работником не может служить основанием привлечения к уголовной ответственности. Врачебная ошибка в части установления диагноза при отсутствии умысла может квалифицироваться как ненадлежащее оказание помощи больному.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что объективная сторона ст. 124 УК РФ характеризуется бездействием, состоящим в неисполнении виновным возложенной на него специальной обязанности. Кроме того, значительные споры вызывает вопрос о субъекте преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ.

Анализ ст. 124 УК РФ показал, что в целях единообразия судебной практики следует законодательно закрепить виды деятельности медицинских работников, обозначить понятие «больной» с учетом вида оказываемой помощи.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 — ФЗ// [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323 — ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
3. Глухова, Д. Д. Неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ)/Д. Д. Глухова // Отечественная юриспруденция. — 2018 — № 9 — с. 50-53.
4. Жидовцова, Ю. В. Вопросы совершенствования конструкции состава преступления, предусмотренные ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации/Ю. В. Жидовцова // Проблемы развития правовой системы современной России. — 2012. — № 1. — с. 199-200.
5. Золотарева, М. А. Проблемные вопросы определения потерпевшего при неоказании помощи больному/М. А. Золотарева // Вопросы устойчивого развития общества. — 2021. — № 10. — с. 479-481.
6. Краева, А. В. Проблемные вопросы применения уголовной ответственности за неоказание помощи больному/А. В. Краева // Общество и преступность. — 2017. — № 1. — с. 31-35.
7. Кудрявцев, В. Н. Курс советской криминологии. Том 2/В. Н. Кудрявцев // М.: Юридическая литература. — 1986. — 352 с.
8. Кулькин, А. И. К вопросу об уголовной ответственности за неоказание помощи больному/А. И. Кулькин // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 2. — с. 82-86.
9. Мамонтов, Д. Ю. Некоторые вопросы совершенствования объективных признаков неоказания помощи больному/Д. Ю. Мамонтов// Актуальные вопросы права и правоприменения. — 2016. — № 1. — с. 118-122.
10. Мостовой, Н. С. О некоторых особенностях квалификации оставления в опасности // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 1 (28). с. 772-774.
11. Погорельская, Т. А. Проблемы квалификации неоказания помощи больному/Т. А. Погорельская // Вестник современных исследований. — 2021. — № 4-5 (42). — с. 23-26.

12. Пустогачева, К. А. Объект преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ — неоказание помощи больному/К. А. Пустогачева // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. — 2017. — № 3. — с. 115-117.
13. Рудакова, О. А. Некоторые проблемы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному/О. А. Рудакова // Законность в современном обществе. — 2017. — № 2. — с. 99-102.

МЕДИЦИНА

Клиническая анатомия фавеллы

Кубеко Андрей Владимирович, студент;
 Давыдова Людмила Александровна, кандидат медицинских наук, доцент
 Белорусский государственный медицинский университет (г. Минск)

Знание об особенностях строения костно-связочной системы коленного сустава, играет важную роль в постановке правильного диагноза и дальнейшего лечения заболевания.

Ключевые слова: сесамовидная кость, фавелла, коленный сустав, подколенные связки, топография фавеллы.

Целью данной работы было обнаружить сесамовидную кость — фавеллу, определить ее форму, размер и частоту встречаемости у населения Республики Беларусь, в зависимости от возраста и пола.

Сесамовидные кости — это небольших размеров кости, расположенные в толще сухожилий, проходящих через сустав, и обычно лежащие на поверхности других костей. Сесамовидные кости имеют округлую или дисковидную форму, размеры которых варьируются от 0,3 до 4,5 см. Наиболее крупной и постоянной сесамовидной костью в организме человека является пателла, находящаяся в коленном суставе, но все чаще появляется дополнительная сесамовидная кость — фавелла, прикрывающая коленный сустав сзади.

Слово *fabella* — происходит от латинского уменьшительного «*fab*», которое переводится — «фасоль, фа-

солька». Присутствие сесамовидной кости фавеллы у людей широко варьируется и, как сообщается в литературе, может быть обнаружена у 10-30% населения. [1]

По литературным данным основной функцией фавеллы является стабилизация медиального мыщелка бедра и комплекса фавеллы, который состоит из подошвенных и икроножных мышц и дугообразных, фавеллофибулярных, фавеллопоплитеальных и косых подколенных связок. [2] (рис. 1) Считается, что у четвероногих млекопитающих фавелла играет роль, аналогичную надколеннику, в перенаправлении сил разгибания коленного сустава из одной точки в другую. У двуногих фавелла не касается задней части согнутого колена, и поэтому роль в перенаправлении сил снижается.

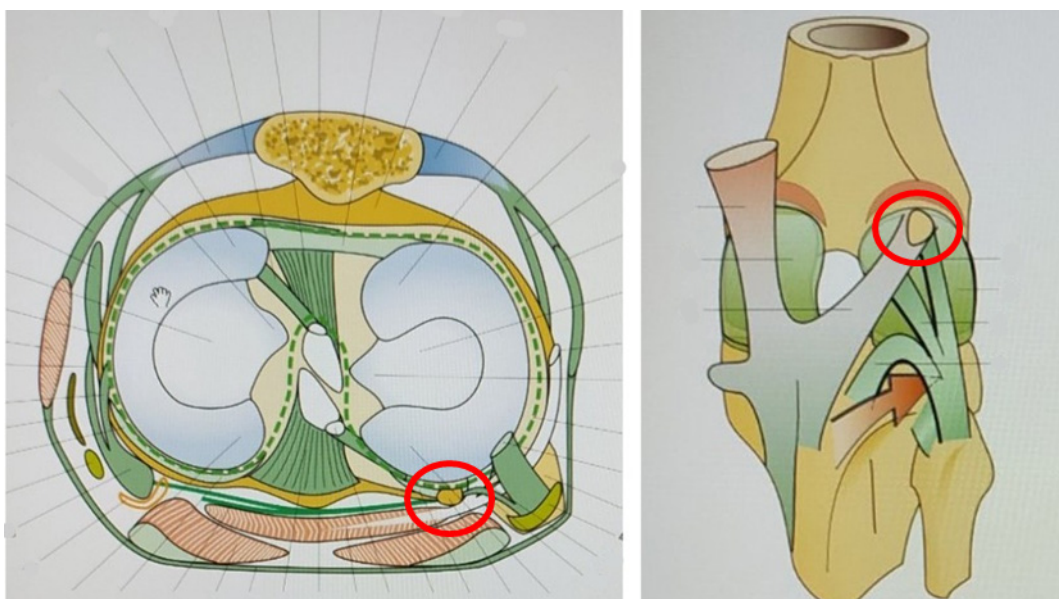

Рис. 1. Топография фавеллы [3]

Фабелла может быть вовлечена в различные патологические состояния: болевой синдром фавеллы, хондромалицию фавеллы, сдавление и паралич малоберцового нерва, синдром защемления подколенной артерии, вывих, а также перелом фавеллы, который впервые был описан J. Sagel в 1932 году [3].

Материалом для настоящего исследования послужили данные, полученные при проведении УЗИ и рентгенограммы боковой проекции коленного сустава 224 пациентов в возрасте от 27 до 86 лет, полученные на базах учреждений здравоохранения г. Минска. Было установлено, что фавелла встречается в 22,7% случаях, с приблизительно одинаковой частотой у мужчин (51%) и женщин (49%). Одностороннее расположение чаще встречалось слева — 59%, справа наблюдалось в 41% случаев.

Боковая рентгенограмма коленного сустава позволяет выявить положение фавеллы по отношению к задне-латеральному мыщелку бедра. На снимке сесамовидная

кость имеет округлую форму. Средние размеры ее составили $5,70 \pm 2,38$ мм (передне — задний) и $7,72 \pm 2,39$ мм (кранио — каудальный) (рис. 2)

Сесамовидную кость — фавеллу можно так же обнаружить при помощи пальпации, ультразвукового исследования (УЗИ) и магнитно-резонансной томографии (МРТ) [4].

По результатам УЗИ фавелла имеет полукруглую форму, с эхотенью от передней стенки, гиперэхогенная. (рис. 3)

Относительно возраста встречаемость сесамовидной кости фавелла была различной (рис. 4):

- в возрасте 20-35 лет — 19,6%,
- 36-60 лет — 39,3%,
- старше 61 года — 44,1%.

Заключение: Довольно высокий процент встречаемости фавеллы — 22,7%, свидетельствует, о том, что фавелла не такая уж редкая сесамовидная кость, а значит изучать врачу ее строение и функции необходимо.

Рис. 2. Фавелла на боковой рентгенограмме коленного сустава

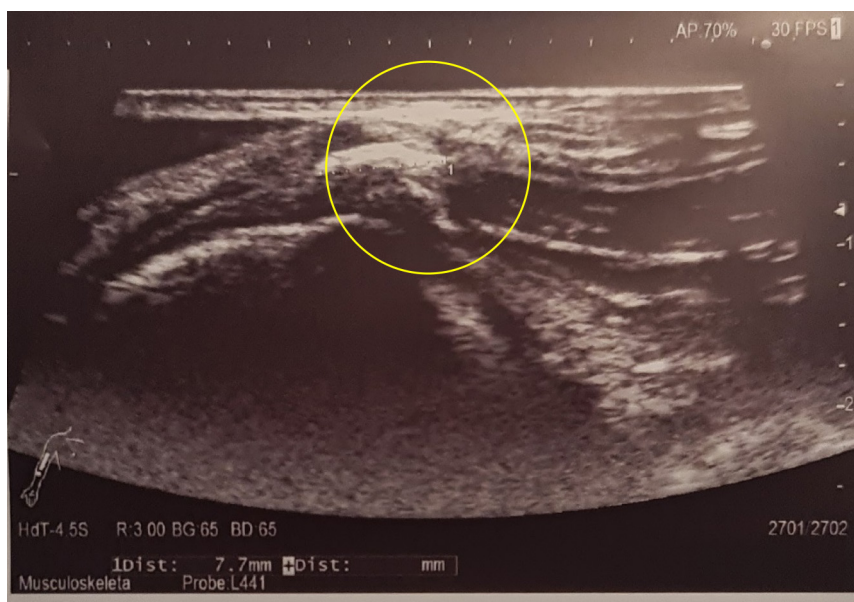

Рис. 3. Ультразвуковое изображение фабеллы

Рис. 5. Процентное соотношение фабеллы по возрастным группам

Литература:

1. Duncan, W. Clinical anatomy of the fabella/W. Duncan, D.L. Dahm // Clin. Anat. — 2003. — Vol. 16. — P. 448-449.
2. The fabella: a forgotten source of knee pain?/A. Robertson [et al.] // The Knee. — 2004. — Vol. 11. — P. 243-245.
3. Sagel, J. Fracture of sesamoid bones: A report of two cases/J. Sagel // The Amer. J. of Surg. — 1932. — Vol. 18. — P. 507-509.
4. Sekiya, J.K. Sonographic imaging of the posterolateral structures of the knee: findings in human cadavers/J.K. Sekiya, J.A. Jacobson, E. M. Wojtys // Arthroscopy. — 2002. — Vol. 18, № 8. — P. 872-881.

ФАРМАЦИЯ И ФАРМАКОЛОГИЯ

Особенности лицензирования фармацевтической деятельности в России

Абдуллабеков Рашид Насруллаевич, студент магистратуры
Ростовский государственный медицинский университет

В статье рассмотрены особенности лицензирования фармацевтической деятельности, а также изменения правил ее лицензирования в 2022 году.

Ключевые слова: лицензирование, фармацевтическая деятельность, правила.

А. В. Солонина под фармацевтической деятельностью понимает профессиональную деятельность в системе здравоохранения по оказанию фармацевтических услуг в сфере обращения лекарственных средств, лечебно-профилактических, диагностических средств, изделий медицинского назначения, парафармацевтической продукции, осуществляемую на этапе их доведения от производителя до потребителя [2, с. 32]. Основными законодательными актами, регулирующими лицензирование фармацевтической деятельности, являются Закон о лицензировании, который регламентирует общие требования к лицензированию предпринимательской деятельности, а также постановление Правительства РФ № 1081 «О лицензировании фармацевтической деятельности». Помимо вышеперечисленных нормативных правовых актов, более подробно лицензионные процедуры отражены в документах Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), среди которых можно выделить административные регламенты, приказы, а также информационные письма с разъяснениями.

В соответствии с Положением о лицензировании становится возможным определить три группы лицензионных требований. Они, с одной стороны, незначительно отличаются в зависимости от субъекта фармацевтической деятельности (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, соискатель лицензии или лицензиат, аптечная организация, организация оптовой торговли или медицинская организация), однако, с другой стороны, в целом представляются аналогичными. Во-первых, это наличие на праве собственности или на ином законном праве помещений и необходимого оборудования. Во-вторых, требования к квалификации руководителя организации и работников, к периодическому повышению квалификации. В-третьих, это соблюдение лицензиатом требований фармацевтического законодательства.

Лицензионными требованиями и условиями при осуществлении фармацевтической деятельности являются: предоставление обязательного пакета документов: заявление о предоставлении лицензии; копии учредительных документов и свидетельства о государственной регистрации лицензиата и копия свидетельства о постановке соискателя лицензии на учет в налоговом органе; документ, подтверждающий уплату лицензионного сбора; документы, подтверждающие право соискателя лицензии на использование помещений для осуществления лицензируемой деятельности; копия санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии помещений требованиям.

Контроль за соблюдением лицензиатом лицензионных требований и условий осуществляется на основании предписания руководителя лицензирующего органа, в котором определяются лицензиат, подлежащий проверке, сроки проведения проверки и состав комиссии, осуществляющей проверку. Продолжительность проверки не должна превышать 15 дней. Плановые проверки проводятся не чаще одного раза в 3 года.

Лицензиат обязан обеспечивать условия для проведения проверок, в том числе представлять необходимые информацию и документы. По результатам проверки оформляется акт с указанием конкретных нарушений, который подписывается всеми членами комиссии. Лицензиат (его представитель) должен быть ознакомлен с результатами проверки, и в акте должна быть сделана соответствующая запись о факте ознакомления. Если лицензиат не согласен с результатами проверки, он имеет право отразить в акте свое мнение. Лицензирующий орган обязан в 5-дневный срок после принятия решения о предоставлении, продлении срока действия, переоформлении, приостановлении, возобновлении действия или аннулировании лицензии в письменной форме уведомить о нем лицензиата, а также соответствующие органы

налоговой службы. Лицензиат, осуществляющий деятельность на основании лицензии, предоставленной ему лицензирующим органом субъекта Российской Федерации, может осуществлять эту деятельность на территории иных субъектов Российской Федерации при условии предварительного уведомления им в установленном порядке соответствующих лицензирующих органов.

Решение о предоставлении лицензии или об отказе в ее предоставлении оформляется приказом (либо распоряжением) лицензирующего органа. Приказ (либо распоряжение) о предоставлении лицензии и лицензия одновременно подписываются руководителем или заместителем руководителя лицензирующего органа и регистрируются в реестре лицензий. В течение трех рабочих дней после дня подписания и регистрации лицензии лицензирующим органом она вручается лицензиату или направляется ему заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении. Важно, что в случае принятия решения об отказе в предоставлении лицензии лицензирующий орган вручает в течение трех рабочих дней со дня принятия этого решения соискателю лицензии или направляет ему заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении уведомления об отказе в предоставлении лицензии с мотивированным обоснованием причин отказа и со ссылкой на конкретные положения нормативных правовых актов и иных документов, являющихся основанием такого отказа, или, если причиной отказа является установленное в ходе проверки несоответствие соискателя лицензии лицензионным требованиям, реквизиты акта проверки соискателя лицензии.

В Российской Федерации в последнее десятилетие ведется активная законодательная деятельность по вопросам охраны здоровья граждан и лекарственного обеспечения [3, с. 107]. Правила лицензирования фармацевтической деятельности в нормативно-правовом аспекте дополнились/изменились с учетом современных условий. Так, с 1 сентября текущего года (2022) подверглись изменению правила лицензирования фармацевтической деятельности (Постановление Правительства РФ от 31 марта 2022 г. № 547). Согласно правилам, лицензирующие органы останутся прежними, у Росздравнадзора сохранится полномочие в части оценки соблюдения субъектами лицензиатами лицензионных требований посредством осуществления федерального государственного

контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств.

Необходимо отметить также значительное детализирование требований к наличию у соискателей производственных объектов и оборудования (в том числе для соискателей лицензии о передаче работ (услуг) на аутсорсинг (в части хранения лекарственных средств для медицинского применения).

Лицензионным требованием к соискателю будет также наличие (в соответствии с правилами надлежащей аптечной практики, правилами надлежащей практики хранения и перевозки препаратов, правилами надлежащей дистрибьюторской практики в рамках ЕврАзЭС) лица, ответственного за внедрение и обеспечение системы качества хранения и перевозки лекарственных препаратов и актуализацию СОП для осуществления фармацевтической деятельности в сфере обращения лекарственных средств для медицинского применения.

Одновременно с этими нововведениями исчезнет требование о необходимости руководителю лицензиата, соискателя иметь фармацевтическое образование и стаж работы по специальности. Аналогичные требования к работникам лицензиата и соискателя останутся, в том числе требование по повышению квалификации не реже одного раза в 5 лет, и требования о ДПО в части розничной торговли лекарствами — для работников обособленных подразделений медицинских организаций. ИП — лицензиат/соискатель обязан будет иметь профильное образование и сертификат специалиста, но без требований к минимальному стажу работы.

Из перечня лицензионных требований было исключено соблюдение установленных предельных размеров оптовых и розничных надбавок к фактическим отпускным ценам производителей на лекарственные препараты, включенные в перечень ЖНВЛП.

Срок выдачи фармацевтической лицензии (или мотивированного отказа) составит не более 15 рабочих дней со дня приема заявления о выдаче лицензии, срок внесения изменений в реестр (отказа) — не более 10 рабочих дней.

Лицензирование фармацевтической деятельности, таким образом, направлено на пресечение сбыта контрафактной продукции [1, с. 50] в целях обеспечения безопасности населения.

Литература:

1. Бочкова, С. С. Правовое регулирование лицензирования деятельности по производству лекарственных средств и фармацевтической деятельности. *Legal Bulletin*. 2020. с. 45-50.
2. Солонина, А. В. Нормативно-правовой статус фармацевтических организаций и роль провизора в современных условиях. *Фармация*. 1999. № 3. с. 31-34.
3. Тельнова, Е. А. Организация лекарственного обеспечения в Российской Федерации. *Бюллетень Национального НИИ ОЗ*. 2021. с. 100-112.

ВЕТЕРИНАРИЯ

Оценка противоопухолевого действия нанокompозитных препаратов селена и серебра на тубуло-папиллярную карциному молочной железы

Черкасов Денис Павлович, руководитель

ООО «Научно-исследовательский институт ветеринарии» (г. Новосибирск)

Состав препарата:

нано-Se 9,7% — 2,5 мг селена

нано-Ag 12% — 2000 мкг серебра

Результаты исследования внедрены

Материалы по анализу распространения онкологических заболеваний у собак и кошек в условиях р. п. Коченево и экспериментальному исследованию нанокompозитных препаратов селена и серебра используются в научной работе ООО НИИ Ветеринарии для направленного синтеза нанобиокompозитов с противоопухолевыми свойствами;

Введение изучаемых веществ осуществляли через 24 часа после прививки АКЭ. Контрольные животные получили 0,9% физиологический раствор.

Изучаемые композитные препараты вводили животным внутривентриально в дозе: нано-Se 9,7% — 2,5 мг селена/1 кг; 5 мг селена/1 кг и 7,5 мг селена/1 кг массы животного, предварительно растворив 0,1 гр сухого препарата в 80 мл воды; а нано-Ag 12% — 2000 мкг серебра/1 кг; 3000 мкг/1 кг и 4000 мкг/1 кг массы животного, предварительно растворив 4,2 мг сухого вещества в 5 мл воды (доза общего препарата вычислялась, исходя из информации о содержании селена и серебра в нанокompозитных препаратах) Все исследования выполнены в соответствии с этическими требованиями по работе с экспериментальными животными, изложенными в следующих нормативно-правовых документах: «Правила проведения работ с использованием экспериментальных животных» (приложение к приказу МЗ СССР № 775 от 12.08.1977 г.); Хельсинская декларация всемирной медицинской ассоциации, 2000 г.; «Руководство по экспериментальному (доклиническому) изучению новых фармакологических веществ» (2005); «Правила лабораторной практики» (приложение к приказу МЗ РФ № 708н от 23.08.2010 г.).

Онкологические заболевания собак и кошек

По морфологической характеристике и характеру течения диагностируемых новообразований данные распределены следующим образом: доброкачественные но-

вообразования — 262 случая (57,5%); злокачественные новообразования — 194 случаев (42,5%); воспалительные процессы — 23 случаев (5%).

Наиболее распространенные доброкачественные новообразования у мелких домашних животных в городе Иркутске за последние 5 лет — это фиброаденома молочной железы, затем следует фибромы, эпюлисы, папилломы и липомы.

Воспалительные процессы локализовались в лимфатических узлах. Среди злокачественных опухолей чаще всего можно наблюдать рак молочной железы, различной морфологической вариации, карциномы кожи и фибросаркомы.

При анализе полученных данных, по локализации новообразований у мелких домашних животных от общего количества случаев, можно сделать следующие выводы: поражение молочных желез доброкачественного характера составляет 18,2% и злокачественного 18%; соответственно конечностей 9,52% и 4,7%; ротовой полости 14,52% и 9,7%; в различных областях тела животных (области головы, шеи, мечевидного отростка, спины и хвоста) 11,52% и 8,72%; влагалища и половых губ 1,6% и 3,2%.

По полученным данным также можно провести анализ по виду и породам животных. В условиях Иркутска новообразования наиболее часто встречаются у собак породы немецкая овчарка 8,1%, кавказская овчарка 7,5% и беспородных собак, на них приходится 13,8%. У кошек новообразования чаще встречаются у пород персидской 4,6% и британской 3,7%, но больше всего болеют беспородные кошки 21,5%.

Также был проведен анализ собранных данных по количеству диагностированных случаев по возрастам. Из чего видно, что доброкачественные новообразования наиболее часто регистрируются у собак 5-10-летнего возраста, а злокачественные новообразования у животных старше 7-летнего возраста. У кошек доброкачественные новообразования встречаются чаще в возрасте 3-7 лет, а злокачественные новообразования старше 10-летнего возраста.

Мы также проанализировали зависимость диагностированных новообразований от пола животного. Оказалось, что новообразования чаще встречаются среди собак у кобелей — 95 случаев (20,8%), из них доброкачественные опухоли приходится — 46 случаев (10,1%) и злокачественного характера — 49 случая (10,7%). У сук общее количество новообразований составляет 201 случаев (44,1%), с доброкачественным характером — 98 случая (21,5%) и 103 случая (22,6%) — злокачественные опухоли. У кошек общее количество составило 138 случаев (30,3%): доброкачественные — 96 случаев (21,1%) и злокачественные — 42 случая (9,2%). У котов отмечены только доброкачественные новообразования — 22 случая (4,8%).

Оценка противоопухолевого действия нанокomпозитных препаратов селена и серебра на тубуло-папиллярную карциному молочной железы в *in vitro*

Противоопухолевый эффект нанокomпозитного препарата селена *in vitro* на примере культуры клеток перепрививаемого штамма тубуло-папиллярной карциномой молочной железы.

Культуру перепрививаемого штамма тубуло-папиллярная карцинома молочной железы инкубировали с наноструктурированным селенсодержащим соединением на основе арабиногалактана в дозе 2,5 мг, 5 мг и 7,5 мг на кг (в пересчете на Se), контрольная группа — без добавления наноструктурированных селенсодержащих соединений на основе арабиногалактана.

Оценку эффекта воздействия на культуру опухолевых клеток и распределение наноструктурированного селенсодержащего соединения проводили с использованием световой микроскопии, дифференциального интерференционного контраста и флуоресценции. Как известно, наноструктурированные селенсодержащие соединения на основе арабиногалактана способны к флуоресценции в широком диапазоне — от 405 до 514 нм.

Использованный нами в данном исследовании нанокomпозит селена и арабиногалактана исследован с помощью микроскопа Nikon Eclipse 80i с приставкой для эпифлуоресценции DIN-M. В качестве фильтров применяли Nikon B-2A (возбуждение 450-490 нм, дихроичное зеркало 505 LP, эмиссия ≥ 515 нм), Nikon TRITC (возбуждение 528-553 нм, дихроичное зеркало 565 LP, эмиссия 590-650 нм).

Установлено яркое свечение при использовании фильтров Nikon B-2A и Nikon TRITC.

При флуоресцентном исследовании мазков, приготовленных после инкубации в питательной среде в течение 1 суток установлено, что у контрольной группы свечения клеток тубуло-папиллярной карциномой молочной железы через 24 часа инкубации не обнаружено.

При аналогичном исследовании клеток карциномы, инкубированных с нанокomпозитом селена и арабиногалактана, выявлено свечение ядер клеток тубуло-папиллярной карциномой молочной железы. Более яркое свечение наблюдается в образце, где концентрация нано-

композитного препарата селена наивысшая — 7,5 мг на кг в пересчете на селен.

Вне клеток в поле зрения свечение не обнаружено. Таким образом, представлено избирательное накопление нанокomпозита в ядрах опухолевых клеток.

После 24-х часовой инкубации в клетках тубуло-папиллярной карциномой молочной железы с добавлением нано селена на основе арабиногалактана наблюдается разрушение опухолевых клеток, что не обнаружено в контрольном образце.

Для изучения морфологии ядер тубуло-папиллярной карциномой молочной железы применяли ядерный краситель Hoechst 33342. Ядра клеток тубуло-папиллярной карциномой молочной железы в контрольном образце одинакового размера, чаще округлой формы, без признаков деструктивных изменений. В образцах с добавлением нанокomпозитного препарата селена в морфологии ядер опухолевых клеток наблюдаются существенные изменения. В мазках с наименьшим содержанием селена (2,5 мг на кг в пересчете на селен) ядра неправильной формы, уменьшены в размере по отношению к контрольной группе. С повышением концентрации селена в образцах отмечается появление как клеток перстневидной формы, так и значительно уменьшенных в объеме неправильной формы ядер, что может говорить о снижении жизнеспособности клеток карциномы, деструктивных процессов в ядрах.

После 24-х часовой инкубации клеток тубуло-папиллярной карциномой молочной железы наблюдается тенденция к снижению количества клеток во всех образцах. В образце контрольной группы снижение количества клеток карциномы Эрлиха отмечается всего на 8% и в поле зрения имеются клетки в различных стадиях деления. В образцах с добавлением нанокomпозитного препарата селена на основе арабиногалактана отмечается значительное уменьшение числа клеток от 28% до 60%. Данное снижение объясняется присутствием различной концентрацией селена в образцах и количеством клеток до инкубации. Можно сделать вывод: чем больше концентрация селена в образце, тем больше процент гибели клеток карциномы Эрлиха, а также чем концентрация клеток выше до инкубации в образце, тем больше идет поглощение препарата клетками.

Противоопухолевый эффект нанокomпозитного препарата серебра *in vitro* на примере культуры клеток перепрививаемого штамма тубуло-папиллярной карциномой молочной железы.

Культуру перепрививаемого штамма тубуло-папиллярной карциномой молочной железы инкубировали с наноструктурированным серебросодержащим соединением на основе арабиногалактана в дозе 2000 мкг, 3000 мкг и 4000 мкг на кг (в пересчете на Ag), контрольная группа — без добавления наноструктурированных серебросодержащих соединений на основе арабиногалактана.

Оценку эффекта воздействия на культуру опухолевых клеток и распределение наноструктурированного сере-

бросодержащего соединения проводили с помощью микроскопа Nikon Eclipse 80i.

После 24-часовой инкубации в клетках тубуло-папиллярной карциномой молочной железы с добавлением нано серебра на основе арабиногалактана наблюдается нарушение морфологии ядер опухолевых клеток, что не обнаружено в контрольном образце.

Для изучения морфологии ядер тубуло-папиллярной карциномой молочной железы применяли гематоксилин. В образцах с добавлением нанокompозитного препарата серебра в морфологии ядер опухолевых клеток наблюдаются существенные изменения. В мазках с наименьшим содержанием серебра (2000 мкг на кг в пересчете на серебро) отмечается появление клеток перстневидной формы и разрушением оболочек, что говорит о снижении жизнеспособности клеток карциномы, деструктивных процессов в ядрах. С повышением концентрации

серебра в образцах отмечается увеличение появления как клеток перстневидной формы, так и разрушенных клеток, отмечается апоптоз.

После 24-часовой инкубации клеток тубуло-папиллярной карциномой молочной железы наблюдается тенденция к снижению количества клеток во всех образцах. В образце контрольной группы снижение количества клеток карциномы Эрлиха отмечается всего на 8% и в поле зрения имеются клетки в различных стадиях деления. В образцах с добавлением нанокompозитного препарата серебра на основе арабиногалактана отмечается значительное уменьшение числа клеток от 34% до 48%. Данное снижение объясняется присутствием различной концентрацией серебра в образцах. Можно сделать вывод: чем больше концентрация серебра в образце, тем больше процент гибели клеток карциномы Эрлиха.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Средства физической культуры в регулировании работоспособности

Солодилова Елена Сергеевна, преподаватель;

Ларкин Максим Леонидович, студент

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики (г. Самара)

Статья посвящена формированию психологических, умственных и эмоциональных качеств, средствами физической культуры и спорта. А также рассматривается общая польза физкультуры в жизнедеятельность человека.

Ключевые слова: работоспособность, воля, устойчивость, инициативность, стойкость, решительность.

Means of physical culture in the regulation of working capacity

The article is devoted to the formation of psychological, mental and emotional qualities by means of physical culture and sports. And the general benefits of physical education in human life are also considered.

Key words: efficiency, will, stability, initiative, fortitude, determination.

Работоспособность, физические упражнения.

Сейчас, во время развития науки и техники, через человека проходит огромное количество информации, будь то профессиональные знания, либо занятие хобби. Все это требует от современного человека хорошую физическую форму, дабы не испортить свое здоровье, а также устойчивую психику, хороший ум и умение контролировать эмоции.

Урок физической культуры у студентов проходит согласно учебным планам, которые учитывают специфику каждого учебного заведения. Для того, чтобы подготовить развивающие и оздоровительные занятия, нужно решить задачи [1, с. 5]:

1. Понимать роль физической культуры в развитии личности и подготовке ее к профессиональной деятельности;
2. Знать научно-практические основы физической культуры и здорового образа жизни;
3. Понимать смысл здорового образа жизни, формировать мотивационные отношения.
4. Формировать потребность в регулярных занятиях физическими упражнениями и спортом;
5. Обрести практические умения и навыки, которые смогут обеспечить укрепление и сохранение здоровья, а также развитие стремления и самоконтроля.
6. Обеспечить физической и психологической подготовкой студента, чтобы он испытывал меньше стресса и был готов к будущей профессии.

7. Приобретение и реализация спортивных навыков для достижения своих целей.

Работоспособность — сочетание возможностей человека, владеющего особыми знаниями, умениями, навыками, физическими, психологическими и физиологическими качествами, целеустремленностью, здравомыслием. Наиболее типичная работоспособность людей связана с профессиональной деятельностью, домашней работой, а также особенностью использования физической культуры для улучшения работоспособности. Мы тратим пятьдесят и более процентов всей энергии на совершение действий мышцами, ведь движение мышц, создает большие импульсы, которые заряжают наш организм.

Но, после упражнений, при умственной деятельности, активная работа мозга продолжается. Нервная система полностью не восстановилась. Экспериментально доказано, что если человек после физической работы не получил достаточно отдыха, его напряжение мускулов увеличивается: переутомленный мозг тратит свои силы, для борьбы с переутомлением мускулатуры.

Для умственной деятельности важны как тренированный мозг, так и тренированное тело. Трудовые процессы планируются заранее, выполнение требует конкретных психофизиологических энергозатрат, соответствующего ума, для получения результата, имеющего значение.

Формирование психологических качеств, средствами физической культуры и спорта

При формировании и совершенствовании отдельных качеств применяются всевозможные педагогические приемы. Размер и сосредоточенность внимания формируются как опыт одновременного выполнения нескольких действий, близких по структуре и выполняемыми в быстром темпе. При этом, постепенно наращивают количество объектов и скорость между восприятием. Переключение внимания формируется несколькими способами: упражнениями на переключение внимания с объекта на объект с предварительным усвоением техники переключений и упражнениями с выделением более весомых объектов из второстепенных; тренировками на скорость переключения внимания с объекта на объект.

Концентрация внимания развивается упражнениями на установку внимания. Устойчивость внимания обеспечивается тренировками, например на выносливость глазодвигательного аппарата. Для качества внимания существуют гимнастические и строевые упражнения. Игры с мячом наиболее эффективно развивают. В таких играх требуется высокая концентрация и внимательность. В волейболе, в процессе игры нужно в одно время следить более чем за 10 объектами и элементами. Принимая мяч нужно определить расстояние до мяча и игроков, следить за своей командой и противниками, выбирать метод подачи и силу, с которой ударить мяч. Продолжительность игры, многообразие тактических ситуаций требуют концентрации и внимания. Вследствие этой игры развиваются нужные качества.

Упражнения для развития объема и распределения внимания: бег (обычный, челночный, с препятствиями), езда на велосипеде, прыжки, метание, гимнастика, жонглирование.

Существенный эффект оказывают [3, с. 5]:

1. Элементы обучения, ведь там формируются поэтапные умственные действия (подходят даже неизвестные трассы для бега).
2. Задачи на тактику, на решение алгоритмов, командные игры, а также игры на раскрытие творческих способностей (бадминтон, баскетбол, теннис и т. д.)
3. Упражнения на развитие наблюдательности и других процессов, связанных с быстрым мышлением (например спортивное ориентирование).

Эмоциональная устойчивость.

Эмоциональная устойчивость обеспечивается путем:

- 1) приобретения опыта в условиях эмоциональной напряженности, совершенствования физиологических процессов адаптации к стресс-факторам;
- 2) выработки навыков, постоянных полезных привычек, самоконтролем в напряженные моменты.

Для решения задач эффективно будет смоделировать стрессовые ситуации и пробовать справляться с ними. Так же нужно бороться с негативными проявлениями эмоций, для этого можно отвлекаться самовнушением,

пробовать дыхательные упражнения, либо просто стараться не обращать внимание на плохое.

Упражнения, направленные на приобретение опыта волевого поведения в условиях эмоциональной напряженности.

Развитие воли

Физические упражнения, виды спорта, требующие преодоления трудностей помогают развить силу воли и систематизацию в выполнении задач.

Инициативность

Формирование этого волевого качества на занятиях физической культурой и спортом воплощается ключевым образом за счет развития навыка инициативного поведения. С этой целью эффективно справляются следующие приемы и средства:

1. выполнение физических упражнений на занятиях одним из множества методик по собственной инициативе;
2. проявление инициативы в проведении разминки с группой;
3. добавление элемента соревнования с другими студентами за наилучшее решение двигательной задачи;
4. выбор своими силами продуманного плана выступления на соревнованиях;
5. спортивные игры, единоборства, эстафеты.

Смелость и решительность.

Развитие данных качеств в большей степени происходит благодаря упражнениям, которые содержат известный риск и требуют преодоления чувства страха и сомнений.

Упражнения на смелость и решительность:

1. Бег в гору с преодолением препятствий.
2. Прыжки в длину и соскоки с специальных снарядов.
3. Ходьба и бег с закрытыми глазами.
4. Прыжки через препятствия.
5. Занятия на батуте.
6. Преодоление специальных полос препятствий.
7. Акробатические прыжки.
8. Прыжки в воду.
9. Тренировка падения на землю, пол.
10. Быстрое нападение в играх.
11. Спаринг с сильным противником.
12. Скалолазание.

Стойкость

Более действующим средством формирования этого качества в процессе физического развития считаются:

Занятия, которые включают элементы решения значительных внешних и внутренних трудностей, выполняются в плохую погоду, в большом объеме, требуют значимого нервного напряжения. При развитии стойкости желательно использовать приемы, увеличивающие эффект применяемых средств: постепенное наращивание усилий, занятия в группе, соревновательный метод, добавление эмоционального фактора, применение различных техник.

Во время развития стойкости нужно тренировать не только волю, но и физически развиваться. В этом случае

нужно строго соблюдать постепенное и адекватное наращивание нагрузок. Иначе может произойти истощение физиологической базы, что в конечном счете плохо отразится на воли.

Упражнения на стойкость [2, с. 5]:

1. Бег в плохую погоду, не на скорость, а на длительность.
2. Кроссовый бег с одним темпом.
3. Кроссовый бег с препятствиями (например по лесу).
4. Соревнования в беге на длинную дистанцию.
5. Плавание на большие расстояния.
6. Преодоление полос препятствий.
7. Борьба с более сильным противником.
8. Длительные пешие и лыжные турпоходы.
9. Лодочные походы.
10. Задержка дыхания на время.

Из-за неподвижного образа жизни, малой физической активности, слабой мышечной структуре передаются импульсы низкой частоты, что ухудшает работу мозга и других внутренних органов. У людей, с таким образом жизни, меньше энергии, хуже здоровье, повышается веро-

ятность желудочных заболеваний, остеохондроза, радикулита. Нарушается обмен веществ, увеличивается масса тела.

Загрязнение окружающей среды может повлиять на генетические изменения. Тренированный организм более устойчив к неблагоприятным условиям внешней среды. Утренняя гимнастика — наиболее распространенная форма физической активности. Атлетика помогает в формировании красивого, пропорционального тела. Ритмическая гимнастика улучшает утилизацию кислорода в тканях организма, повышает работоспособность, улучшает выносливость человека. Плавание улучшает работу внутренних органов, развивает сердечно-сосудистую систему, предотвращает застой венозной крови, обеспечивая ее возврат в сердце. Велосипед отлично справляется в борьбе с лишним весом. Спортивные игры развивают ловкость, вырабатывают двигательную активность.

И, наконец, для улучшения силовых показателей, красоты и увеличения мозговой активности отлично подойдет бег!

Физкультура замедляет процесс старения, улучшает иммунитет, сохраняет нормальную работоспособность.

Литература:

1. Брехман, И. И. Валеология — наука о здоровье/И. И. Брехман. — М., 2010.
2. Васильева, О. С. Книга о новой физкультуре/О. С. Васильева, Л. Р. Правдина. — Ростов н/Д, 2010.
3. Виленский, М. Я. Физическая культура работников умственного труда/М. Я. Виленский, В. И. Ильинич. — М., 2007.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Древнегреческий бог Гермес и адыгейский нарт Уазырмес: об одном культурном заимствовании

Рябчиков Сергей Викторович, генеральный директор

НКО «Фонд Сергея Рябчикова — Исследовательский центр по изучению древних цивилизаций и культур» (г. Краснодар)

В статье автор рассматривает сцены, представленные на ритоне V в. до н. э. и на колпачке IV в. до н. э. из меотских захоронений. Удалось доказать, что адыгейское предание о нарте Уазырмесе, одолевшего великана, восходит к двум древнегреческим мифам, в которых бог Гермес победил гиганта и великана. Изучена индоевропейская лексика, предложены новые этимологии.

Ключевые слова: древнегреческая мифология, нартский эпос адыгов, бог Гермес, нарт Уазырмес, индоарийский язык, меотский язык, скифо-сарматский язык.

Меоты — племена, обитавшие в античную эпоху на побережье Азовского моря, в основном на востоке и на юго-востоке, а также в районе рек Кубани и Дона [2; 5]. Среди них, по данным древних авторов и согласно надписям Боспорского царства, можно выделить синдов, дандариев, зихов, тарпетов (тореатов), обидианов, ситтакенов, досхов и некоторые другие группы.

По мнению О.Н. Трубачева [17], меоты (синды и другие) — это потомки тех индоариев, которые остались на территории своей прародины в Северном Причерноморье, в то время как их соплеменники в разное время ушли в Анатолию (позднее сыгравшие важную роль в формировании элиты государства Митанни) и в Индию. Автор настоящего исследования также предложил интерпретацию ряда меотских слов, включая этнонимы и топонимы, причем их индоарийское происхождение можно считать вполне обоснованным [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Меоты были скотоводами и земледельцами, вели оседлый образ жизни. Поскольку они непрерывно контактировали со скифами и сарматами, несмотря на некоторые самобытные моменты, в меотской культуре появилось много религиозных черт, присущих скифо-сарматской культуре.

Культура Боспорского царства со смешанным греко-варварским населением неизбежно накладывала свой отпечаток в разных областях, в том числе в религиозной сфере, на жизнь меотских племен. Об одном таком греко-меотском феномене, вне территории Боспора, речь пойдет ниже.

Согласно материалам раскопок, в Уляпском кургане № 4 (Адыгея) в меотском захоронении, которое датировано V в. до н. э., был найден серебряный ритон с позо-

лотой, изготовленный выдающимся мастером. Этот шедевр древнегреческого искусства украшен протомой Пегаса. Именно этот артефакт, вернее, обстоятельства его попадания в данную могилу представляют определенный интерес. По-видимому, не только изумительная отделка этого античного сосуда была причиной такого размещения в захоронении, но и определенная культовая цель — указать на бога или богов, которые являлись покровителями меотов в земной жизни и в ином мире.

На позолоченной пластине, опоясывающей этот предмет, изображены шесть сцен гигантомахии [2, с. 140]. Рассмотрим одну из них [2, с. 124, фото], см. рис. 1.

Мы без труда узнали в победителе, который был вооружен лишь кинжалом, древнегреческого бога Гермеса (Ερμης), поскольку в этом поединке он не расстался со своим жезлом — кадуцеем. Гигант Ипполит был повержен им на землю, после чего развязка стала неминуемой. Гермес был обречен на победу, ведь именно он являлся, согласно древним верованиям, проводником душ умерших.

Общепризнано, что в этногенезе адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов) решающую роль сыграли меоты [2]. Попытаемся понять значение неясного термина *токъуз*, также известного в форме *токъумахъ*, в адыгском фольклоре [6, с. 23]. Эти слова условно переведены М.А. и З.Ю. Кумаховыми как «булава». Мы исходим из таких лексических параллелей: ср. древнеиндийские *tejasvin* — «острый; блестящий, сияющий» (сочетание этих значений обусловлено наличием корня *sv*, ср. *svar* — «Солнце»), *tejate* — «заостренный», *tij* — «острый», *tigita* — «острый, колкий», *takş* — «резать», древнегреческое *τεκτων* — «плотник», осетинское *атæхын* — «от-

Рис. 1. Сцена, которая украшает ритон

резать; отрубить; отсечь», русское *точить*. Полагаем, что слово *токъуэ* восходит к скифо-сарматскому **тека* — «кинжал; нож; острое». В таком случае, читаем слово *токъумакъ* как *токъу макъ*, восстанавливая скифо-сарматское выражение **тека Ма* — «кинжал верховной богини огня и Солнца Мы». Действительно, в скифо-сарматском мире оружие считалось огненным [8].

В «Мифологической библиотеке» (I: 6, 2) Псевдо-Аполлора содержатся такие слова: «Гермес, нося на голове шлем Аида, убил в битве Ипполита».

Возможно, что здесь были противопоставлены, с одной стороны, бог скотоводства, каким являлся Гермес, следовательно, мирные пастухи и их стада, а с другой стороны, гигант Ипполит, распрягавший лошадей, в связи с этимологией его имени, и он мог быть своеобразным эхом дорийского нашествия. То есть это было торжество пастушества и торговли, видимо, воображаемое над конницей.

Кроме этого, нам известен древнегреческий миф о том, как бог-громовержец Зевс изменил с жрицей Ио, своей возлюбленной, жене Гере, а затем превратил Ио в белую корову. Гера прислала великана Аргоса (Аргуса) Многоглазого охранять эту корову, и тогда Зевс отправил к ним своего сына Гермеса, и тот убил Аргоса (Псевдо-Аполлор, II: 1, 3).

И снова Гермес выступает как бог скотоводов, который должен позаботиться о волшебной корове. Этимология имени великана прозрачна, ср. древнегреческое *аруос* — «белый». Известно, что в трагедии Эсхила «Прометей прикованный» (570–572) Ио сообщает важные сведения об Аргосе: тот вышел после смерти из царства мертвых

на землю. Маркобий в «Сатурналиях» (I: 12-13) сравнивает Аргоса с ночным звездным небом, что следует истолковывать как сияние звезд на небе ночью. Согласно этому мифу, бог Меркурий (Гермес) в роли Солнца губит звезды с наступлением дня — делает их невидимыми. Итак, выясняется еще одна функция Гермеса: это — солярный бог.

По-видимому, проживая в Боспорском царстве либо приезжая туда по разным делам, некоторые варвары (скифы, сарматы, меоты) слышали мифы древних греков, а затем пересказывали их среди своих соплеменников. Два мифа о Гермесе и великанах-гигантах, которые мы привели выше, могли слиться в восприятии варваров в один миф.

Вспомним, что древнеиндийское *yaśas* (возможно, редупликация исходной формы **yas* или **as*) означает «уважаемый; славный; прекрасный; честь; слава; сияние», которое сопоставимо с древнеиранским («Авеста») *yaz* — «уважение; честь; слава». Иначе говоря, в древнеиранском языке сохранился лишь набор значений исходного слова, имевший отношение к воинской доблести, тогда как в древнеиндийском языке эти значения сохранились, но также сохранилось значение исходного слова, относящееся к сиянию и блеску. Разбирая этимологию русского *ясный*, М. Фасмер сопоставляет его с древнеиндийским *yaśas* — «великолепие; пышность; блеск» [18, с. 565-566]. Кроме того, можно указать на древнегреческое *αζω* — «сушить, жечь» (символика «всего хорошего»). Поскольку мы придерживаемся теории О. Н. Трубачева о том, что меоты были индоариями, можно вполне резонно предположить, что меотское **ac* означает «сияющий; славный; пре-

красный и т. п». И вот, представим себе: меоты в своей среде слышали слова *Ас (Аз) Ермес — «Сияющий (солярный) Гермес» или «Славный Гермес». Ознакомившись с легендами адыгов, в этом выражении можно услышать имя нарта (героя) по имени *Уазырмес*.

В самом деле, в адыгском нартском эпосе сохранился такой сюжет [3, с. 252-253]: «Жили два брата, Имыс и Уазырмес. В отсутствие Имыса его жена воспылала страстью к Уазырмесу. Уазырмес вынужден был покинуть свой дом и поселиться в дремучем лесу. Он жил в шалаше, сделанном из звериных шкур, питаясь дичью. Однажды вечером, когда Уазырмес варил себе на костре хлебку и в ожидании ужина играл на пшине, он услышал страшный шум и увидел, что по лесу движется чудовище. Оно вырывало с корнем огромные деревья, вгоняя их вершинами в землю, рушило скалы. Лесные звери разбежались в страхе во все стороны. Чудовище оказалось великаном с головой человека и туловищем зверя. Из груди у него торчал обнаженный меч. Лесной великан вошел в шалаш Уазырмеса. Тот встретил его, не произнеся ни слова; «молча указал он лесному великану на пенек, приглашая присесть, молча отрезал ему кусок мяса и разделил с ним свой ужин». Уазырмес не отвечал великану на его вопросы. Когда великан вышел, Уазырмес «положил на свое ложе пень, укрыл его буркой, а сам притаился с луком наготове». Ровно в полночь лесной великан вошел в шалаш и, приняв накрытый буркой пень за нарта, повалился на него и мечом, торчащим из его груди, пронзил пень насквозь. Уазырмес выстрелил в чудовище из лука, а затем ослепил его».

При всем отличии древнегреческих мифов о Гермесе от адыгейского повествования о Уазырмесе в этих сюжетах имеется, несомненно, общее ядро. Как мы помним, Гермес с чертами солярного бога противостоял великану Аргосу, который представлял собой ночное небо, усеянное звездами. Уазырмес варил еду на костре (связь с огнем, светом, сиянием) ночью, и в это время к нему пришел великан.

Мы предлагаем такие лексические параллели: ср. древнеиндийское *agni* — «огонь», хеттское *agniš* — «огонь», курдское *agir* — «огонь», осетинское *ag* — «котел», адыгейское *яжэ* — «зола», русские *огонь* и *очаг*; *Рада (Pama)* — «скифо-сарматская богиня огня и Солнца», латинское *ardeat* — «сгорать», осетинские *арт* — «огонь», *арттивд*, *арттивын* — «блеск», адыгейское *лыдын* — «сиять», русское *ладно* («хорошо»); *Ма* — «скифо-сарматская богиня огня и Солнца», древнегреческое *оцца* — «свет; блеск; сияние; глаз; взгляд», адыгейские *мафлэ* — «огонь», *мафэ* — «день», кабардинское *маскIэ* — «уголья», русское *маячить* (виднеться, будучи освещенным); *Табити* — «скифо-сарматская богиня огня и Солнца», древнеиндийские *tap* — «нагревать», *tāpana* — «Солнце; освещающий; горение», курдское *tav* — «Солнце», осетинское *тыбар-тыбур* — «блеск» (удвоение словоформы), адыгейское *тебэ* — «сковорода», русские *теплый*, *растопить*; древнеиндийские *dah* — «жечь, сжигать», *dahana* — «огонь», древнеиран-

ское («Авеста») *dahma* — «хороший» (< **dah* — «жечь, сжигать»), кабардинское *дыггэ* — «Солнце», адыгейское *тыггэ* — «Солнце», древнерусское *Дажьбогъ* — «бог Солнца»; древнеиндийское *tara* — «огонь», древнеиранское («Авеста») *atar* — «огонь», древнегреческое *θαλτω* — «жечь; нагревать».

Каждый из героев, и Гермес, и Уазырмес, в конце концов, одержал победу. Еще несколько замечаний, исходя из древнегреческой мифологии [4, с. 44-45]. Вскоре после своего рождения, Гермес, сын Зевса и Майи, похитил стадо коров, принадлежавшее Аполлону, причем он принес в жертву двенадцати богам (вероятно, неким календарным символам), в том числе и самому себе, двух коров, а их шкуры повесил на входе в пещеру, где тогда проживал. Шалаш Уазырмеса, накрытый звериными шкурами, — подобие пещеры Гермеса, украшенной снаружи коровьими шкурами. Гермес хранил в пещере лиру, которую он смастерил из черепашьего панциря и коровьих кишок, под овечьей шкурой. А в приведенном выше рассказе про Уазырмеса, тот использовал бурку, одежду горцев, изготавливаемую, как правило, из овечьей шерсти, в качестве подмены, будто бы это был он сам, чтобы принять удар мечом от ночного непрошеного гостя.

Отметим, что имя Гермеса не этимологизировано, и, возможно, баран как-то обозначал этого бога. Известно, что у Гермеса был эпитет Кривоногий — «Несущий барана». Кроме того, Павсаний в «Описании Эллады» (IX: 22, 1-2) сообщил древнегреческий миф о том, как Гермес спас город от страшной болезни, пронеся вокруг него ягненка. Само имя Гермеса можно предположительно восстановить как **E r(a)m* — «(Происходящий) от барана», ср. древнеиндийское *e* — «происходить из, от», латинское *a* — «от», древнегреческое *εκ* — «из», древнеиндийские *remi* — «баран», *ramb* — «ягненок», английские *ram* — «баран», *lamb* — «ягненок». При этом кабардинские *мэл*, *мэлы* — «овца», адыгейское *мэлы* — «овца» могли быть образованы из основы **ram* (**lam*) посредством языка меотов с помощью метатезы. Но ср., в этой связи, древнегреческое *μλον* (дорийское *μλον*) — «овца». Обратимся к надписи ΡΥ 172 = Тп 316 на микенском древнегреческом языке [19, р. 126; 7, с. 291; 361-362, № 13]. Здесь имеется такая фраза — *E-ma-a₂ A-re-ja*, причем установлено, что, по правилам написания слов при помощи линейного письма Б, первое слово передает древнюю форму имени бога Гермеса (*Ermaai*). Значение второго слова в этой фразе до сих пор оставалось непонятным. Если мы примем нашу этимологию имени божества, то сможем понять его эпитет: *Areja* — «Баран; ягненок» или «Относящийся к барану или к ягненку», ср. древнегреческие *αρη* — «баран; ягненок», *αρειος* — «баран», латинское *aries* — «баран» и русское диалектное *ярка* — «овечка». Возможно, что в микенском древнегреческом языке производными слова *areja* являются слова *arejo* (KN Vc 208) и *areijo* (KN 213).

Заметим, что в древнеиндийской мифологии, согласно «Ригведе» (I: 51, 1), баран — это прославленный бог-гро-

мовержец Индра, соотносимый с древнегреческим богом-громовержцем Зевсом. Поэтому Гермес был, очевидно, связан с культом барана — символом плодородия и изобилия — на уровне некогда единой индоевропейской культуры.

Еще одно наше наблюдение касается этимологии слова *ас*, при помощи которого назывался представитель племени алан — предков осетин; по мнению В.И. Абаева, «происхождение самого термина *ас* не ясно» [1, с. 79-80]. Получается, что слово *ас* (*as*), исходя из нашей интерпретации, предложенной выше, означает «сияющий; славный».

Согласно О.Н. Трубачеву [17, с. 57], слово *рокс-, сохранившееся в названии племени роксолан (этноним, одно из названий алан-сарматов) — в латинской форме *Rhoxolanoi* и в древнегреческой форме Ρωξολανοι, — сопоставимо с древнеиндийским *rukṣa* — «сияющий; блестящий». Получается, что скифо-сарматское выражение *рокс-алан-и означает «сияющие аланы». Но ведь мы показали выше, что слово *ас* означает «сияющий, славный». Так роксоланы или рокс-аланы стали называться термином с тем же значением — асами.

Мы убеждаемся в том, что теория О.Н. Трубачева об индоарийском происхождении меотов себя оправдывает. Можно с уверенностью утверждать, что для реконструкции скифо-сарматского языка надо привлекать не только данные иранских языков, но и данные древнеиндийского языка.

Обратимся теперь к материалам раскопок меотского захоронения IV в. до н. э. в Курджипском кургане (Адыгея). В могиле знатных воинов был обнаружен следующий погребальный инвентарь: четыре амфоры, золотые бляшки с изображениями грифонов [2, с. 136-137]. Можно высказать предположение, что эти амфоры были предназначены для вина или для смеси вина с медом (таким мог быть рецепт приготовления священного напитка — сомы). Грифоны символизировали бога-громовержца, в образе которого прославленные покойники отправились в небесные просторы на свадьбу-смерть с верховной богиней Солнца и огня [13].

В этой могиле были также найдены четыре золотых колпачка [2, с. 170, фото]. Можно предположить, что эти предметы — миниатюрные сосуды для священного напитка. Рассмотрим изображение на одном из них, см. рис. 2.

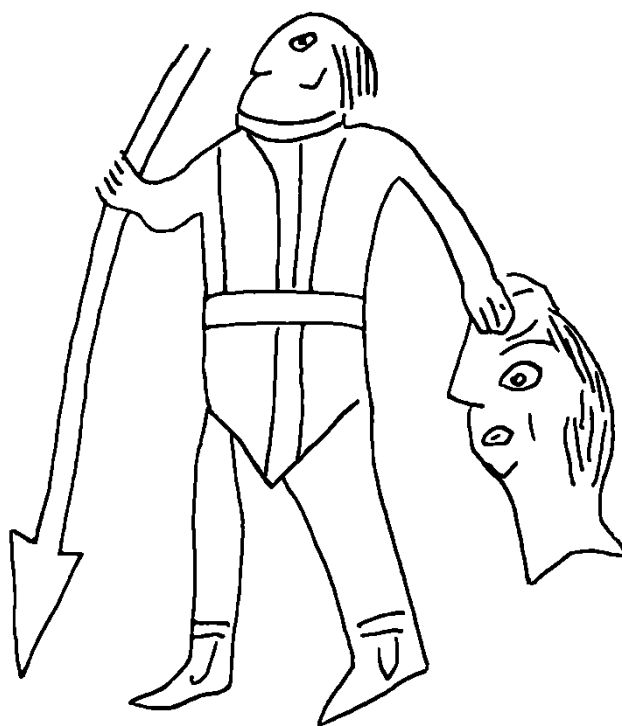

Рис. 2. Сцена, которая украшает колпачок

Здесь представлен славный воин, который держит в правой руке копьё. Это — меотский бог Ас-Ермес (Аз-Ермес). В левой руке он держит за волосы отрубленную голову великана-гиганта.

Мы предлагаем такие лексические параллели: ср. древнеиндийское *sphya* — «палка (похожая на меч) для совершения жертвоприношений», немецкое *Pike* — «копье», адыгейское *пчы* — «копье», русское *ника*; древнеиндийское *mṛta* — «мертвый; умерший; труп;

смерть», курдское *miri* — «мертвый», адыгейское *амалынчъ* — «бессильный; беспомощный», русские *умирать, мертвый, смерть, мор, Мара* — «мифический персонаж, связанный со смертью»; древнеиндийские *i* — «идти», *naga* — «гора» и адыгейское *иныжь* — «великан»; древнеиндийское *tak* — «наильно увлечь» и адыгейское *теклуэн* — «одолеть», древнеиндийское *pālaka* — «защитник» и адыгейское *пэлъэцын* — «одолеть». О.Н. Трубачев восстанавливает индоарийское (скиф-

ское, меотское) **pālaka* — «защитник», сохранившееся в имени скифского царя (Палакос) [17, с. 50].

Совершенно очевидно, что культ Ас-Ермеса (Аз-Ер-меса), т. е. «Сияющего Гермеса» или «Славного Гермеса», бога-победителя и защитника, приносящего богатство и изобилие, тогда уже прочно вошел в жизнь меотов. В адыгском нартском эпосе этот персонаж фигурирует под именем *Узырмес*.

Подведем итоги нашему исследованию. Мы приходим к заключению, что меоты усвоили основные моменты мифов о древнегреческом боге Гермесе. Они почитали его в качестве своего бога Ас-Ермеса или Аз-Ермеса, покровителя скотоводства и торговли, а позднее этот бог стал называться Узырмесом в нартском эпосе адыгов, народа, который сформировался из различных меотских племен.

Литература:

1. Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. — Т. I — Москва — Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1958.
2. Анфимов, Н. В. Древнее золото Кубани. — Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1987.
3. Вирсаладзе, Е. Б. Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. — Москва: Наука, 1969. — с. 245-254.
4. Грейвс, Р. Мифы древней Греции. — Москва: Прогресс, 1992.
5. Каменецкий, И. С. История изучения меотов. — Москва: ТАУС, 2011.
6. Кумахов, М. А., Кумахова, З. Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. — Москва: Наука, 1985.
7. Лурье, С. Я. Язык и культура Микенской Греции. — Москва — Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1957.
8. Рябчиков, С. В. Огненное оружие славян, скифов и сарматов // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. — Омск: Издательство Омского педагогического университета, 2004. — с. 225.
9. Рябчиков, С. В. Амазонки, гаргарейцы и аримаспы: мифы и реальность // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2005. — № 4 (4). — с. 131-140.
10. Рябчиков, С. В. География Боспора и варваров: новые источники // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2005. — № 5 (1). — с. 55-71.
11. Рябчиков, С. В. О верованиях скифов, саков, массагетов и синдов // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2006. — № 9 (2). — с. 33-36.
12. Рябчиков, С. В. О верованиях скифов, сарматов и меотов: новые источники // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2007. — № 15 (5). — с. 138-148.
13. Рябчиков, С. В. О скифо-сарматских верованиях в Ольвии и на Боспоре // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. — 2009. — Т. XV. — с. 160-163.
14. Рябчиков, С. В. Материалы и исследования по истории Скифии // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2010. — № 27 (4). — с. 27-35.
15. Рябчиков, С. В. Индоевропейская основа *kop — // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2010. — № 27 (4). — с. 88-92.
16. Рябчиков, С. В. Грифон как идеологический символ (скифы, сарматы, меоты) // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». — 2013. — № 34 (3). — с. 8-14.
17. Трубачев, О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. — Москва: Наука, 1999.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. — Т. IV. — Москва: Прогресс, 1987.
19. Ventris, M., Chadwick, J. Documents in Mycenaean Greek. — 2nd edition. — Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

К вопросу о неологизации в русском языке

Рузметова Юлдуз Шухратовна, студент магистратуры;
Джуманиязова Саломат Рузметовна, кандидат педагогических наук, доцент
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

В статье рассматриваются недавно пополнившие словарный состав русского языка неологизмы. Поясняется значение наиболее активно употребляемых слов, объясняются причины и пути их заимствования.

Ключевые слова: словарный состав языка, неологизм, заимствование, лексика.

В последнее время словарный состав русского языка обновляется в быстром темпе, постоянно совершенствуется. Это связано с тем, что язык всегда развивается вместе с жизнью, реагирует на изменения окружающего нас мира и зависит от стремительных реформ в обществе. Такова природа языка.

Словарный состав всех языков мира характеризуется одним и тем же явлением: со временем многие слова уходят, а многие входят в активный словарный запас носителей русского языка. И неологизмы, которые являются единицами языка, по праву отражают актуальное состояние лексического состава.

А. А. Брагина отмечает, что пополнение словаря современного языка происходит внешними и внутренними путями. Внешние причины характеризуются входением в язык новых понятий, явлений и предметов, например: мультиварка, айфон, удалёнка, самоизоляция. Внутренние факторы выражаются внесением нового эмоционального оттенка уже существующим предметам: быстрый стрелок — снайпер [1, с. 62].

Человек XXI века не представляет жизнь без интернета, без новейших информационных технологий, социальных сетей и т.п. В жизни современного общества происходят большие изменения, всё вокруг развивается в больших скоростях. Люди постоянно в движении: они изобретают, строят, создают. Новациям со стороны языка даются названия, вступают в новую лексику и входят в группу неологизмов. Неологизмы — это и есть слова, которые созданы для наименования новых предметов, признаков, действий, явлений.

Активный словарный запас современного общества постепенно расширяется, и причиной этому становятся интернет, социальные сети, телевидение. Надо признаться, что сейчас мы знакомимся с новыми словами именно через всемирную сеть, потому что они там и появляются, и оттуда же идёт приток новых понятий.

В сегодняшний день в обычной странице поисковиков или социальных сетей можно часто обнаружить такие слова, как дедлайн, локдаун, демо, репост, чат-бот, вебинар, веган и многие другие.

Слово «дедлайн» вступило в речь с английского языка (deadline — мёртвая линия) и обозначает последний срок завершения работы над проектами или определёнными заданиями, конкретный момент времени, к которому она должна быть выполнена.

Слово «локдаун» (lockdown) обозначает режим изоляции в случае чрезвычайной ситуации, стихийного бедствия или эпидемии. Людям запрещается свободно передвигаться, входить или выходить из здания или определённой территории в связи сложившихся неблагоприятных условий.

Со временем всё больше популярным становится слово «демо», которое обозначает подготовительную версию созданного продукта. Она бывает часто бесплатной и урезанной. К примеру, это может быть компьютерная игра или мобильная программа.

Те, кто намного больше пользуются социальными сетями, часто встречают такое слово, как «репост». Репост с каждым днём становится одним из основных видов активности в социальных сетях и означает передачу поста одного пользователя другим.

В сфере информационных технологий одним из часто используемых слов является «чат-бот». Чат-бот — это виртуальный собеседник, программа, который принадлежит определённой компании или фирме. Он помогает выяснить потребности пользователей и удовлетворить их.

Каждый, кто работает в сфере науки сталкивался с таким понятием, как «вебинар». Вебинар — это новейшая технология, которая позволяет проводить конференцию, совещание или обучающее занятие в режиме онлайн, то есть с помощью интернета и в момент его про-

ведения участники могут находиться в любом уголке мира.

Наша сегодняшняя жизнь богата новшествами. С появлением и изобретением новых предметов и понятий появляются новые профессии. Например, все более популярной становится профессия веб-дизайнера. Веб-дизайнер — специалист, который занимается созданием веб-ресурсов и обеспечением удобства их использования.

Теперь почти все бизнесмены или люди, занимающиеся торговой сферой деятельности, нуждаются в такой новейшей профессии как SEO-специалист. SEO (от англ. Search Engine Optimization — поисковая оптимизация) — это комплекс мер, предназначенных для усовершенствования, развития и улучшения сайтов или профилей соци-

альных сетей для их ранжирования в поисковых системах. SEO-специалист развивает и продвигает сайты и профили пользователей в поисковых системах.

В настоящее время каждому пользователю социальных сетей известна такая профессия, как блогер. Блогеры — это интернет-пользователи, которые с определенной целью ведут собственные странички, профили, каналы или сайты и имеют определенное количество подписчиков, и тем самым зарабатывают на этом непосредственно через рекламы.

Согласно Н. М. Шанскому, неологизмы — это новые лексические единицы, которые возникают на основе потребности общества в наименовании нового предмета, понятия или явления и носят ощущение новизны речи носителей языка. [2, с. 158]

Литература:

1. Брагина, А. А. Неологизмы в русском языке. — М.: «Просвещение», 2000.
2. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964.

Философия и поэтика любви в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Расстались мы; но твой портрет...»

Стеценко Оксана Анатольевна, студент магистратуры

Арзамасский филиал Нижегородского государственного научно-исследовательского университета имени Н. И. Лобачевского

В статье предлагается опыт анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Расстались мы; но твой портрет...» (1837), в котором акцентирована философия и поэтика любовного чувства поэта, связанного с его богоборческим бунтарством.

Ключевые слова: Лермонтов, лирическая миниатюра, любовь, философия, поэтика, богоборчество.

Практически все шедевры любовной лирики Лермонтова, как отмечают многие исследователи художественного наследия поэта, были созданы им в так называемый первый период творчества (1828-1837 гг.) (см.: [1; 2; 4; 5; 6]). Любовная тематика не просто доминирует в произведениях Лермонтова той поры — сами художественные принципы ее воплощения, ее пафос и идейная направленность обусловлены теми устойчивыми чертами авторского сознания, где с явной очевидностью проступает *символическая мера*, которую поэт предъявлял и своему чувству любви, и духовному облику женщины, к которой это чувство обращено. В наиболее, так сказать, «чистом виде» такая *символическая мера*, определяющая философское содержание чувства любви поэта, предстает, на наш взгляд, в одном из ранних и, пожалуй, далеко от художественного совершенства стихотворений «Как дух отчаянья и зла...» (1831?).

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего [3, т. 1, с. 252].

Поэтические парадигмы «моя душа — твой храм» и «божество — твой образ» в несколько видоизмененном виде станут структурной и содержательной основой «ударной», афористической концовки сначала стихотворения «Я не люблю тебя; страстей...» (1831), а затем — «Расстались мы...» (1837): «Так храм оставленный — все храм, // Кумир поверженный — все Бог!»

Повторное употребление этих строк с новой сюжетной «надстройкой», наверное, может свидетельствовать не только о художественном изяществе фразы, как бы провоцирующем поиск столь же поэтически изящного ее «дополнения», лирического расширения, но и о найденной идеальной формуле в выражении той самой символической меры чувства любви.

Лирическую миниатюру «Расстались мы...» вполне можно считать своего рода идейно-художественным итогом

духовных исканий лирического «я» в сфере любовных переживаний поэта. В пользу подобного утверждения свидетельствует тот факт, что в единственном прижизненном авторском сборнике стихотворений Лермонтова, изданном в 1840 г., миниатюра «Расстались мы...» фактически служит финальным аккордом этой небольшой (2 поэмы и 26 стихотворений) поэтической книги, в которую, кстати сказать, не вошло стихотворение «Парус», ставшим «эмблематическим текстом русской культуры» [7]. Стоит отметить при этом, что произведения любовной тематики в данном издании практически не представлены. Стихотворения, собранные здесь, как справедливо отмечает С.И. Кормилов, «не группировались по жанрам или темам, но напечатанные первыми явно рассматривались как программные» [2, с. 21; курсив наш. — О. С.].

Приведем текст интересующего нас стихотворения.

Расстались мы; но твой портрет

Я на груди моей храню:

Как бледный призрак лучших лет,

Он душу радует мою.

И новым преданный страстям,

Я разлюбить его не смог:

Так храм оставленный — все храм,

Кумир поверженный — все Бог! [3, т. 2, с. 94].

Пространственно-временная организация этого лермонтовского шедевра, несмотря на его небольшой объем, поистине уникальна. Нашему взору открывается целая судьба человека, который в опыте прожитой жизни стремится безошибочно угадать свое будущее. Время для художественного «я» стихотворения здесь не существует вне событий, поочередно сменяющих друг друга (*расстались мы — храню портрет — разлюбить не смог*). И уже в этом поступательном движении чувствуется та фатальная обреченность бытия лирического субъекта, воспринимаемая и как субъективная закономерность, которая утверждается афористическим финалом. Смежные мужские рифмы, четкое и твердое звучание фраз, усиленное четырехстопным ямбом, укрепляют энергичную мужественную тональность произведения.

Следует указать и на оригинальное использование поэтом в стихотворении «Расстались мы...» такого средства художественной выразительности, как синтаксический параллелизм. Дело в том, что в миниатюре Лермонтова подобный параллелизм строфный. Оба четверостишия в синтаксическом плане построены по одному и тому же принципу: сначала указывается следствие, а затем называется его причина. В силу этого явлениями одного смыслового поля, соотносенными друг с другом в структуре текста, предстают поэтические образы, которые в культурно-мифологическом аспекте по своей семантике совершенно разнородны. Вместо «законной» в этом отношении оппозиции: «душа», «храм», «Бог» — «бледный

призрак», «кумир», в произведении наличествует явный синтез названных поэтико-художественных категорий. Подчеркнем, что здесь не неразличение разности понятий «кумир» и «Бог», а их сознательное восприятие поэтическим «я» Лермонтова как онтологического единства, в принципе отменяющее возможное взаимозамещение данных оппозиционных понятий, причем, несомненно, ключевых в христианской этике.

Нельзя не заметить и то, что чувство любви лирического субъекта обращено не к женщине, а к ее художественному изображению — портрету, который в этом произведении является новой поэтической формой объективации идеального представления лирического «я» Лермонтова о любимой женщине. Портрет — это *совершенная* во всех смыслах ипостась того же ангела из стихотворения «Я не унижусь пред тобою...» («*Иль женщин уважать возможно, // Когда мне ангел изменил?*»), так как образ его возлюбленной, запечатленный дважды — в медальоне и в слове и получающий предельно субъективный характер своего бытования, может подчиняться только воле его творца. Творение Бога и творение поэта не исключают, а взаимоподчиняют друг друга. И в этой лирической «дерзости» Лермонтова-поэта, стремящегося к земному воплощению своей отнюдь не земной символической меры любви, скрывается богоборческий порыв человеческого «я», неспособного жить по каким-либо установлениям, кроме установлений собственного сердца.

Но подобное духовное бунтарство в художественном сознании нередко контрастирует с покаянной рефлексией лирического «я» поэта, порожденной подлинно христианским осмыслением своих творческих устремлений. Она характерна и для ранних произведений Лермонтова:

Не обвиняй меня, всесильный,

И не карай меня, молю,

За то, что мрак земли могильный

С ее страстями я люблю... <...>

За то, что мир земной мне тесен,

К тебе ж проникнуть я боюсь,

И часто звуком грешных песен

Я, Боже, не тебе молюсь [3, т. 1, с. 73];

и она же без труда угадывается в его поздней лирике:

Но пред судом толпы лукавой

Скажи, что судит нас иной,

И что прощать святое право

Страданьем куплено тобой [3, т. 2, с. 176].

И в этом отношении кажется совсем не случайным, что в рукописях поэта лирическая миниатюра «Расстались мы...» находится на обороте стихотворения «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»). В таком сближении, наверное, заключена сама суть творческого духа Лермонтова, его художественной философии, определяющей характер лирического самовыражения поэта.

Литература:

1. Журавлева, А. И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 285 с.

2. Кормилов, С. И. Поэзия Лермонтова. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 128 с.
3. Лермонтов, М. Ю. Сочинения: В 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957.
4. Максимов, Д. Е. Поэзия Лермонтова. — М.; Л.: Наука, 1964. — 266 с.
5. Мир Лермонтова: Коллективная монография/Под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. — СПб.: Скрипториум, 2015. — 976 с.
6. Фохт, У. Р. Лермонтов: Логика творчества. — М.: Наука, 1975. — 189 с.
7. Юхнова, И. С., Пяткин С. Н. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» в русской культуре // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 65. — с. 158-168.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ О'ЗБЕКISTON

Библионимларнинг трансонимизацион функцияси

Ақманова Шахноза Алимбоевна, мустақил тадқиқотчи
Урганч давлат университети (Ўзбекистон)

Ушбу мақолада библионимларнинг трансонимизацион функцияси, яъни библионимлар асосида яратилган ойкодомонимлар, артионимлар, фильмлар, қўшиқлар номлари таҳлил қилинган.

Калит сўзлар: идеоним, библионим, трансонимизация, функция, артионим, иллюстрация, миниатюра.

Трансонимизационная функция библионимов

Акманова Шахноза Алимбоевна, самостоятельный соискатель
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

В данной статье анализируется трансонимизационная функция библионимов, т. е. названий ойкодомонимов, артионимов, фильмов, песен, созданных на основе библионимов.

Ключевые слова: идеоним, библионим, трансонимизация, функция, артионим, иллюстрация, миниатюра.

Transonymization function of biblionyms

This article analyzes the transonymization function of biblionyms, oikodomonyms, artionyms, names of movies, songs created on the basis of biblionyms.

Keywords: ideonym, biblionym, transonymization, function, artonym, illustration, miniature.

Тилда атоқли отларнинг бир объектдан иккинчи объектга ўтиш ҳодисаси кўп кузатилади. Бир турдаги атоқли отнинг бошқа турдаги атоқли отга айланиш ҳодисасига трансонимизация дейилади [4, б. 377]. Бир нечта тадқиқотчиларнинг трансонимизация юзасидан олиб борган тадқиқотларини кузатар эканмиз, жаҳон тилшунослигида трансонимизация ҳодисаси вужудга келишидан олдин ономастик лугатларда турли тоифадаги бир хил номлар алоҳида-алоҳида берилганлигини, трансонимизация универсал ҳодиса сифатида ана шундай чалкашликларга барҳам берганлигини таъкидлайдилар [7].

Кўпгина ономастик бирликлар қаторида библионимлар [5, б. 21] ҳам нафақат бадий асарга қўйилган номинатив бирлик, шу билан бирга улар лингвистик бирлик сифатида халқнинг маданияти ва маънавияти тўғрисида гувоҳлик беришга хизмат қилади. Библионимлар ўзига хос хусусиятларга эга бўлган ҳодиса сифатида ёзма нутқ тараққиёти жараёнини кузатиш

учун қимматли манба бўлиб хизмат қилади. У ёки бу даврда кенг тарқалган библионимлар ўз тузилиши билан ўша давр тили маромларини аниқ акс эттиради ва тил тарихида муҳим ўрин тутди [6]. Шу нуқтаи назардан библионимларда ҳам трансонимизация ҳодисаси мавжудки, бадий асар номлари бошқа ономастик бирликларга кўчган. Библионимлар, асосан, ҳайкаллар, тасвирий санъат асарлари, филмлар, спектакллар, мусиқа ва қўшиқ номларига кўчганлигини кўриш мумкин.

Тилшунос Н. Подольская «Рус ономастик терминлари» лугатида «Артионим — идеонимия тури, санъат асари номи (рангтасвир, графика, пластика санъати, ҳайкал, мусиқа, кино, театр) ни ифодалаши»ни [8] келтирса, Э. Бегматов «Артионим — тасвирий санъат асарлари (ранг-тасвир, графика, пластика ва бошқа) атоқли оти»лигини таъкидлайди [3, б. 46]. Н. Подольскаянинг ва Э. Бегматовнинг (ва бошқа деганда олим мусиқа, кино, театрни назарда тутган эҳтимол) изоҳларига кўра

библионимларнинг трансонимизациялашув ҳодисасини, асосан, артионимларда кузатиш мумкин.

Артионимлар ичида тасвирий санъат асарлари «тилсиз санъат» деб юритилади. Рассомлар бадиий асарда ифодаланган ғоя ва мазмун муштарақлигини турли чизгиларда акс эттиради. У муҳим ижтимоий мазмун ва ранг-баранг ғоявий вазибаларига эга. Сюжетни ўқувчи рангтасвирнинг ифода воситалари, копозицияси, ранг, ритм орқали амалга оширади. Бундай санъат асарлари номлари айнан библионимлар асосида қўйилганлиги бу нафақат, рассомнинг, балки бадиий асар муаллифининг ҳам ютуғи ва рағбати ҳисобланади.

Шарқ уйғониш даврининг етук санъаткори, ғарбда «Шарқ Рафаели» деб тан олинган Камолиддин Беҳзод ушбу «тилсиз санъат»нинг бетақдор наъмуларини

яратди. Улуғ шоир Алишер Навоийнинг назарига тушиб, унинг ҳомийлигида камолга етгани Камолиддин Беҳзодни буюк мусаввир сифатида дунёга танитди, десак муболаға бўлмайди. Беҳзод миниатуралари унинг тириклигидаёқ ва айниқса, ундан сўнг мусулмон шарқида ва ғарбда ҳам бу санъатнинг энг олий ютуғи деб тан олинди ҳамда энг қимматли санъат асарлари сифатида машҳур бўлиб кетди. У маълум тарихий жараён, наср ва назм ичида камолга етиб, ана шу бадиий асарлар ва воқеликларни чизгиларда акс эттирди. Шарафиддин Али Яздийнинг «Зафарнома», Абдурахмон Жомийнинг «Саломон ва Ибсол», Хусрав Деҳлавийнинг «Хамса», Саъдийнинг «Гулистон», «Бўстон», Низомий Ганжавийнинг «Хамса», Абдуллоҳ Хотифийнинг «Темурнома» каби асарлари библионимлари асосида худди шу номларда миниатуралар яратди.

Санъат турларидан яна бири иллюстрация ҳозирги кунда ривожланиб бораётган санъат турларидан ҳисобланади. «Иллюстрация — лотинча кўргазмали тасвирлаш, ёритиш маъносини англатади. Иллюстрация предмет, жараён ҳодисаларни символлар ёрдамида ифода қилиш бўлиб, одатда, у плакатлар, карта, портрет, фотография, расм, чизма, график ва бошқаларни ўз ичига олади. Улар оқ-қора ёки рангли расмлар, сурат, шаклида бўлиб, ки-

тобдаги асар мазмунини осон ва тез идрок этишга ёрдам беради [2]. Санъатнинг бу тури асосидаги артионимлар бадиий асарлар ғояси ва сюжетини очиб беришда ўзига хос рамзий характерга эга. Оташқалб шоира Зулфия-хоним асарлари асосида рассом Х. Худойбердиева сермаҳсул ижод қилган. Унинг «Баҳор келди сени сўроқлаб» библионими асосида яратган артионимларидан намуналар келтирамиз:

Библионимлар асосида яратилган артионимлар айниқса, ғарбда жуда кенг ёйилган ва кишилар томонидан қадрланади. Эндиликда ўзбек бадиий асарлари асосида ҳам ана шундай юксак даражадаги асарлар яратилиши шубҳасиз. Рассомнинг ранги, дунёқараши ва айниқса, кузатувчи талаб қиладиган бадиий асарнинг ўзига бўлган

иштиёқ буларга янада ҳаёт бағишлайди. Бинобарин, адабий асарлар билан биргаликда шу асарлардан илҳомланган тасвирий санъат асарлари асосида юксак даражадаги визуал ишларни амалга ошириш мумкин.

Кузатишлар натижасида библионимларнинг ҳайкал номларига кўчганлиги ҳам маълум бўлди.

Иккинчи жаҳон уруши йилларида турли миллатларга мансуб бўлган 15 нафар болани ўз қанотига олган Шоаҳмат ва Баҳри Шомаҳмудовлар оиласи жамланган ҳайкал ҳақида Раҳмат Файзийнинг «Его величество человек» романи асосида кинорежиссор Шухрат Аббоснинг «Сен етим эмассан» кинофильми тасвирга олинган ва бу фильм турли халқлар орасида севиб томоша қилинади. Асраб олинган болалар орасида рус, беларус, молдаван, яҳудий, латиш, татар, қозоқ миллатларига мансуб болалар бўлган. Ғафур Ғулумнинг «Сен етим эмассан» шеъри библионимини кинорежиссор ушбу фильмга ном сифатида танлайди. Шунингдек, ҳайкаллар ҳам мазкур ном билан юритилади. Пойтахтимизда жойлашган Халқлар дўстлиги санъат саройи майдонида ушбу ёдгорлик кўпчилигининг эътиборини ўзига жалб қилиб келмоқда.

Шоир Матназар Абдулҳакимнинг «Дарсдан сўнг» шеърига атаб Қорақалпоғистон Республикасининг Эллиқалъа тумани Бўстон шаҳрида ҳайкал ўрнатилган. Ўзбекистон халқ шоири Абдулла Орипов мазкур ҳолатдан жуда таъсирланган ҳолда «Мен шунча юрт кезиб, муаллимга, шеърга қўйилган ҳайкални фақат Эллиқалъада кўрдим» дейди. Устозларни ёвузлик, хиёнат, разолат «қашқирлари»дан ҳимоя қилишга ундаган шеър ҳақиқатда ҳайкал қўйишга муносиб.

Яна бир машҳур библионимлардан бири Ғафур Ғулумнинг «Шум бола» қиссаси библионими ойқодонимга кўчганлигини кўриш мумкин. Урганч шаҳридаги машҳур объектлардан бири 10 йиллар давомида «Шум бола» номи билан аталди. Шунингдек, мазкур библионим асосида Ш. Аббосов томонидан «Шум бола» сценарийси ёзилиб, режиссорлар М. Толипов ва К. Маҳмудовлар томонидан кинофилм суратга олинган. Кўринадики, библионимлар кино ва театр асарлари номларига ҳам кўчиб трансонимизациялашади.

«Сценарий» — италянча сўз бўлиб, кинода, телевиденида, театрларда қўйиладиган песалар, оммавий томо-

шалар дастури, режаси, сюжет схемаси, кириш ва чиқиш вазиятидир [1, б. 3]. Сценарий ҳам тасвир кўлами ва воқеалар ривожини нуқтаи назаридан яқдил бадиий асарни ифодалайди.

Маълумки, XIX аср охири — XX аср бошларига келиб Ўзбекистонда театр жадидлар учун ўз ғояларини халқ оҳангига тушунарли ва таъсирчан усулда амалга оширишга айланди. Бир вақтнинг ўзида кўпчиликка таъсир қилувчи санъатнинг бу тури ривожига Бехбудий, Авлоний, Фитрат, Мунавварқори каби алломаларнинг ҳиссаси катта. Бехбудий қаламига мансуб «Падаркуш» драматининг саҳналаштирилиши эса ўша даврдаги энг катта ҳодисалардан бири бўлган.

Абдулла Қодирийнинг «Ўтган кунлар» романи асосида С. Муҳаммедов «Ўтган кунлар» кинофилми сценарийсини ёзган ва ушбу сценарий асосида режиссор С. Саидов кинофилм ишлаган. Ушбу филм кўп йиллардан бери нафақат халқимизнинг, балки хорижликларнинг ҳам сеvimли кинофилмига айланган.

Қуйидаги мисоллар ҳам библионимларнинг трансонимизация хусусиятларига мисол бўла олади: «Шайтанат» (Тоҳир Малик) роман номи, сериал номи, шеър номи, кўшиқ номи (хонанда Азим Муллахонов); «Чархпалак» (Шароф Бошбеков) роман номи, сериал номи, шеър номи, кўшиқ номи; «Баҳор қайтмайди» (Ўткир Ҳошимов) қисса номи, видеофилм номи; «Ёдгор» (Ғафур Ғулум) қисса номи, кинофилм номи; «Отамдан қолган далалар» (Тоғай Мурод) роман номи, кинофилм номи.

Умуман олганда, библионимларнинг бошқа атоқли отларга кўчиш ҳодисаси библионимларнинг ўзбек тили лексик сатҳда, хусусан, ономастик бирликлар орасида алоҳида ўринга эгаллиги, қолаверса, халқимиз учун сеvimли бўлган бадиий асар номлари орқали муайян объектни номлаб, шу объектнинг кишиларга янада яқин бўлиши каби жиҳатларини намоён қилади.

Адабиёт:

1. Muhammadaliyev H. Ssenariynavislik mahorati. Darslik. — Toshkent, 2009.
2. Raxmatov J. Tasviriy san»at darslarida O»zbekiston xalq shoirasi Zulfiya Isroilova she»rlari asosida illyustrativ rasm ishlash metodikasi // Science and Education, 2020.
3. Бегматов Е. Ўзбек тили антропонимикаси. — Тошкент, 2013.
4. Бердимуратова Р. Ўзбек тилида атоқли отларнинг трасонимизациялашувини тадқиқ қилиш масаласига доир. Ономастик бирликларнинг социолингвистик, этнолингвистик, лингвопоетик, лингвокултурологик, тадқиқ масалалари. — Наманган, 2022.
5. Библионим (юнонча bibliov — китоб + onoma — атоқли от) — ҳар қандай бадиий, илмий, диний, сиёсий асарга берилган ном (сарлавҳа). Идеоним тури. Бегматов Э., Улуқов Н. Ўзбек ономастикаси терминларининг изоҳли луғати. — Наманган, 2006.
6. Нуриддинова Р. С. Ўзбек ономастикаси терминларининг лисоний таҳлили. Филол. фанлари номзоди... дисс. автореф. — Тошкент, 2005.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1988. 187 с; Супрун В. И. Рус тилининг ономастик соҳаси ва унинг бадиий ва эстетик салоҳияти // Филология фанлари доктори илмий даражасини олиш учун илмий ҳисобот шаклидаги диссертация. — Волгоград, 2000.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1988.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 41 (436) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 26.10.2022. Дата выхода в свет: 02.11.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.